

ISS № 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურის
ინსტიტუტი

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

3

1985

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Кредо писателя-коммуниста 3

ПОЭЗИЯ

МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. Стихи. Перевела Галина Павловская	14
МАРИКА БАРАТАШВИЛИ. Стихи. Перевел Юрий Анохин	15
ЭТЕРИ САМХАРАДЗЕ. Стихи. Перевел Николай Черкашин	17
ТАМАР ДЖАВАХИШВИЛИ. Стихи. Перевел Владимир Еременко	18
ЛАЛИ ДЖАПАРАШВИЛИ. Стихи. Перевел Михаил Шор	19
КАМИЛЛА КОРИНТЭЛИ. Стихи	19
ДАЛИЛА БЕДИАНИДЗЕ. Стихи. Перевела Наталья Генина	20
МАКВАЛА ГОНАШВИЛИ. Стихи. Перевела Елена Юдковская	20
НАНА ГОГИЧАШВИЛИ. Стихи. Перевела Ирэна Сергеева	21
НАТА ЖВАНИЯ. Стихи. Перевел Леван Бегизов	22
КЛАВДИЯ СТЕПЧЕНКО. Стихи	22

3

1985

ДИК ВАН РЕУВЕЙК. Экстренное сообщение
Восстание грузин. Перевод с нидерландского
И. Волевич и С. Баженова 25

ПУБЛИЦИСТИКА

ЛЕВАН МАЧАИДЗЕ. Девятый вал на глади
Палеостомы 47

ПРОЗА

ОТИА ИОСЕЛИАНИ. Новеллы. Перевод
Александра Эбаноидзе и Олега
Казакова 66

АКАКИЙ ИРЕМАДЗЕ. Окно в прошлое. До-
кументальная повесть. Перевел Дэви
Стуруа 98

ВАХТАНГ ОРБЕЛИАНИ. Повесть о Петер-
гофе... Перевод и предисловие И. Бах-
тадзе и Н. Димитриади 138

АЛЕКСАНДР МЕЛИК-ПАШАЕВ. Семь сезо-
нов в Тифлисской опере. К 80-летию со-
дня рождения дирижера Александра Ме-
лик-Пашаева 149

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РЕВАЗ ЧХАРТИШВИЛИ. Благоволение му-
зы 166

АНАИДА БОСТАНДЖЯН. Среди армянских
друзей 172

ИНЕССА МЕРАБИШВИЛИ. «...Невозможно
отказаться от этой мечты». 179

РЕЦЕНЗИИ

В. БЕКАУРИ, Л. ТИХОНОВА. Мужество доб-
ра 186

НУГЗАР ЦХОВРЕБОВ. Единый мировой про-
цесс 191

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ. Глазами немецкого
друга 195

ИСКУССТВО

НАДЕЖДА КАТАЕВА-ЛЫТКИНА. «Океа-
ния» Ирины Гагуа. Вводная статья
Ирины Дзуцовой 200

ДАЛИ МУМЛАДЗЕ. Мир, созданный вдохно-
вением 206

ХРОНИКА 165, 171, 185, 199, 205

ПИСАТЕЛЯ-

КОММУНИСТА

ОТЧЕТ ПОЭТА ШОТА НИШНИАНИДЗЕ НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ЦК КП ГРУЗИИ

Мой творческий самоотчет на бюро ЦК Компартии Грузии был запланирован раньше. Поэтому я выступаю перед вами не как руководитель писательской организации, а как поэт и гражданин, как поэт-коммунист. Этот факт красноречиво свидетельствует о том, какое большое значение придает партийное руководство литературной и общественной деятельности писателя.

Не являясь теоретиком литературы, я не стану обозревать перспективу в калейдоскопе литературных явлений или вырабатывать какую-либо эстетическую формулу. Разрешите просто обратить ваше внимание на некоторые актуальные вопросы сегодняшней литературной жизни, вызвавшие интерес общественности, и, в связи с этим, вспомнить кое-что из собственного творческого опыта. Начну с того, что основными темами моих ранних книг являлись историческое прошлое Грузии, идиллические, деревенские пейзажи, буколические настроения, воспоминания детства. Эти темы и эти мотивы мало отвечали современной жизни, живой действительности и, если можно так выразиться, «выпадали» из контекста эпохи. Это было время, когда в республике нередко закрывали книжные магазины, открывая вместо них лавки, торгующие всякой всячиной. Ликвидация книжных магазинов в крае поэзии была необъяснимым святотатством для каждого честного грузина, тем более для грузинского писателя. Эту боль я выразил тогда такими строками:

**Я подошел к дверям... и вздрогнул,
Пошатываясь, повернул обратно:
Вместо букинистического магазина
На меня дохнули хинкальная... пивной бар,**

И меня охватило такое чувство,
Словно я, очутившись у любимого дома,
Забегал туда на минутку и... вместо друга
Наткнулся на его увеличенный траурный портрет...*

В те времена люди определенной категории не испытывали никакого страха перед законом. Именно в ту пору на Дни грузинской культуры в Берлине было откомандировано 300 поваров и лишь три писателя (время неопровержимо подтвердило, что признание таланту грузинского народа на мировой арене в большей степени принесли представители духовной культуры — искусства и литературы, нежели национальная кухня).

Но вот прошло время, и к руководству партийной организацией республики пришло новое поколение, одухотворенное высокими коммунистическими идеалами, которое поставило целью восстановить ленинские нормы в общественной деятельности и жизни. Художественная интеллигенция восприняла это общественное движение как всеобщую мобилизацию. Вскоре целая армия деятелей литературы и искусства оказалась в центре партийно-государственного внимания, и я считал себя одним из мобилизованных. Благоприятные перемены в общественной жизни — с одной стороны, государственное внимание к моей поэтической деятельности — с другой, неизмеримо расширили и диапазон моих общественных интересов. Живая действительность, бурная современная жизнь целиком захватила меня, расширив мой гражданский и художественный кругозор, обогатив творческие поиски новыми темами, проблематикой, мотивами, образами, ритмами, звуками и красками. Я написал стихотворение «Коммунисты», явившееся плодом вдохновения, навеянного славными делами партийного авангарда республики. Моя гражданская позиция четко проявилась в циклах стихов о нашей современности, в которых на передний план выдвинулись темы труда, строительства, войны и мира, революционная романтика. Благодаря художественному освоению актуальных вопросов я обрел огромную читательскую аудиторию. Если раньше я был автором небольших малотиражных поэтических книжек, то теперь мои стихи печатаются в объемистых сборниках, выходящих неслышанными для поэтических изданий тиражами.

Здесь я хочу привести конкретные факты воздействия на общество некоторых моих стихов.

* Здесь и ниже перевод подстрочный.

Одна из моих книг, в которую вошли лишь произведения, отмеченные премией имени Руставели, открывалась стихотворением «Коммунисты». Вскоре я получил от неизвестного мне читателя бандероль с моей книгой и коротеньким письмом, в котором было написано приблизительно следующее: «Уважаемый поэт! Вы являетесь автором «Песнопения крепостям и храмам», «Хевсура» и «Тевдоре», ваша же новая книга открывается «Коммунистами». Я не стал читать книгу и, возвращая ее обратно, прошу вернуть мне уплаченные за нее деньги. Арсен Арсенидзе, Тбилиси, тупик «Правды», 1». Думаю, что эти имя и фамилия, как, впрочем, и адрес, выражали настроения иных горе-патриотов. Тысячи и тысячи читателей думают совершенно иначе. Они выражают свою благодарность поэту тем, что знают это стихотворение наизусть, нередко ссылаясь на него в своих устных и письменных выступлениях, цитируя его в жалобах и заявлениях.

Ко мне часто приходят трудящиеся, но приходят не как к депутату Верховного Совета, а как к автору «Коммунистов».

Вспоминаются и другие случаи. На очистку реки Квирилы я откликнулся стихотворением, напечатанным в газете «Коммунисти». Но по техническим причинам вода в реке несколько дней все еще была мутной. Некий незнакомец позвонил мне домой: «Дела черным-черны, уважаемый поэт, вы же кричите на всю страну, что вода в Квириле чистым-чиста и все обстоит прекрасно...»

Вспомнил я еще об одном телефонном звонке: в прошлом году я опубликовал стихотворение под названием «Несколько диалогов в гардеробе театра»: шубы из норки, сидатры и других ценных мехов задирают носы и бахвалятся друг перед другом своими хозяевами. Одна гордится, что принадлежит жене судьи, другая — жене начальника треста, третья — жене репетитора и т. д. В тот же день мне позволили: неужели вы и вправду считаете репетиторство зазорным? Даже сам Иванэ Джавахишвили не чурался репетиторства. Я ответил: репетиторство для Иванэ Джавахишвили означало помогать отстающим студентам, а не превращать это благородное дело в источник наживы.

Стихотворение заканчивается следующими строками:

Слышатся дискант и бас шуб и дубленок...

Сплетничают и хихикают,

Придавая голосам солидность...

Простенькие же пальто почему-то похожи
На бунтовщиков, вздернутых на виселицу...

Люди часто цитируют в своих заявлениях и такие строки:

Жизнь — война, война меж пчелой и оводом.

Бывает, вор, украсивший верблюда, посылает
в тюрьму вора, позарившегося на иголку.

Поразительная все-таки штука — человеческая психология: процитированные строки одинаково нравятся как честным, так и нечестным на руку людям. Каждый считает виновным другого, хотя сам виновен не меньше. Примеры эти красноречиво свидетельствуют о силе публицистической поэзии, если она искренна и правдива. Правда одна на всех, но люди все же воспринимают ее по-разному: честные — так, как она есть, нечестные — шиворот-навыворот. У правды есть, оказывается, и вкус: для одних — горький, для других — сладкий. Здесь надо заметить, что стихи о Квириле и Петре Багратиони я написал по просьбе моих добрых друзей, иными словами, они были написаны «по заказу». Многие художественные шедевры античности и Ренессанса создавались по заказам. Как известно, заказчиками были сильные мира сего: императоры, великие князья, папы. Вспомним о благотворительной деятельности Мецената. Практика заказов существует и у нас, в Союзе писателей, по воле и выбору самих писателей, в зависимости от того, кто над какой актуальной темой собирается работать. Но разница тут весьма существенна: императоры и папы давали заказы лишь гениям, мы же, по преимуществу, заказываем рядовым писателям. Результаты мы также нередко получаем рядовые, точнее, серые. Поэтому мы должны прилагать все силы к тому, чтобы посылать в творческие командировки лишь талантливых писателей, ибо в художественном творчестве главное не количество продукции, а ее качество.

Люди, знакомые с механизмом творчества, верно, согласятся со мной, что писатель, пишущий на публицистическую тему, является исполнителем социального заказа. Древние говорили: философию породило сомнение, а поэзию — удивление и восторг. Подразумевалось, что удивление и восторг поэта способно вызвать нечто прекрасное — скажем, восхищение перед красотой природы или воспоминания детства. Восторг, естественно, настраивает поэта на сладостные звуки. Но поэт, пишущий на публицистические темы, должен открыть для себя иную красоту, углубиться в сложную природу

ду предметов и явлений, в хитросплетение причинно-следственных связей и добыть из недр жизни, из глубинных пластов человеческих душ ту красоту, которая служит обществу. Для обретения этой красоты необходимы огромные душевные затраты, постоянная закалка духа, а такое не по плечу писателям средних способностей. Именно потому быть глашатаями своей эпохи — высокий долг и огромная ответственность. Гражданская лирика выполняет не только государственные функции — служба народу, она берет на себя и историческую миссию. Я всегда стремился выражать думы и чаяния возможно большего числа людей и к тому же выражать так, чтобы направить внимание и эмоции читателей по верному руслу. Скажем, если я написал патристическое стихотворение, то оно должно пробудить в грузине национальное самосознание, любовь к родной земле и т. д. Однако стихотворение это не должно быть кичливым, ущемлять национальное достоинство других народов, что, кстати, никогда не было присуще грузинскому национальному характеру. Враждебность и нетерпимость не к лицу ни малым, ни большим народам. В этом плане верным выражением грузинского патриотизма я считаю свою «Абхазскую кантату», написанную с позиций истинных сынов грузинского и абхазского народов, какими были Акакий Церетели, Лео Киачели, Константина Гамсахурдиа, Георгий Леонидзе, Георгий Шервашидзе, Дмитрий Гулиа и другие. Позиция эта — позиция любви. Именно любовь возвышает нас, людей. Партийная позиция в этом сложнейшем вопросе оказалась как раз на стороне названных здесь народных трибунов. Это было еще одной славной победой, еще одной демонстрацией мудрой ленинской политики дружбы народов. И на демонстрации этой дружбы народов грузинские писатели в качестве одного из транспарантов, провозглашающих братство между грузинами и абхазами, несли и мое стихотворение.

Я всегда стараюсь писать о вещах, которые имеют отношение к национальному феномену. Таковой мне представляется лоза — национальный тотем и метафора грузинского бытия, грузинского характера и духа. Поэтому я и посвятил лозе и виноградарям несколько хвалебных гимнов, на которые композитор Огар Тактакишвили создал величальную труду и ораторию. В случае необходимости я часто прибегаю к иронии, к жагру пародии как к испытанному и острому оружию в борьбе против всяческих недостатков в общественной жизни.

Писать о недостатках необходимо, только смотря как

писать и с каких позиций. Одно дело, когда ты пишешь с болью в сердце, как близкий человек и благожелатель, и совсем другое, когда ты пишешь с издевкой, довольной потирая руки и хихикая...

Героическое начало в истории, изначально привлекавшее меня в процессе работы над негрузинским материалом, было осмыслено мною как мотив дружбы народов. Так были написаны стихи «Илья Муромец», «Песня об украинском певце, или Тарас Бульба», «Завещание Яна Жижекки», «Последний монолог Лорки», «Баллада о Януше Корчаке» и другие. Все свои публицистические стихи я рассматриваю как пример социального заказа. Говоря иными словами, моим заказчиком является моя же гражданская совесть. Да, гражданская совесть является для меня и папой Римским, и императором, и Меценатом.

Так логика моей жизни и творчества потребовала от меня, чтобы я встал в ряды Коммунистической партии. Случилось это в 1974 году, и с тех пор еще больше возросла моя ответственность перед временем, перед страной и литературой.

В последнее время среди литературных жанров зримо повысилась роль художественного очерка как наиболее насыщенной и живой формы оперативного реагирования. Ныне множество регионов республики представляет собой огромную лабораторию хозяйственно - экономических экспериментов, в которой обретают плоть самые смелые и дерзновенные идеи. Эта атмосфера творческого поиска, стремление насаждать новое — близки и органичны литературе. Поэтому писатели проявляют огромный интерес к художественному исследованию духовного мира людей, которые возглавляют и практически воплощают в жизнь грандиозные планы экономических преобразований. Художественный очерк и впрямь достиг серьезных успехов в этом направлении. Обогатилась его жанровая модель, основными чертами которой стали фактологическая точность и документализм. Очерк подобного рода органично впитал в себя элементы беллетристического повествования и газетного репортажа, лирического монолога и эссеистического анализа. Художественный очерк по крупницам собирает огромный материал о передовых людях — наших современниках. Здесь фиксируются наиболее интересные страницы их биографии, штрихи их личностного портрета, самые значительные детали и факты их деятельности. Надо полагать, что современный очерк явится той богатейшей картотекой, тем художественным арсеналом, существование которого

необходимо как предварительное условие для создания в будущем впечатляющих художественных полотен.

О величайшей роли и назначении художественной литературы в жизни народа, о ее сложных задачах и проблемах с ленинской прямоотой говорил в своем выступлении на юбилейном пленуме Союза писателей СССР руководитель нашей партии Константин Устинович Черненко. Выступление это — новая блестящая страница в истории теоретической и эстетической мысли партии. Его мудрые и гуманистические положения осветят путь многим поколениям писателей в освоении все новых и новых творческих горизонтов.

Теперь несколько слов о литературной молодежи, работа с которой является моей служебной обязанностью на протяжении последних лет. Какова молодая литературная поросль? Она именно такова, какой и должна быть: неоднородная или, точнее, разнородная и притом поразительно многочисленная.

Молодых творцов всегда характеризуют присущие лишь им новое видение и новое отношение к действительности. Молодым к лицу творческий поиск и смелость, страсть к сокрушению старого и созиданию нового. Однако молодежи необходимо знать, чему она призвана служить своим талантом. Молодежь должна знать, что она обязана быть в ответе за все происходящее в жизни перед своим народом, своей страной и своим временем.

Если ты не гражданин — не быть тебе истинным творцом. Нередко молодые писатели слишком увлекаются всем иноземным. Их произведения зачастую пестрят многочисленными цитатами из иностранных авторов. Иные считают хорошим тоном слепое заимствование чужеземных литературных моделей. По моим наблюдениям, литературная молодежь не слишком-то знакома со своей национальной сокровищницей, как материальной, так и духовной культурой. К писательству она чаще приходит от литературы, нежели от жизни, а жизненный опыт начинает приобретать лишь после ранней профессионализации. Но для изучения жизни требуется довольно длительное время. Оттого-то и запаздывает полное и своевременное выявление творческой потенции молодых писателей. По сравнению с поэтами прозаики больше выделяютя общей культурой письма, чувством формы и художественной зрелостью. В поэзии участилась, так сказать, фальсификация стиха, поразительно облегчилось писание стихов, зато затруднилось создание истинной поэзии. Подобно сорнякам, разрос-

лись художественный блеф или мнимая художественность, воспринимаемые больше как антипоэзия, нежели как художественное мышление. Блеф так же похож на истинную, как ядовитый гриб на съедобный, оттого он и опасен вдвойне. Блеф этот является порождением псевдоновизны, псевдоноваторства. Новаторство же лишь тогда бывает истинным, когда оно берет начало в недрах традиции, то есть новаторство должно опираться на постамент традиции, иначе оно очень скоро растает, подобно снежному намятнику.

Писание стихов «облегчилось» в период тотального засилья верлибра, или свободного стиха. Многие сторонники этой формы отрицают систему рифмовки, отказываются от ритма и метрики, что вполне понятно. Но непонятно, почему они изгоняют из художественного мышления метафоры и художественные образы? Неужели свободный стих не является формой художественного мышления? Подобный свободный стих зачастую является откровенной прозой и разве что лишь графически отличается от нее. Свободный стих может быть свободен от версификационных «оков», но почему он должен быть свободен от мыслей и эмоций? Как тут быть? Видимо, остается в силе наставление Руставели: из кувшина выльется лишь то, что в нем балито. По моему глубокому убеждению, проза В. Барнова, К. Гамсахурдиа, К. Лордкипанидзе, Л. Готуа гораздо ближе к стиху, содержит гораздо больше поэзии, нежели абсолютное большинство произведений грузинских верлибристов.

Совершенно иначе обстоит дело с зарубежным верлибром в смысле его совершенства и организации формы. Он в состоянии передать информацию самого разнообразного характера, медитативно-философские настроения, сложные художественные ассоциации, богатое содержание, глубокую мысль. Да, у свободного стиха есть возможности расширить границы поэзии до рубежей беллетристики и эссе. Однако, когда иной виршеплет облакает свои убогие мыслишки и примитивное видение в форму верлибра, то это одновременно и кощунство, и слепая погоня за модой, и отсутствие творческого поиска. Подобным авторам попросту недостает элементарного технического мастерства, не хватает душевной энергии, чтобы с помощью рифм естественно выстроить строфу из четырех строк.

Несмотря на большие возможности, верлибру все же не под силу разрабатывать темы, имеющие гражданское звучание. К примеру, верлибром невозможно написать ни песню, ни марш, ни гимн, ни оду, ни балладу. Верлибр не сможет сплотить и повести за собой массы к достижению идеалов. Нельзя лишать

гражданских прав поэзию, которая призвана служить народу. Одной из распространенных разновидностей художественной фальши является слепое копирование чужеродных поэтических моделей. Определенная часть молодежи избегает писать на актуальные темы. Почему это происходит? Потому, что инженеров человеческих душ у нас, что называется, раз-два и обчелся, а ремесленникам — несть числа. Армия этих ремесленников на протяжении десятилетий усердно разрабатывала, опекала и эксплуатировала эти актуальные темы.

Множилось число художественно вялых, бездушных стихов. Параллельно накапливалась и читательская антипатия по отношению к подобной поэзии и ее авторам. Если публицистическое стихотворение написано через силу или без души, оно красноречиво свидетельствует о спекуляции на теме и идее. Читатель раздражается. Тем самым мы сами отвращаем его от поэзии, от идеи и темы, на которую написано стихотворение. В конце концов случилось так, что актуальными темами завладели непоэты. А вслед за этим укоренился вредный предрассудок. Мы свыклись с тем, что публицистический стих непременно должен быть слабым и писать его должен слабый поэт. К сожалению, свыклись настолько, что не жалеем для сей поэтической халтуры ни премий, ни прочих поощрений.

Часть молодых поэтов не слишком жалуется и патриотическую тему. Согласно их ошибочному мнению, и эта тема так же захватана и опорочена, как и темы, отражающие нашу современность. Те, кто не в состоянии писать на темы патриотизма и современности, как правило, являются слабыми поэтами. Истинных же поэтов прежде всего волнуют именно темы патриотизма, современности. Таковы духовные запросы большого таланта, носителя большой гражданской совести.

В Союзе писателей существует комиссия по работе с молодыми писателями. Консультантами в ней в соответствии с жанрами работают известные писатели. Они рассматривают рукописи молодых, пишут рецензии, делятся с молодежью своим богатым опытом. Систематически устраиваются публичные выступления молодых поэтов, проводятся литературные чтения.

Союзу писателей Грузии вышестоящими органами поручено ежегодно издавать молодежный альманах объемом в двадцать авторских листов. Издательства ежегодно публикуют первые книги пятнадцати-двадцати наименований. Для молодых поэтов специально учреждены Государственная премия

имени Маяковского и премии Дней Маяковского. Дни Маяковского — не только праздник поэзии великого трибуна революции, но и своеобразная школа, в которой завязывается и крепнет дружба молодых поэтов разных национальностей. Они переводят и популяризуют произведения друг друга, делятся опытом, переписываются, поддерживают дружеские и творческие контакты. Лишь в Грузии существует такая замечательная творческая организация, как Главная редакционная коллегия по художественному переводу и литературным взаимосвязям, где специально создана группа по работе с молодыми переводчиками. Здесь подготавливают подстрочники произведений молодых писателей, которые затем рассылаются союзным либо республиканским газетам, журналам и издательствам.

Зимой и летом в Бакурани и на курортах Черноморского побережья устраиваются семинары и симпозиумы молодых писателей. Видные поэты и прозаики читают спецкурсы по проблемам художественного творчества в Тбилисском государственном университете. В ЦК ЛКСМ Грузии работает республиканский центр молодой творческой интеллигенции. В Союзе писателей для молодых выделены жилищный фонд, творческие командировки и многое другое. Необходимо отметить, что молодежь активно выдвигают в редакционные органы. Моему поколению, которое прекрасно помнит свои первые шаги в литературе, подобные привилегии и внимание кажутся роскошью. Высказываются и опасения — не создаем ли мы молодым искусственно тепличные условия? Ведь не исключено, что в результате такой опеки молодежь утратит задор и азарт преодоления трудностей.

В этом смысле заслуживает самого серьезного внимания проникнутая глубокой жизненной правдой мысль, высказанная товарищем Эдуардом Шеварднадзе на XIX пленуме ЦК Коммунистической партии Грузии: «Проявляя всестороннее внимание к молодежи, всячески заботясь о ней, мы в то же время должны быть крайне строги и абсолютно справедливы, как это и подобает хорошим родителям».

Для идейно-эстетического воспитания подрастающего поколения считаю необходимым, чтобы с первых же дней обучения в нашей школе дети изучали шедевры классической и советской лирики, собранные в один сборник. Овладение подлинными художественными ценностями способствует воспитанию здорового мироощущения, высоких идеалов. В сборник этот, наряду с произведениями грузинской литературы, должны

войти избранные переводы, лучшие художественные достижения нашего времени, скажем, «Стихи о советском паспорте» В. Маяковского, «Коммунисты, вперед!» А. Межирова, фрагменты из поэмы Е. Евтушенко «Пресека», посвященные грузинам, работающим на БАМе, и т. д. В этом сборнике найдется место и для таких рассказов, как «В соляной колыбели» Р. Коркия, «Хаки Адзба» Л. Кначели, «Караван без дороги» Л. Готуа и многих других. Некоторые из перечисленных здесь произведений входят в школьные программы, но, собранные в одну книгу, они помогут лучше достичь цели. А цель такова: воспитать молодежь в духе патриотизма, интернационализма и коммунистической идейности. Таких высокохудожественных произведений очень мало, и сборник получится небольшой, изучение его, хоть и не предусмотренное программой, будет обязательным. В конце концов, чего только не спрашивают у абитуриентов на приемных экзаменах, так пусть же лучше спросят с них знание этой литературы. Сборник этот должен быть издан с таким тщанием и любовью, как издаются у нас учебники.

Молодежь должна ответить на эту заботу упорным трудом, творческим горением. За каждым шагом молодых писателей следят с особым вниманием, с особым вниманием изучают все их удачи и промахи, т. е. о молодежи много думают, думают о том, каков будет завтрашний день грузинской литературы, ее судьба. Именно в этом состоит государственная дальновидность, именно в этом заключается партийная мудрость.

Союз писателей Грузии, претворяя в жизнь мудрую политику партии, обязан всячески поддерживать молодые таланты. Из сотен начинающих писателей мы должны выделить тех, кто вонистину призван стать писателем, ибо литературу создают таланты. А массовым должен быть читатель. В литературе количественные показатели никогда не перерастают в качественные. Для талантливых литературных единиц мы не должны жалеть ни печатных листов, ни повышенных тиражей, ни высоких гонораров, ни рекламы. Не будем забывать крылатое выражение известного русского поэта: «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами».

(ГрузИНФОРМ).

Маквала МРЕВЛИШВИЛИ

ТЕПЛОХОД «ГРУЗИЯ»

1.

Мощен пульс в гигантских жилах-трубах;
Четко бьется сердце-великан.
Волны, набегая друг на друга,
Хлещут белоснежные бока.

В даль морскую я смотрю влюбленно.
Тучи брызг лицо мне обдают.
Милый кров, очаг мой нареченный,
Беспокойных путников приют!

Белый конь, холеный и ретивый, —
Не один, а тысячи коней!
Дробен стук копыт нетерпеливый,
Пар валит из трепетных ноздрей.

Громоздятся волны штормовые.
Ночь справляет в море грозовом
Свадьбу необузданной стихии
С величавым белым кораблем.

Белый конь, смиряя нетерпенье,
Режет волны, рассекает тьму,
А вода, бледнея от волненья,
Стелется, покорная ему.

2.

Ранним утром мы тебя покинем
И вернемся только к ночи—спать.
Ожидай же нас в раздолье синем,
Ласковая названная мать.

В час, когда у самого залива
Волны сонно замедляют бег,

Восемьсот детей твоих счастливых
Возвратят автобусы тебе.

Всех ты встретишь ласково, с любовью,
Всех заманишь под надежный кров,
Заслоняясь флагом, как рукою,
От метелицы прожекторов.

За тобой во мгле синеют дали,
Дремлет море в тихий, поздний час.
— Где же вы так долго пропадали? —
Усыпляя, пожурить ты нас.

С ног стряхнув до завтра пыль чужбины,
Мы уснем под сонный говор волн.
Колыбельной песней усыпи нас,
Мерным ритмом сердца твоего.

От отчизны ты нас оторвала
И отчизной стала нам в пути.
Так отрадно путникам усталым
Засыпать, прильнув к твоей груди.

Перевела Галина ПАВЛОВСКАЯ

Марика БАРАТАШВИЛИ

КРАСНАЯ ГВОЗДИКА

В одном из кахетинских сел в доме погибшего
воина устроен мемориальный музей. На стене в
рамках — двадцать шесть портретов односель-
чан, погибших в Великую Отечественную войну,
а в двадцать седьмой раме — красная гвоздика.

Давно отгрохотал
Войны набат,
Угас пожар
Кровавый и жестокий,
И тех,
Кто не пришел домой
Назад,

В звенящей тишине,
Грустит цветок,
Как алый флаг,
Триспущен.
Стоит цветок —
Проклятием войне.
Стоит

предупреждением
живущим!

Перевел Юрий АНОХИН

Этери САМХАРАДЗЕ

РОЗЫ НА УЛИЦАХ КИЕВА

На улицах Киева — розы.
Остановитесь, взглянитесь!
Копыта татарских коней
К земле их прибить не смогли.
Их конница шляхты не смяла.
Шипы их вонзались в ноги
Врагам. И враги бежали.
Шипы превращались в штыки,
И проволокой колючей
В году сорок первом, горячем,
Стали живые стебли
У немцев на черном пути.

На улицах Киева — розы.
Цветы?
Нет. Сердца героев
Яростно пламенеют
На Ярослава валу,
Рдеют на Красной площади
И на Владимирской горке.
Я вижу их на Крещатике,
У золотых ворот...

На улицах Киева — розы.
Мне древний язык их понятен:
«Любовь и жизнь», —
Шепчут розы
На каждом,
На каждом шагу.

Истлели дубы вековые,
Но вечные,
Вечные розы
Тебя украшают,
Мой Киев.

Перевел Николай ЧЕРКАШИН

Тамар ДЖАВАХИШВИЛИ

Если сон эти дни под небом —
Сон во сне твой приход за мною
Раньше срока себе на горе,
Раньше времени я очнулась —
Нет лица твоего, исчезло...
А едва подниму я веки,
То и память уйдет, и память...

Перевел Владимир ЕРЕМЕНКО

СНЕЖНЫЙ ЛЕБЕДЬ

Любовь твоя — лебедь из снега.
Тропинкой замерзшей бредешь.
Шагов одинокое эхо.
Пороши искристая дрожь...

А в марте растаявший лебедь
Прольется потоком дождин,
И жадно большие ладони
Подставит им парень один.

Тот парень беспечен и весел,
И все ему — радость и смех.
Не знает, что держит в ладонях
Твой растаявший снег...

Перевел Михаил ШОР

Камилла КОРИНТЭЛИ

●
Молчи, молчи!
Как можно говорить про это!
Здесь каждый шаг —
Как крыльев взмах,
И каждый миг —
Как вечность.
Молчи! И только крепче
Зажми в руках ключи:
Вот-вот взойдет звезда рассвета.

●

Как можете друг друга берегите —
неправда, что судьба нас бережет:
она внезапно рвет живые нити —
мы губим тех, кто любит нас и ждет.
Так берегите же любовь, покуда,
как лётная погода, жизнь ясна,
покуда ждет еще мгновенья, чуда
та женщина — любимая, одна.
Минуты берегите — свет летящий:
еще смелы вы и еще сильны.
Минувшее не станет настоящим,
и стоят жизни нам иные сны.
И берегите слово, что поныне
и воскрешает сердце, и мертвит.
Не дать бы воли злу или гордыни,
да выпорхнуло слово — и летит.
Как можете друг друга берегите —
неправда, что судьба нас бережет.
Но — разрываются живые нити,
и губим мы друг друга в свой черед...

Перевела Наталья ГЕНИНА

◆

Маквала ГОНАШВИЛИ

СПОКОЙСТВИЕ

Я позабыла старые напевы
осенних ветров на озябших склонах.
Моя душа подобна старой деве,
что равнодушно судит о влюбленных.
Как высохшая грудь холма весной
ждет первого прикосновенья солнца,
и женщины, ослепнув от бессонницы,

оплакивают годы, как скупой —
растроченные деньги — безутешно,
как постаревший Дон Жуан с надеждой
на вдовушку смазливую глядит
и тайной грустью сердце бередит,
как роконосцы принимают ласки
неверных жен —

зот так и я под маской
хожу одна, не ведая утрат.
Но дым воспоминаний застит взгляд
и брезжит первой слезкой на щеке,
как маковая кровь на стебельке.

Перевела Елена ЮДКОВСКАЯ

◆

Нана ГОГИЧАШВИЛИ

НА ЛАДОНИ МОЕЙ ВОРОБЕЙ

На ладони моей воробей...
Жизнь в душе у кого-то
руками шарит.
И вода мутнеет.
Душе мешает,
душит что-то.
Он в кашле, скривясь, зайдетcя,
вдруг рукою махнет:
«Жизнь? Шут с ней!»
На ладони моей воробей...
Где-то кто-то себя боится
потерять
и не может лица —
злые, добрые — отличать.
Жизнь не злом началась,
не так, —
потому он не в силах в кулак
сжать ладонь,
коль на ней — воробей.

◆

Перевела Ирэна СЕРГЕЕВА

ТРЕУГОЛЬНИК В КВАДРАТЕ

Мы снова вместе.

Лишь день прошел, а кажется — уже
сто тысяч раз часы песочные перевернулись.
Втроем мы с ними в комнате — как треугольник,
вокруг которого квадрат сомкнулся.

Совсем еще недавно
поодиночке тихо мы терялись
в бесчисленных и чуждых нам кругах, квадратах комн
и треугольниках.

А ныне, словно оторвавшись
от силы притяжения земного,
мы смотрим друг на друга,
и чувства наши — близнецы;
усталые, залечиваем раны наших тел,
что так изрезались об острые углы чужие.

Лишь с пылью смешивается вдали
та пыль, что мы с себя стряхнули,
к себе вернувшись, за порогом...

Мы снова вместе.

Лишь день прошел, а кажется — уже
сто тысяч раз часы песочные перевернулись.

Мы снова вместе,
а значит — попросту
мы в счастье, возведенное в квадрат, вернулись.

Перевел Леван БЕГИЗО

Клавдия СТЕПЧЕНКО

УХОДЯТ ГОДЫ ВДАЛЬ

Уходят годы вдаль, как поезда,
Мы счет ведем растущим поколениям:
У внука вырастает борода,
На правнуков мы смотрим с умилением.

А в мирной жизни дел невпроворот,
Страна наращивает темпы роста,
Стремясь неудержимо все вперед.
И многое уже не вспомнить просто.
Нельзя забыть лишь сорок первый год:
В нас боль утрат ничем не возместится,
И в сердце память сохранил народ
О тех, кто никогда не возвратится.
Мы не забудем их, простых парней,
Что шли на бой за честь своей Отчизны
И падали, и гибли на войне,
За нас, не дрогнув, отдавая жизни.
И память возвращает поневоле
Былое. Снова видится вдали
Траншеями изрезанное поле...
Восходит запах гари от земли...
Я помню как сейчас: взошла луна
Над бруствером дымящимся окопа.
Бой отгремел недавно. Тишина...
Но вдруг послышался мне тихий шепот:
«Сыночек мой, кровиночка моя...»
В неверном лунном свете тень мелькнула,
Фигуру чью-то увидала я —
Она к траншее медленно шагнула.
Простоволосая, с седою головой,
Согбенная неуголимой болью,
Шепча все время: «Где сыночек мой?»,
Как призрак скорби, шла она по полю.
Забыть ли судьбы стольких сыновей,
Огнем войны безжалостно палимых,
Пропавших без вести в далекой стороне,
Не знавших ласки девушки любимой?
...Уходят годы вдаль, как поезда.
А вдоль путей — лишь памятные даты.
Так пусть цветы не вянут никогда
Над прахом неизвестного солдата!

Клавдия Сергеевна Степченко — участница Великой Отечественной войны, живет в Тбилиси, воевала на Ленинградском фронте, прошла военный путь от рядовой до капитана. Тема войны — одна из основных тем стихов К. Степченко.

СЛЕПОЙ

Навстречу мне однажды шел слепой.
Остановившись у проезжей части,
Он палкою водил перед собой,
Беспомощен и слаб в своем несчастье.
И вдруг узнала я забытые черты
Его лица за темными очками.
«Наш политрук! Живой? Ужели ты?!»
И каплей по щеке сбежало пламя,
И вспомнился опять тот бой в районе Мги.
Упал наш командир, сраженный вражьей пулей.
В дыму, таком густом, что не видать ни зги,
Вся рота залегла... атака захлебнулась...
Но встал наш политрук и, вскинув автомат,
Отважно снова бросился в атаку.
Своим порывом он зажег ребят
И крикнул им: «За мной! Назад — ни шагу!»
Был шквал огня. Обрушилась на дом,
Все разметав, тяжелая фугаска.
Был вихрь осколков и камней... Потом
Что было — помнил он уже неясно.
А в госпитале, как-то на заре,
Еще он шевельнуться в силах не был —
Над ним склонившейся палатной медсестре
Задал вопрос: «Какого цвета... небо?»

Через дорогу я перевела
Его, обняв за согбенные плечи...
Вот как судьба нечаянно свела
Так много лет спустя соратников по сече.

Цветут в родной стране поля и города —
В том и его заслуга...
— Эй, прохожий, снимите шляпу:
Родине отдал
Он то, что в жизни нам всего дороже!

Это произошло ночью 6 апреля 1945 года на острове Тексел (из группы Западно-Фризских островов). Всего лишь узкий проливчик — Зегаг ван Тексел (Морские ворота Тексела) отделяет этот остров от материка — провинции Северная Голландия.

Для немецких захватчиков Тексел являлся важной в стратегическом отношении частью Атлантического вала, который должен был «охранять» фашистскую Германию от союзных войск. С годами немцы превратили остров в мощную крепость, оснащенную тяжелыми береговыми батареями.

Восстание советских бойцов проходило под кодовым названием «День рождения». Весь апрель и большую часть мая вплоть до 21-го числа, когда на остров Тексел прибыл Первый канадский армейский батальон, шли ожесточенные бои между горсткой советских военнопленных и значительно превосходившими их силами фашистских захватчиков, получавших с материка все новые, свежие подкрепления. Канадский корпус обезвредил немцев, и тогда только закончилась трагедия, унесшая жизнь больше половины бойцов Грузинского батальона.

Так Тексел стал последним полем битвы Европы, на котором полегли свыше двух тысяч немецких захватчиков, но за их уничтожение заплатили своей жизнью сотни советских воинов и местных жителей.

Через тридцать пять лет после окончания Второй мировой войны в Нидерландах появилось несколько документальных книг, посвященных

Дик ван РЕУВЕЙК

ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

●
Восстание грузин

Перевод с нидерландского
И. ВОЛЕВИЧ и С. БАЖЕНОВА

подвигу грузин. Среди них выделяется книга Дика ван Реувейка*, журналиста, писателя, кинорежиссера. Он задумал поставить документальный фильм, посвященный событиям на Текселе, для чего тщательно изучил весь Текселский военный архив, посетил Советский Союз, где встретился с ветеранами восстания и взял у них интервью, завязал личные контакты с местными жителями, очевидцами героического восстания, с членами боевой группы движения Сопротивления на Текселе и с коммунистами. Использовал снимки, карты и фотографии, которые ему предоставила

* Книга Реувейка издана на острове Тексел в 1981 году. В издании принимали участие сотрудники грузинского музея на острове Тексел.

текселская община. Одним из основных источников, на которые он указывает в библиографии, являются работы грузинского историка М. Кочиашвили, опубликованные в трудах Тбилисского института истории, археологии и этнографии имени И. Джавахишвили (изд. «Мерани», Тбилиси, 1969 г.). Двухсерийный документальный телефильм, который в течение двух часов смотрело около двух миллионов жителей Нидерландов, появился на экране в 1979 году, а в 1981 году вышла книга Дика ван Реувейка «Экстренное сообщение. Восстание грузин». На обложке книги на фоне голубого неба с белыми барашками облаков реет красное знамя, которое несут бойцы Грузинского батальона, одетые в бурки, с красной звездой на папаче.

* * *

— На нем живого места не оставалось: ранен был местами в двадцати. Вскоре все мои простыни ушли на бинты, потому что повязки надо было менять каждый день. Он испытывал ужасные мучения, но все же только улыбался и шутил. «Милая мамочка» — вот все, что я могла понять.

Долгие годы пожилая супружеская пара много раз повторяла этот рассказ о «нашем» грузине. И каждый раз появлялись фотографии статного грузина с романтически горящими глазами. И опять старая женщина гладила пожелтевший любительский снимок с той же нежностью, с какой когда-то выхаживала Алексея.

В апреле 1945 года эта бездетная чета жила недалеко от дюн, в окрестностях поселения Де Ког. Когда, в конце войны, грузины восстали против немцев, хутор оказался почти между позициями враждующих сторон. Днем к ним то и дело стучались немецкие солдаты, требуя молока или яиц. Ночью за продовольствием приходили грузины.

В тот день, когда немцы отвоевали этот участок у грузин, хозяин заподозрил что-то неладное. Вечером он пошел проверить участок и в водоотводной канаве, в грязи, увидел

тяжелораненого грузина. Тот настолько ослабел, что не мог даже есть. Надежно спрятать его на маленьком хуторе было невозможно. Кроме того, сюда все время наведывались немцы в поисках уцелевших грузин.

Раненого перевязали, но на ночь оставили в поле, под дождем. Хозяева всю ночь не сомкнули глаз. Надо было что-то делать, но вся округа кишела немцами. Наутро жена категорически решила: раненый имеет право на пристанище и уход. Они перевезли его на тачке к себе домой и поместили на чердаке, а потом как умели перевязали его раны.

Грузин, как видно, был благодарен за заботу о нем, но продолжал сильно нервничать. Наконец он с трудом объяснил хозяину, что в канаве остался его пистолет, и спокойно уснул, лишь когда оружие оказалось у него под подушкой.

День за днем хозяйка промывала ему раны и перевязывала их самодельными бинтами, сделанными из простынь. Очень напряженными бывали минуты, когда немецкие разведчики заходили на хутор за молоком. При малейшей опасности Алексей, так звали раненого, вытаскивал свой пистолет, готовясь застрелить первого же немца, который его обнаружит. Муж и жена понимали его состояние, но знали также, что если бы его нашли у них, это стоило бы им жизни.

Хотя немцы заходили каждый день, все обходилось благополучно, потому что немцы не могли и представить себе, что прямо у них над головой прячется их смертельный враг.

— Каждый час и каждую минуту приходилось быть настороже, да еще при этом снабжать немцев молоком. Несмотря на то, что я ничего не смыслю в уходе за ранеными, дела у Алексея пошли прекрасно. Один раз удалось позвать доктора. А через несколько недель раненый смог ходить, конечно с пистолетом в кармане. Ах, это был такой милый мальчик. Смотрите, вот он в старом костюме мужа.

И сейчас, через 35 лет, Алексей, казалось, продолжает жить в этом маленьком домике, окруженный заботой его хозяев...

Этот бесхитростный рассказ как-то сразу вводит в атмосферу дружелюбия и самоотверженности, царившую среди простых людей Тексела.

Чтобы наиболее полно осветить историю появления на Текселе Грузинского батальона от начала и до конца, мною составлена «Хроника важнейших событий».

20 мая 1940 г. На Текселе появляется первый немецкий квартиррьер для размещения немецкого гарнизона.

Июнь 1941 г. Нападение Германии на Советский Союз (Операция Барбаросса).

Конец 1941 по 1943 год. Создание в немецкой армии восточных легионов. Военнопленных русских включают в состав вермахта. Так возник в числе других Грузинский легион (13 полевых батальонов).

Сентябрь 1943 г. Через Францию в Зандворт (вблизи Гарлема), где разрабатываются планы строительства береговых укреплений, прибывает 822-й Грузинский пехотный батальон. Устанавливается контакт с местной организацией движения Сопротивления.

Конец 1944 г. Грузинское командование обсуждает план восстания с участниками движения Сопротивления.

Сентябрь 1944 г. На Тексел переводится Северо-Кавказский батальон, также входивший в Восточный Легион.

10 января 1945 г. На смену Северо-Кавказскому батальону на Тексел прибывает Грузинский батальон. Первые контакты с местной организацией Сопротивления.

Февраль 1945 г. Заканчивается разработка плана восстания под кодовым названием «День рождения».

5 апреля 1945 г. Распоряжение немецкого командования отправить на фронт против союзников 500 бойцов из числа 800 грузин.

6 апреля 1945 г. 01.00 час. Грузины восстают и убивают 400 немцев, входивших в состав батальона.

6 апреля 1945 г., полдень. Контрнаступление немцев, бомбардировка населенного пункта Ден Бург.

8 апреля 1945 г. Спасательная лодка «Джон Ходсон» с десятью жителями Тексела и четырьмя грузинами на борту отплывает в Англию за помощью.

22 апреля 1945 г. Немцы захватывают последний оплот грузин, маяк около поселка Де Коксдорп. Немцы ведут облаву на уцелевших грузин.

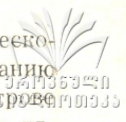
Конец апреля — по 20 мая 1945 г. Партизанская война и перестрелка между немцами и грузинами.

5 мая 1945 г. Капитуляция Германии: немецкий гарнизон на о. Тексел отказывается сложить оружие.

20 мая 1945 г. Первый Канадский армейский корпус прибывает на Тексел и обезоруживает немцев.

16 июня 1945 г. 228 оставшихся в живых грузин покидают остров.

Начало 1946 г. Грузины возвращаются в столицу Грузии — Тбилиси.

Остров Тексел является важным участком Атлантического вала, который должен был защитить фашистскую Германию от вторжения союзных войск. За годы пребывания на острове немцы превратили Тексел в сильно укрепленный район с тяжелыми береговыми батареями.

Из 9000 жителей острова около 7 процентов были членами партии Национально-Социалистического Движения (НСД), партии голландских фашистов, сотрудничавших с немцами.

Присутствие на острове нидерландских фашистов (НСВ) большинству жителей Тексела не понравилось. Очень быстро появились планы создать подпольное движение Сопротивления. Зачинщиками этого дела были, в частности, братья Снук. Хьюг Снук был матросом и еще задолго до войны проникся ненавистью к свастике. Когда ему случалось бывать в немецких портах, он участвовал в кулачных стычках с приверженцами Гитлера.

Командиром подпольщиков был В. Н. Келдер, главный муниципальный советник, а его помощником по связи с материком — Якоб Кейзер.

Вот что рассказывает Кейзер о первых шагах движения Сопротивления на острове:

— В первое время нас в основном беспокоил свой, голландский фашизм. В 1940-м никто, конечно, не знал, чем кончится война. Даже Америка еще не воевала. Мы опасались — а вдруг воюющие стороны договорятся и в Нидерландах придет к власти фашизм. Надо было создать такую организацию, которая могла бы выступить против своих фашистов, а следовательно, и против немцев. И мы постепенно создали довольно широко разветвленную организацию, которая насчитывала под конец около 400 человек. Ввиду того, что немцы пока не очень притесняли население Тексела (у них было достаточно неприятностей и на самом материке), здесь было почти спокойно. По указанию штаба движения Сопротивления, который находился на материке в Алкмаре, мы стремились не обострять обстановку на острове. Был дан командный пароль — «На Текселе все спокойно». Ограничивались пока тем, что убивали всех, кто бежал от немцев с материковой части Голландии. Таких было очень много, в том числе стариков, женщин и особенно детей. Островное положение нашей организации требовало особой осторожности — вся связь с центром шла только морем, а это было ненадежно.

Около 20 мая 1940 г., вскоре после капитуляции нидер-

ландской армии, на о. Тексел появились оккупационные войска. Первым приехал интендант вермахта Хейнц Хлавачек, чтобы подготовить помещения для немецких войск. Странному случаю было угодно, чтобы этот первый оккупант остался на острове на всю жизнь. Во время войны он был для населения самым важным источником информации. Он же предупреждал о всевозможных арестах и налетах и вообще помогал, чем только мог. После войны он остался на острове и женился на местной девушке.

— У меня сразу же, с 1940 года, — рассказывал Хейнц, — установились хорошие отношения с местным населением. Этому много способствовало мое положение посредника. Я имел возможность иногда оказывать текселцам разные услуги, предупреждать о грозящих неприятностях.

Сведения, полученные от Хейнца, были лучшим компасом для грузовых судов, занимавшихся тайной перевозкой продуктов на материк и доставкой оттуда активистов Сопротивления и беженцев.

Вначале на Тексел прибыло 200 человек немцев, но в 1942 году число их возросло до 2 000. Это объясняется не только важным значением острова как части Атлантического вала, но и тем, что здесь могли спокойно отдыхать немецкие части, потрепанные на Восточном фронте.

Вермахт построил на Текселе сильные укрепления. Батареи Ден Хелдера и Тексела строго охраняли пролив Зегат-ван-Тексел, имевший для немцев большое значение.

Южные батареи состояли из батареи около поселка Ден Хорн на побережье Лоодсмансдэйн, батареи МОК и батареи Хорс. Наиболее крупные орудия имели дальность огня 13,5 км. Они могли вести огонь как по морю, так и в глубину острова. Кроме того, на батареях имелись зенитные установки. Южные батареи с суши были окружены минными полями, проходы через которые строго охранялись.

Северная батарея на возвышенности Крим называлась официально батареей Эйерланд. После войны ее поглотило наступающее море. Такая же участь постигла многие другие немецкие укрепления на северном побережье Тексела.

Упомянутые тяжелые батареи составляли самое важное звено Атлантического вала. Вдоль всего северного побережья, начиная от сваи № 9 на юге до маяка на севере, были установлены многочисленные укрепления: казематы, бункера, склады боеприпасов, укрытия и т. д. Все крепостные сооружения были построены из железобетона и окружены минными

полями. На батареях несли службу морские артиллеристы. В остальном гарнизон острова состоял из частей вермахта, которые входили грузины. Таким образом защита Тексела сконцентрирована на побережье Северного моря.

Кроме того, немцы возвели целые комплексы бункеров в Ден Бурге (штаб-квартира Тексла с разведывательным центром), в Онхерене и в деревне Ког, а также построили аэродром Флейт (с бункерами Берта и Антон) и многочисленные бункера к югу от маяка.

В самом Ден Бурге и на аэродроме размещались истребительные команды, полуроты постоянной боевой готовности. Наконец, в гавани Аудесхилд имелось подразделение моряков с зенитной установкой. При необходимости остров Тексел могла поддерживать артиллерия с Ден Хелдера и о. Влиланд.

До апреля 1945 года казалось, что настоящая война прошла мимо Тексела. Даже появление иностранных легионов вспомогательной службы вермахта первоначально ничего не изменило. В 1943 году появился Британско-Индийский батальон, затем Северо-Кавказский, а в начале 1945 года — Грузинский батальон. Грузины уже основательно испытали гитлеровскую «тотальную» войну. Немцы обращались с русскими военнопленными, как с «недочеловеками» (низшей расой), поэтому смертность в лагерях достигала колоссальных размеров. Впоследствии в лагерях для военнопленных немцы стали набирать добровольцев для вспомогательных частей вермахта — так называемые восточные легионы, которые комплектовались по национальному признаку и получали название соответствующей национальности. Среди других был скомплектован Грузинский легион, насчитывавший 13 пехотных батальонов (по 400 немцев и 800 грузин в каждом). Один из этих батальонов, а именно 822-й, прибыл на Тексел.

Чтобы понять, почему некоторые русские военнопленные соглашались служить в немецких вспомогательных частях, следует упомянуть, что около половины военнопленных погибали уже в первые дни плена. Так называемые «зондеркомандос», которые уничтожали также евреев, устраивали в лагерях для военнопленных массовые экзекуции и расстрелы. Недостаточное питание, антисанитария, болезни и сильные морозы довершали дело. Не было еды, одежды, теплого, более или менее благоустроенного жилья. Тот, кто соглашался вступить в немецкие вспомогательные части, во всяком случае получал какой-то шанс выжить.

При формировании восточных легионов немцы демагоги-

чески играли на национальных чувствах народностей Советского Союза, искусственно раздувая национальную рознь.

— По сути дела у военнопленных не было иного выбора, — рассказывал Ной Конгладзе, последний заместитель командира Грузинского батальона на о. Тексел. — Мне было 29 лет, когда меня послали на фронт в Литву и Латвию. В августе 1941 года после тяжелого ранения я попал в плен. Меня отправили в лагерь под Минском. Раны не лечили. В сентябре нас поездом отправили в Варшаву. По прибытии на место оказалось, что почти половина военнопленных уже умерли. Я оставался там до апреля 1942 года, и за это время умерло еще около 80 процентов военнопленных. В январе 1943 года всех, кто еще мог идти, немцы отправили в Крушаны, где формировался Грузинский батальон. Того, кто отказывался надеть немецкую форму, тут же расстреливали. Мы же хотели выждать, пока заживут раны и мы получим оружие. А тогда уж мы не упустим своего шанса и за все отомстим. Там я познакомился с Лоладзе, будущим командиром на Текселе. Мы поклялись мстить.

Валико Жгенти, командир взвода, вспоминает:

— Я был захвачен в плен в июле 1941 года около Риги. Мне тогда было 18 лет, и я был добровольцем Красной Армии. Три раза я бежал, но безуспешно. Каждый раз они избивали меня до полусмерти. В лагере был такой голод, что если, например, удавалось поймать собаку, ее сейчас же съедали.

822-й Грузинский батальон отправился из Польши и после короткого пребывания во Франции в сентябре 1943 года прибыл в Зандворт. За это время в нем сформировалось мощное коммунистическое ядро во главе с Евгением Артемидзе. Вскоре им удалось вступить в контакт с местной организацией Сопротивления, руководимой Анни ван Оммерейн-Аферинк с подпольной кличкой Анни Клейн. (Впоследствии Анни ван Оммерейн-Аферинк стала членом Парламента от Коммунистической партии Нидерландов).

Грузины снабжали группы сопротивления оружием, взрывчаткой и продовольствием из запасов вермахта. Они также устанавливали на береговых минных полях неисправные мины, чтобы облегчить ожидавшуюся высадку союзников. Им удалось даже известить об этом англичан. Вышел один номер подпольной газеты Компартии Нидерландов «Де Вархейд», специально предназначенный для грузинских воинов. Неоднократно составлялись планы восстания. Тайные собрания по этому поводу устраивались в доме скульптора Мари Андриессен в Хар-

леме. В этих собраниях, кроме Анни Клейн, неизменно принимал участие Ян Брассер, командир по диверсиям округа Норд-Холланд-Норд.

Он рассказывает:

— Во время одной из таких сходов командир грузин Лоладзе и политрук Артемидзе предложили план похода на Амстердам. Они исходили из того, что население сейчас же примет нашу сторону. Нидерландские товарищи с трудом убедили их в нереальности таких планов. Выступить с отрядом в 800 человек против всей огромной армии вермахта было бы чистейшим безумием. У местного населения нет оружия, а союзники еще даже и не высадились на континент. Даже хорошо вооруженные и организованные русские партизаны, совершая диверсии и нападения, никогда не вступали в бой с крупными соединениями немецких войск. В этих условиях все закончилось бы бессмысленной кровавой бойней. Наиболее благоприятным моментом для восстания мы считали тот день, когда немцы пошлют батальон воевать против союзников. В конце концов грузины согласились отложить восстание.

Так заключил Ян Брассер свой рассказ о Зандвортском периоде жизни Грузинского батальона.

Коммунисты батальона соблюдали строгую конспирацию и об их существовании знали лишь самые надежные люди. Бойцы - грузины до поры до времени вели себя спокойно, придерживаясь воинской дисциплины. Немецкое командование батальона совершенно не подозревало о готовящемся восстании, а после передислокации батальона на Тексел немцы вообще уверились, что здесь можно будет спокойно прожить до конца войны.

10 января 1945 г. грузины прибыли на Тексел и сменили находившийся здесь Северо-Кавказский батальон.

Рассказывает Якоб Кейзер:

— В тот же вечер ко мне пришел небольшого роста грузин по имени Артемидзе. До этого я его никогда не видел. Пришел он, чтобы установить с нами контакт. Я, конечно, был удивлен — откуда он узнал мой адрес?

— От товарищей, — сказал он. — Но, прежде чем разговаривать дальше, мы должны сделаться друзьями.

После этого он стал приходить каждый вечер, чтобы рассказать, что они пережили в Польше, Франции и Зандворте. Он хотел договориться с движением Сопротивления, и скоро

мне стало ясно, что он гораздо большее значение придавал коммунистическому движению, чем нашей группе.

Вскоре грузины надолго и крепко подружились с немцами, с другими жителями острова и прежде всего с мейфрау К. Боон-Ферберг из поселка Де Коксдорп. Впоследствии она даже ездила в Тбилиси навещать своих грузинских друзей.

Вот что она рассказывает:

— Они часто заходили, чтобы купить яиц, и попутно пытались узнать, нет ли новостей с фронта и что мы думаем о немцах. Я показала им книгу, где был портрет Сталина, и с этого момента друзья из Советского Союза буквально один за другим стучались в двери нашего дома. Им удалось наладить связь с нашими подпольными группами, и через некоторое время я уже знала об их планах, что скоро придет день, когда они расправятся с фашистами.

Явочным пунктом для собраний грузинских руководителей стал домик Я. Кейзера между селениями Де Бург и Де Коксдорп.

Здесь был разработан план предстоящего восстания. Он получил кодовое наименование «День рождения». Были точно расписаны направления ударов по немецкому гарнизону, вплоть до того, что каждый из восьмисот участников знал, кого из немцев он должен устранить.

Меликия, командир взвода грузин, получил приказ с сотней человек захватить тяжелые южные батареи. Это оказалось невероятно трудным делом, потому что грузины не имели доступа на батареи. Немецкий морской командир им не доверял. Гарнизон каждой батареи насчитывал по 250 отборных немецких солдат.

Командир Лоладзе должен был занять немецкую штаб-квартиру Тексла. Около Де Бурга до сих пор видны ее развалины. Кроме этого, ему было поручено захватить немецких офицеров в гостинице «Де Линдебом».

Конгладзе поручалось обезвредить сторожевые посты в Де Коге и вокруг него, а затем занять гавань Аудесхилд. Нозадзе и Артемидзе должны были захватить аэродром и этим обеспечить посадку самолетов союзников.

Еще одно подразделение грузин должно было захватить северные батареи. Здесь командиром был Мадидзе.

Якоб Кейзер рассказывает:

— Поздно ночью, в конце марта, ко мне пришел очень возбужденный Артемидзе. Он собрался поехать на материк, чтобы доложить коммунистам об изменении планов вы-

ступления батальона. Он уверял меня, что на всем побережье до Хук ван Холланд находится около 16000 русских военнопленных, которые ожидают сигнала к восстанию. Я ответил, что движение Сопротивления ничего не может предпринять без приказа из Лондона и все это надо согласовать с королевой. Мы не знали деталей плана грузин о восстании на Текселе, но я подумал: русские постараются приурочить восстание к 1 мая...

Через несколько дней, 5 апреля, внезапно был получен приказ послать на фронт пятьсот человек из восьмисот грузинских солдат, чтобы сделать последнюю попытку задержать наступление союзников. Пришло время осуществить план восстания, одобренный Анни Клейн и Яном Брассером на совещании в Харлеме. Грузины решили начать восстание в час ночи с 5 на 6 апреля. Операция «День рождения» начала бурно разворачиваться.

Вот что рассказывает активист движения Сопротивления, один из братьев Снук:

— За несколько дней до этого мы выкрасили в красный цвет одну простыню — грузинам нужно было знамя. Приблизительно в полвосьмого вечера 5 апреля мы собрались на совещание. Грузины сообщили, что их посылают на фронт и что восстание назначено на 1 час ночи. Мы хотели предупредить командира движения Сопротивления Келдера или хотя бы Кейзера, но не были уверены, что это окончательное решение, и решили выждать время и получить инструкции из Лондона.

Грузины намеревались провести основную операцию без лишнего шума. Дело в том, что у всех грузин имелись маленькие кинжалы, острые, как ланцеты, ими пользовались для бритья. В эту ночь все посты по батальону были распределены по возможности так, чтобы около каждого немца находился грузин. Тогда было бы удобней нанести внезапный удар.

В соответствии с планом грузины начали действовать сразу, как только часы на башне пробили час ночи. Кинжалами и штыками они уничтожили почти всех немцев батальона (около 400 человек). Без шума, правда, не обошлось: несколько фашистских оккупантов все-таки успели взяться за оружие и подняли тревогу. Не удалось захватить врасплох и береговые батареи. За несколько минут мирный Тексел превратился в поле кровавой битвы, где граница между жизнью и смертью сократилась до минимума и часто определялась случаем, храбростью или удачей.

Валико Жгенти, которого за высокий рост прозвали великаном Грузинского батальона, командовал взводом.

Вот что он рассказывает:

— Я ворвался в бункер, где находились четыре офицера. Двоих я сразу застрелил, но был ранен в правую руку.левой рукой я заколол кинжалом двух других офицеров. Затем наш взвод уничтожил еще тридцать немцев. Выполнив задание, мы пошли атаковать батарею.

Немецкий командир батальона настолько не подозревал об опасности, что даже раздавшиеся выстрелы и крики в расположении батальона (сам он находился в штаб-квартире в бункере Тексла) принял за самодеятельный фейерверк грузин по случаю их отъезда с острова. В темноте немец сумел скрыться и вскоре добрался до южных батарей. Оттуда он связался по телефону с военной базой в Ден Хелдере (на материке) и попросил подкрепления. Так, из-за случайности, уже через два три часа после начала восстания на остров Тексел прибыло около 800 немецких солдат. В дальнейшем немецкие подкрепления продолжали поступать регулярно.

Одновременно в Берлин было послано экстренное сообщение о начавшемся восстании. Гитлер распорядился немедленно уничтожить всех грузин. Несмотря на то, что гитлеровская армия уже находилась в состоянии разложения, началось сильнейшее наступление на восставших.

Начались ожесточенные бои. Обе стороны не брали пленных.

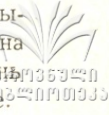
Хьюг Снук, который присоединился к грузинам, рассказывает:

— Перестрелка и схватки продолжались всю ночь. Мы задерживали бегущих немцев. Спрашивали грузинский пароль, а его никто из немцев не знал. Каждый фашист получал пулю. Все грузины были отличные стрелки. Всегда стреляли в голову. Запросто пробивали немецкие каски.

Участники восстания хотели, чтобы мужское население Тексела активно поддержало их. Вечером повсюду были расклеены приказы явиться для регистрации к командиру Лоладзе.

«ПРИКАЗ

Все лица мужского пола должны немедленно явиться в Текслу к капитану Лоладзе.
Тексел. 6 апреля 1945 г.
Комендатура района Тексел».

На это воззвание откликнулись сотни тексельцев. Им выдали оружие, ручные гранаты, карабины и т. п., после чего на грузовиках отправили в разные пункты, в том числе в гавань Аудесхилд, которая имела большое стратегическое значение.

Между тем немцы начали концентрировать прибывшие подкрепления в районе селения Ден Хорн и повели общее наступление на бывшую штаб-квартиру батальона—Текслу. Группе повстанцев под руководством Меликии не удалось захватить южные батареи, которые вскоре открыли массированный артиллерийский огонь по командному пункту Тексла и селению Ден Бург, пытаясь вынудить грузин покинуть эти укрепления.

Всего несколько часов развевались над Текслою красный флаг и трехцветный флаг Нидерландов. Слова Лоладзе: «Тексел свободен, да здравствует Россия, да здравствует Голландия» были преждевременными. Радиопередатчик местной группы Сопrotивления оказался неисправным, так что в ближайшее время нельзя было рассчитывать на поддержку со стороны союзников. Но и в этих условиях грузинские повстанцы продолжали свою героическую борьбу.

Уцелевший после боев помощник командира Конгладзе впоследствии рассказывал:

— Мы действовали по плану, заранее распределили, сколько врагов приходится на каждого из нас: кто должен был уничтожить десять человек, кто пять, а некоторые по одному. Задание в поселке Ден Ког я выполнил быстро и тотчас же возвратился к Лоладзе в Текслу. Для занятия важного стратегического пункта — гавани Аудесхилд я получил противотанковые орудия, мортиру и крупнокалиберный пулемет. Хотя немцы ожесточенно обороняли гавань, тем не менее мы обязаны были выполнить поставленную перед нами задачу. Вместе с нами сражались бойцы из движения Сопrotивления.

В последней попытке склонить грузин к сдаче немцы послали в Ден Бург двух парламентариев-грузин. Те сейчас же присоединились к своим товарищам. Тогда немецкое командование решило усилить бомбардировку Ден Бурга.

Теперь к южным батареям присоединились и северные—их грузины тоже не смогли взять. В короткое время по маленькой деревушке Ден Бургу было выпущено свыше двух тысяч снарядов. Помогавший грузинам местный доктор Фенинг рассказывал:

— В половине пятого началась невероятная канонада. По-видимому, стреляли и из Ден Хелдера и из Влиланда. По соседству с больницей загорелось несколько домов, рушились зда-

ния. Над Ден Бургом поднялось огромное облако пыли. Страшно было смотреть. Наша больница тоже была сильно повреждена. Снаряд из фортов в Ден Хелдере сорвал карниз больницы, упал в палисадник перед больницей, но, к счастью, не взорвался. Только вылетели все стекла больницы. Хорошо еще, что я распорядился спрятать больных под кровати.

В результате обстрела появился большой приток раненых и их некуда было класть. Пришлось укладывать на матрацы на пол, на носилки, повсюду, где пришлось, в коридоре, на кухне. К вечеру у меня скопилось около сорока тяжелораненых, из врачей я был один. И я один должен был решать, кому оказывать помощь, а кому она уже была бесполезна. Я делал все, что мог: ампутировал, перевязывал раны, останавливал кровотечение... И все это самыми примитивными средствами. Электричества не было, только свечи. Не хватало перевязочного материала. Пришлось оперировать при свете лампы от аккумулятора. Я пробыл там всю ночь, — заключил свой рассказ доктор Фенинх.

В основном жертвами немецкой мести были местные жители. Среди них и дети, вывезенные из голодающего Амстердама.

В первый же день немцы арестовали в Ден Бурге четырнадцать текселцев по подозрению в помощи грузинским повстанцам. Большинство из задержанных были случайные прохожие. Фашисты повезли их в открытой машине в Мок. По дороге четверым удалось скрыться. Десять остальных, в том числе и два брата Якоба Кейзера, были в тот же день расстреляны без всякого суда на берегу залива Мок. Бранные останки расстрелянных были обнаружены только после 22 мая 1945 г. Однако немецких офицеров, повинных в этой акции, в 1972 году оправдали «за недостатком улик». Земельный суд г. Ольденбурга (ФРГ) определил это преступление как «убийство при оправдывающих обстоятельствах», срок давности для которого истек в 1965 году. Главный обвиняемый по этому делу комендант острова Эрих Нейман умер в 1976 году.

После первого же дня кровопролитных боев в руках немцев опять оказались поселок Ден Бург и гавань Аудесхилд. Грузинские повстанцы отошли в Ден Ког, около аэродрома Флейт и в окрестности маяка на севере.

По признанию бывшего немецкого командира 822-го батальона, немецкие части несли большие потери, потому что «грузины сражались с мужеством отчаяния, зная, что их расстреляют, если возьмут в плен. К тому же они хорошо ориен-

тировались на местности и их командование знало свое дело».

Конгладзе рассказывал:

— На второй день мы отступили к Ден Когу. Я получил приказ защищать селения Де Ваал и Остеренд и подступы к аэродрому Де Флейт и укрепиться там. Мы также должны были контролировать пути сообщения с юга острова на север. Поэтому немцы не могли послать подкреплений на северные батареи. У нас было много раненых, но потери немцев превосходили наши во много раз. Наше преимущество заключалось в том, что мы находились в укрепленных пунктах и обладали достаточным количеством боеприпасов.

Немцы захватили больницу доктора Фенинха и расстреляли лежавших там шестерых раненых грузин. С тех пор раненые грузины стали скрываться и лечиться только у местных жителей. Доктор Фенинх иногда навещал раненых там, где они скрывались, и отмечал, что они большей частью выздоравливали очень быстро. Доктор приписывал это их боевому настроению и храбрости.

Для захоронения трупов своих погибших солдат фашисты мобилизовали местное население. Трупы подвозили на грузовиках и крестьянских повозках. За четырнадцать дней на специальном кладбище захоронили свыше шестисот трупов. Немецкий полицейский комендант, руководивший кладбищенскими работами, избивал текселцев и грозился всех их расстрелять. Об этом сообщили местным активистам движения Сопротивления, и вскоре его самого привезли хоронить.

Обе стороны в жестокости не уступали друг другу. Оставалось одно из двух — жить или умереть. Грузины очень скоро поняли, что должны избегать решительного сражения с получившими подкрепление немцами, и перешли к партизанской войне. Упорней всего они защищали аэродром Флейт, потому, что все еще надеялись на помощь десанта союзников. Здравый смысл грузин и их стратегические способности стоили немцам больших потерь. Неприятель упорно обстреливал бункера и укрепления вокруг взлетного поля, в то время как грузины поджидали его на других позициях. Когда же немцы решали, что пришел момент атаковать какой-нибудь бункер, они попадали прямо под меткий огонь повстанцев.

Однако превосходство немцев, которых поддерживали с материка, росло очень быстро, в особенности когда начало поступать тяжелое вооружение. Озлобление оккупантов дошло до таких пределов, что они считали, что грузины недостойны умирать в солдатской форме рейха. Пленным грузинам при-

газывали раздеваться и самим копать себе могилы. Однако некоторым грузинам и тут удалось спастись. Преследуемые фашистами, они метались по острову и, конечно, не смогли бы спастись без помощи текселцев, таких, как, например, супружеская чета крестьян, жившая около Ден Кога.

Мефрау Елман рассказывает:

— Мой муж пас овец, когда вокруг него засвистели пули. Он вбежал обратно во двор, и тут я увидела, что во дворе есть кто-то, кроме него. Это был молодой грузин небольшого роста. Он был совершенно голый. Оказалось, что его с товарищем фашисты поймали на польдере, где они скрывались в камышах. Их заставили раздеться и выкопать себе могилу. Затем его товарища расстреляли, а он побежал, увертываясь, зигзагами. Ему повезло, и вот он у нас. Я дала ему старый костюм мужа, и с наступлением темноты он ушел.

Но через несколько дней этот грузин появился опять за продовольствием. Теперь он уже опять был в военной форме. С тех пор хутор Елмана стал известен грузинам как место, где всегда можно достать продукты.

И это не единичный случай помощи грузинам, а только один из многих. Несмотря на грозившую за это смертную казнь, население острова помогало грузинам чем только могло: продовольствием, одеждой, медикаментами. Отставших и раненых прятали в сараях, где только могли, и ухаживали за ними. Активисты движения Сопротивления и сочувствующие им сообщали повстанцам о передвижении фашистских карательных отрядов. Даже голландские фашисты не помогали немцам отыскивать грузин, а держались в стороне.

Грузинский отряд под руководством Мадидзе не смог взять северные батареи. И северные и южные батареи своим огнем поддерживали продвижение немецких подкреплений. Северная батарея обстреливала соседнюю деревню Де Коксдорп, откуда уехали почти все жители. Убежали также многие жители Ден Бурга. После обстрела южной батареей поселка Ден Бург и отхода грузин они еще пытались контратаковать и даже отбили деревню Ден Ваал, но для большого контрнаступления уже не хватило сил.

Немцы не щадили и гражданского населения. Тех, кто попадал к ним под подозрение, они немедленно расстреливали.

Вопреки оптимистическим ожиданиям политического руководителя восстания Евгения Артемидзе, восстание не нашло отклика на материковой части Нидерландов, где были расквар-

тированы другие восточные батальоны вспомогательных частей фашистского вермахта.

Большие надежды возлагались также и на помощь англичан, но неясен был вопрос, знали ли вообще союзники что-нибудь об этом восстании. Когда окончательно выяснилось, что радиопередатчик не может установить связь с Англией и сообщение о начавшемся восстании послать нельзя, руководитель местной организации движения Сопротивления Келдер вновь выдвинул свой прежний план: послать за помощью в Англию спасательную лодку с уполномоченными.

Смелый план под носом у оккупантов проложить курс к берегам Великобритании на текселской спасательной лодке казался почти безрассудным. Лодка находилась недалеко от маяка возле Де Коксдорпа и, значит, поблизости от северной батареи, которая легко могла бы потопить лодку. Но выбора не было.

Отъезд назначили на ночь в воскресенье 8 апреля. Первой проблемой было очистить от песка рельсы, по которым лодку спускали в море. Шкипер Баккер сходил в опустевшую деревню Де Коксдорп и там в каком-то погребе нашел четверых текселцев, спасавшихся от немцев. Они согласились помочь, а один из них даже попросил взять его с собой в плавание. По просьбе участников Сопротивления вести лодку в опасный путь согласился профессиональный штурман К. Коой. Это было очень важно, ведь плыть надо было в открытом море. Штурман взял с собой своего племянника, опытного моряка, который за эти годы перевез на Тексел с материка немало людей, скрывавшихся от оккупантов. Лодку «Джон Ходсон» удалось благополучно спустить на воду, в нее сели четверо уполномоченных от Грузинского батальона во главе с Мадидзе, шкипер, лоцман и еще восемь человек из местной организации Сопротивления.

Ровно через 34 года эти десять отважных текселцев собрались вместе на борту спасательной лодки «Джон Ходсон», теперь уже принадлежавшей судоходной компании в Амстердаме и специально прибывшей по этому случаю на Тексел. Шкипер Баккер (во время этой встречи ему уже исполнилось девяносто лет) рассказывал:

...Через 24 часа спасательная лодка достигла английского берега. Штурман Коой пустил специальную ракету, и вскоре появился английский самолет-разведчик. При помощи карманного фонаря мы азбукой Морзе сообщили, что хотим высадиться на берег. Самолет-разведчик ракетами указал лодке

путь к берегу и место высадки. К большому удивлению штурмана Кооя это оказался Ярмут, как он и предполагал. Позднее, в память о нашем прибытии, эта трасса была названа «Путь Тексела». Вскоре все прибывшие были отправлены под конвоем английских офицеров в Лондон. Делегация предоставила британским властям исчерпывающую информацию о положении дел на острове и попросила оказать восставшим на Текселе срочную поддержку. Но помощи им не оказали. Это не входило в планы британского командования. Не помогло и ходатайство советской военной миссии, находившейся в то время в Лондоне (см. газету «Правда» от 6 июня 1945 г.). Впоследствии штурман Де Коой говорил, что, «как оказалось, именно в эти дни шли секретные переговоры о капитуляции Германии, а потому воздушные бомбардировки союзников на некоторое время были приостановлены. Англичане ограничились тем, что послали на Тексел разведывательный самолет посмотреть, какая там обстановка. Немцы по этому самолету не стреляли, опасаясь «спровоцировать англичан».

Бои на острове между тем продолжались с неослабевающей силой. Командир Лоладзе отступил со своими людьми в селению Ден Ког, которое стало теперь главной целью противника. Отсюда грузинам были хорошо видны наступающие немцы, которые часто заставляли безоружных жителей выполнять разные опасные работы по доставке вооружения. В ходе перестрелок грузинам удалось уничтожить много немцев, но никто из тексельцев при этом не был даже ранен. В конце концов грузинским смельчакам пришлось отступить в леса и за минные поля, куда немцы не могли проникнуть, потому что не знали планов установки мин. Вследствие этого театр военных действий переместился к польдеру Эйерланд, где находился аэродром Флейт.

Валико Жгенти впоследствии рассказывал:

— Когда немцы перебросили мощные подкрепления, мы, естественно, изменили свою тактику. Мы разделили наши роты на отдельные группы, которые действовали отдельно как партизаны. Я со своей группой находился в лесу около деревни Ден Ког. Там немцы не могли нас найти еще и потому, что местное население помогало нам информацией, продовольствием, перевязочными средствами и лекарствами.

Скрываться были вынуждены и те тексельцы, которые были известны как актив местного движения Сопротивления. Якоб Кейзер узнал, что Лоладзе пал в бою, и передал это пе-

чальное известие Конгладзе, который принял командование на себя.

Конгладзе:

— Половина острова была в руках немцев, мы удерживали северную половину. Но немцы не могли окончательно нас уничтожить, так как мы изменили тактику. Наконец они попытались при помощи пяти танков разделить занятую нами территорию, чтобы захватить аэродром, но мы их били их же собственным оружием — фаустпатронами. Мы вывели из строя три танка. Остальные два отступили. Две недели продолжались бои за аэродром. Только 17 апреля немцы наконец смогли взять наши позиции. Неся тяжелые потери, мы вынуждены были отступить, чтобы перегруппировать наши силы. Вечером того же дня меня ранили в левое бедро.

Теперь в распоряжении грузин остался только маяк. Северная батарея интенсивно его обстреливала, но повстанцы крепко занимали этот стратегически очень важный пункт. Немцы не могли приблизиться к маяку без того, чтобы не попасть под меткий стрелковый огонь грузинских храбрецов.

Чтобы захватить маяк, немцам пришлось запросить с материка специальную саперную роту из дивизии «Герман Геринг». Под прикрытием заградительного пулеметного огня к воротам маяка был вплотную придвинут тяжелый заряд взрывчатки. От воздушной волны при взрыве погибло большинство грузин. Войцы, уцелевшие после взрыва, последние пули оставляли для себя. Сражение закончилось, но партизанская война продолжалась. В ее огне сгорели десятки крестьянских хуторов и отдельных построек, особенно на польдере Эйерланд, где немцы уничтожали каждый хутор, на территории которого находили хотя бы одного грузина или подозревали, что кто-то там прячется.

Чтобы разбить батальон грузин численностью около восьмисот человек, немцам пришлось доставить на Тексел в общей сложности не менее четырех тысяч солдат.

22 апреля немцы устроили на острове облаву на уцелевших грузинских партизан. В облаве принимали участие около двух тысяч солдат. Они шли чуть не в метре друг от друга, так что между ними никак нельзя было проскочить незамеченным. Тем, что многие грузины все же остались в живых, они обязаны мужественной помощи местного населения, несмотря на жесточайший террор немцев укрывавшего грузинских партизан на хуторах, в сараях и чердаках и даже в специально для этой цели вырытых пещерах. В одной из таких

пещер были спрятаны Артемидзе и Конгладзе, которому Кейзер клещами вырвал из тела крупный осколок, а затем «промыл рану» бензином.

К концу войны немцы опять держали под контролем большую часть острова. Они, впрочем, не отваживались показываться около Де Юга и Де Слюфтера — грузины изменили расположение мин на минных полях и поэтому кроме них никто не знал безопасного пути к этим пунктам. Таким образом, оставшиеся в живых грузины в относительной безопасности отсиживались за минными полями, регулярно получая поддержку продовольствием от своих верных друзей текселцев. А уцелело в этой борьбе в общей сложности 228 человек.

Капитуляция Германского рейха 5 мая 1945 года не принесла никакого изменения положению на Текселе. Немцы отказывались сдать оружие, не чувствуя себя в безопасности от грузин, к тому же они горели жадной мщенья, чтобы рассчитаться с ними за свои огромные потери. Местное население возводило триумфальные арки с красивыми надписями: «Да здравствует освобождение», но под этими арками еще не прошел ни один освободитель. Союзники, казалось, забыли про Тексел, так что здесь еще продолжалась местная партизанская война, продолжались перестрелки. Казалось, драме на Текселе не будет конца.

Наконец 20 мая 1945 г. на Тексел прибыл Первый армейский корпус канадской армии. Он определил потери немцев в 2347, а грузин — 572 человека.

Немцам пришлось капитулировать, а их батальон был объявлен «несуществующим».

Оставшихся на Текселе советских бойцов переслали в русский лагерь около Вильгельмсхафена с письмом канадского коменданта на имя советского верховного командования, в котором сообщалось:

«Обращаем внимание на помощь, которую эта группа солдат оказывала канадской армии в период с 6 апреля 1945 года до окончания мероприятий по капитуляции. Еще до 6 апреля 1945 года эта группа установила контакт с Нидерландскими силами внутреннего Сопротивления (НСВС) и работала совместно с ними. Три раза проводился обмен важными сведениями с Британским правительством. По заданию НСВС эта группа разминировала минные поля на важнейших участках побережья острова Тексел, причем проделанные проходы в минных полях остались неизвестными немцам. То и другое имело очень важное значение для высадки канадских войск. Кроме того,

группа грузинских солдат снабжала местные силы Сопротивления оружием.

Когда 6 апреля 1945 года группа решила перебраться на сторону англичан, то подняла восстание, и в течение трех дней 700 грузин сражались с 4000 немцев. В это время повсюду на острове были вывешены голландские, русские и английские флаги. Немцы с Ден Хелдера стали обстреливать остров из тяжелых орудий, нанеся серьезные повреждения многим зданиям. Было немало жертв среди гражданского населения. Позднее немцы доставили сюда танки, mortiry, тяжелые орудия, и советская группа была вынуждена отступить, чтобы подготовить укрепленные позиции, откуда они более месяца отбивали ожесточенные атаки немцев, пока не были вынуждены из-за нехватки боеприпасов по приказу своего командования разбиться на небольшие группы, чтобы продолжать борьбу партизанскими методами. Это продолжалось до 21 мая 1945 года, когда на остров высадились канадские войска. Уцелевшие повстанцы стали помогать канадской армии собирать и обезоруживать оставшихся немцев. В целях самообороны советским солдатам было оставлено их оружие.

За время упомянутых боев советская группа потеряла 470 погибшими, 13 — тяжелоранеными и 40 — легкоранеными. Немецкие потери исчисляются примерно в 2347 человек. Следует отметить, что уже после капитуляции противника советская группа понесла большие потери, помогая канадским войскам обезвреживать немцев. Эти потери включены в цифры потерь, приведенные выше.

Считаем, что помощь советской группы, оказанная ею как всему делу союзников вообще, так и канадскому армейскому корпусу в частности, имеет огромное значение. Высокое мужество, проявленное повстанцами-грузинами перед лицом превосходящих сил противника, когда был отдан приказ сражаться против союзников, и негибаемая воля сопротивляться немцам до последнего солдата заслуживают огромной похвалы.

По окончании военных действий группа на некоторое время была оставлена на острове для совместного сотрудничества со штабом канадских войск, а также для урегулирования формальностей, связанных с ее перемещением, и обнаружила дисциплину и отличное поведение, которые могли бы украсить любую воинскую часть.

Замечательный дух совместного сотрудничества со штабом канадских войск преодолел все трудности языкового общения, и несмотря на несчастный жребий, вынудивший их но-

сильную вражескую форму, мы полагаем, что все они заслужили высокую честь называться мужественными и неустрашимыми воинами».

...В одном из самых красивых мест Тексела между Ден Бургом и Аудесхилдом было заложено специальное русское кладбище, где похоронили наконец почти всех погибших в боях и расстрелянных грузинских солдат. Последним на самом высоком месте утопающего в цветах кладбища был предан земле Лоладзе. Прозвучал почетный ружейный салют, и Конгладзе произнес взволнованную речь.

Это произошло 16 июня. Группу отправили пароходом «Доктор Вахемакер». В Аудесхилде состоялся последний парад. С борта парохода Конгладзе и Артемидзе обратились к сбежавшимся на проводы текселцам со словами благодарности за поддержку и дружбу. В Ден Хелдере грузин ожидали канадские воинские части, они их сопровождали до Вильгельмсхафена в Германии, где передали советскому командованию. В начале 1946 года они вернулись в Тбилиси, предварительно отслужив еще несколько месяцев в рядах Советской армии. По сообщению Ноя Конгладзе и Валико Жгенти, об их подвиге уже сообщали в газетах, а потому их встретили по-братски.

В день 4 мая оставшиеся в живых ветераны несколько раз посещали Тексел, возлагали венки на братскую могилу своих товарищей.

Под давлением общественности, а также под влиянием телепередачи было решено провести совещание с органами местной власти Тексела и ветеранами Сопротивления, на котором было признано необходимым организовать на Текселе постоянную информационную выставку о восстании Грузинского батальона. Для финансирования такой выставки-музея правительством Нидерландов было выделено семьдесят пять тысяч гульденов. Выставка была открыта в Аудесхилде в апреле 1981 года в присутствии большого числа ветеранов движения Сопротивления и других друзей грузинских повстанцев. Открытие выставки зафиксировано документальным фильмом нидерландского телевидения.

Восстание советского батальона военнопленных на острове Тексел — всего лишь трагический эпизод из истории Второй мировой войны, самой разрушительной и кровопролитной из всех войн, известных человечеству. И все же, хотя с того времени прошло почти сорок лет, прогрессивно мыслящие люди снова и снова обращаются к событиям военного времени, стремясь, чтобы ужасы войны больше никогда не повторились.

«Запасы у нас действительно немалые. Но они, как известно, природой не возобновляются...

...ресурсы надо беречь и для будущих поколений, а потому брать их с умом, использовать рационально».

Из речи К. У. Черненко на встрече с рабочими Московского металлургического завода «Серп и молот» 29 апреля 1984 года.

Леван МАЧАИДЗЕ

ДЕВЯТЫЙ ВАЛ НА ГЛАДИ ПАЛЕОСТОМИ

ОЗЕРО Палеостоми — чудо природы.

Красоты оно — необыкновенной. Рождено волей случая, когда бурный Риони в незапамятные времена в результате весенних половодий изменил свое русло и оставил заполненную пресной водой огромную чашу. С тех пор в научной, да и не только в научной литературе это географическое название упоминается обычно в сочетании с определениями — уникальное, реликтовое, пресноводное, нагульное для ценных пород рыб и т. д. Первыми Палеостоми, действительно, облюбовали морские рыбы, которые, разведав путь в озеро через речку Копарчу, обнаружили для себя безопасное, надежное нерестилище.

Новорожденное озеро, обросшее реликтовым лесом, не оставило без внимания и перелетные птицы, находя здесь обильный корм и отдыхая перед дальней дорогой к жаркому Югу.

Таким оно было до начала XX века. А что там происходит сегодня?

Рассказать об этом в документальном фильме и задалась целью съемочная группа киностудии «Грузия-фильм».

Началу работы над фильмом предшествовало совещание у заместителя председателя Госкомсельхозпроизводства ГССР, министра тов. Г. Б. Гаделия, где обсуждались проблемы этого попавшего в беду уникального реликтового озера.

Совещание было деловым и весьма представительным. Товарищи Т. В. Чикваидзе, Л. Л. Кикнадзе, Г. А. Палавандишвили, Б. Э. Курашвили, П. А. Шатберашвили, М. М. Ардия, Р. Г. Чаргеишвили, Н. А. Обгаидзе, Р. Д. Гурасашвили, Д. В. Куция, А. А. Миминошвили, В. М. Сичинава представляли со-

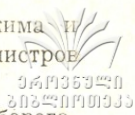
ответственно Главгрузводстрой, Грузгипроводхоз, Институт зоологии АН ГССР, ГрузНИИГиМ, Гидромет ГССР, Госплан ГССР, Главное управление эксплуатации мелиоративных систем.

Всем присутствующим надлежало отчитаться в том, что конкретно сделано по реализации постановления о мерах по восстановлению гидродинамического режима и экологического равновесия озера Палеостоми, в котором зафиксировано сложившееся положение в районе Палеостоми и четко определены задачи и конкретные меры по решению возникших проблем. В постановлении говорилось, что озеро Палеостоми по своему природно-историческому значению, флоре и фауне является уникальным водоемом Черноморского бассейна. И далее отмечалось, что «Искусственное изменение гидродинамического режима озера Палеостоми вызвало превращение естественного водоема в осолоненную лагуну Черного моря. Наряду с нарушением исторически сформировавшегося экологического равновесия озеро постепенно утрачивает свое реликтовое значение. В связи с этим создалась опасность вымирания ценных видов эндемической рыбы и беспозвоночных животных, резко понизился заход из моря в озеро такого ценного вида рыбы, как кефаль. Вместе с тем озеро Палеостоми создавало благоприятные условия не только для пресноводных форм, но и для выкормки и развития молоди атлантического осетра, осетровых и других ценных видов рыб, обитающих у юго-восточных берегов Черного моря.

Использование прилегающих к озеру Палеостоми площадей для добычи торфа в значительной мере расширило акваторию озера, вместе с тем, вследствие добычи торфа бессистемно и примитивным способом, были искажены контуры прибрежной полосы водоема. В озере образовались в большом количестве маленькие островки и полуостровки, в результате чего берег, практически стал недоступным и неиспользуемым.

Постановлением «Об объявлении Палеостомского водоема постоянным заказчиком» были намечены мероприятия, обеспечивающие восстановление гидрохимического и гидробиологического режима озера Палеостоми. Однако, указанное постановление соответствующими ведомствами практически осталось невыполненным.

«В целях восстановления гидродинамического режима и экологического равновесия озера Палеостоми Совет Министров Грузинской ССР постановляет:

1. Объявить озеро Палеостоми и километровую береговую полосу вокруг него гидрологическим заказником республиканского значения и передать его в подчинение Министерства мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР (ныне Госкомсельхозпроизводства ГССР). В связи с указанным запретить в пределах гидрологического заказника озера Палеостоми:

- всякое рыболовство и охоту на птиц;
- судоходство любого назначения без специального разрешения;
- всякого рода строительство, кроме гидротехническо-мелиоративного, связанного с озером, за исключением части г. Поти, входящей в указанную зону.

2. Обязать Министерство мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР, Грузинское Черноморское бассейновое управление по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, исполкомы Советов народных депутатов г. Поти, Ланчхутского и Хобского районов обеспечить установление заповедного режима на озере Палеостоми и в километровой береговой полосе вокруг него, а Министерству внутренних дел Грузинской ССР оказать помощь в соблюдении этого режима.

3. Министерству мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР разработать и осуществить специальные мероприятия, обеспечивающие приведение озера Палеостоми в надлежащее техническое состояние, его благоустройство и улучшение санитарных условий. В связи с этим создать службу эксплуатации гидрогеологического заказника озера Палеостоми с подчинением ее Министерству мелиорации и водного хозяйства Грузинской ССР».

Смысл этого постановления сводится к простой мысли: «Не засоряй колодца». В первоначальном виде эта поговорка звучала несколько грубей и, пожалуй, точнее, но не будем столь придирчивы к нашим предкам, они знали как лучше воздействовать на умы и сердца своих современников, а чтобы такая поговорка не резала нежного слуха потомков, она век

от века трансформировалась и дошла до нас почти в таком «окультуренном» виде.

Но мысль осталась прежней: береги в чистоте то место, где пьешь воду, не засоряй водоема, которым пользуешься.

Но всегда ли мы помним о тех мудрых советах, которые оставили нам предки?

Когда помним и следуем народной мудрости, когда знания, выверенные современной наукой, дополненные новыми современными возможностями, горячо внедряются в жизнь, делу всегда сопутствует успех.

Там, где природный ландшафт не дробят, не делят и не изучают отдельно — лес, отдельно — реку или озеро, отдельно — атмосферу или животный мир, а рассматривают в единстве, как систему, где осуществляется комплексный подход к природе, к возникающим диспропорциям, нарушениям экологического равновесия, там легче находить научное объяснение происходящему, выработать точные рекомендации и быстро выполнять их с минимальными затратами.

В противном же случае решение проблемы затягивается на долгие годы, и зачастую мы сталкиваемся уже с необратимыми явлениями.

Остановимся же пока на трех пунктах Постановления, чтобы рассказать о том, что увидела и отсняла на кинолентку наша съемочная группа, работавшая на озере Палеостоми в течение сентября 1984 года.

Вблизи озера высится двухэтажное здание с внушительной вывеской «Управление эксплуатации озера Палеостоми».

Оно было создано сразу же после утверждения Постановления. Предполагалось, что управление возьмет в свои руки все хозяйство, благоустроит, опреснит и сохранит озеро, оградит его от браконьеров и защитит всю местную фауну, в том числе и перелетных птиц, издавна облюбовавших удобную озерную гладь, обеспечит нормальное воспроизводство ценных рыбных пород.

На озере, точнее на реке Капарча, установлен контрольный пост управления. Здесь от левого берега протянут стальной трос, утонуть которому не дают бобенцы — пустотелые металлические шары. Оставлен на воде лишь небольшой просвет, через который и осуществляется в обе стороны движение водного транспорта. Это, как правило, моторные лодки, оснащенные двигателями, которые никто не останавливает, не проверяет, даже не предупреждает о том, что на озере

запрещено «судоходство любого назначения без специального разрешения».

А таких моторных лодок (век весельных здесь давно прошел) на озере тьма. Только зарегистрированных более 350 единиц, а вместе с «вольными», нигде не значащимися, — более 1150.

По берегам тянутся впритык один к другому разномастные, разноцветные, новые и покореженные, железные и деревянные гаражи для этих катеров.

2-й же пункт Постановления недвусмысленно указывает на то, что Министерство мелиорации (т. е. Госкомсельхозпроизводство). Грузинское Черноморское бассейновое управление по охране и воспроизводству рыбных запасов и регулированию рыболовства, исполкомы Советов народных депутатов г. Поти, Ланчхутского и Хобского районов обязаны обеспечить установление заповедного режима на озере Палеостоми и в километровой береговой полосе вокруг него, а Министерству внутренних дел Грузинской ССР вменяется оказать помощь в соблюдении этого режима.

Но съёмочной группе не повезло: в течение месяца мы не сумели обнаружить даже намёка на установление запретного режима на озере, ни, тем более, невидимых границ в километровой зоне, также подпадающей под действие заповедного режима.

Не сумел наш кинооператор запечатлеть на пленку и людей в милицейской форме, хотя вполне возможно, что они были там, но в обычной, гражданской форме и просто отдыхали, не нарушая режима безмолвия.

К сожалению, их не было видно, когда снимались кадры у входа на городской рынок в г. Поти — месте постоянных браконьерских сборищ, где браконьеры обычно, заламывая цены, торгуют свежей рыбой.

В то же время современный, со вкусом оформленный фирменный магазин «Океан» стыдливо демонстрировал лишь стерильной белизны пустые эмалированные ванны, предназначенные именно для широкого ассортимента рыбной продукции.

Беспрепятственно, минуя контрольный пост, мчатся один за другим, вспенивая за бортом лазурную гладь озера, быстроходные катера, уносятся парами, тройками, десятками в разные стороны на заранее облюбованные тихие рыбные заводы, чтобы вернуться обратно, лишь когда вытянут сетями-накид-

ками, самодурами и другими хитрыми ловушками кефаль, су-
дака...

Огромную, выше человеческого роста сеть с крохотными
ячейками, не прихватывающую разве только хамсу, тянут,
стоя по колено в воде, к берегу «вольные люди», объединен-
ные в дружную «дикую» артель, которая регулярно, без сты-
да и зазрения совести, работает здесь на себя.

И так, один за другим, очень похожие друг на друга
сюжеты откровенно беззастенчивого, уголовно наказуемого
браконьерства, которому никто не препятствует. Браконьеры
чувствуют себя на озере истинными хозяевами, спокойно и
уверенно совершая гнусное дело.

Перелет птиц еще не начался, а уж со скоростью ветра
мчится на моторке лихой молодец с ружьем в руках. Идет
пристрелка ружья. А ведь даже появление с ружьем в одно-
километровой зоне наказуемо!..

А на берегу, в самых живописных уголках, возникли
двухэтажные дома, виллы, охотничьи домики, обычные и из
бамбука. Хозяев сейчас не найти. Они появятся к массовому
перелету птиц и, устав от охоты (сами же они жестоко уби-
вают уставших пернатых), позволяют себе здесь отдохнуть.

Появились кое-где, со стороны Ланчхутского района, да-
чи, к которым самовольно прорыты каналы.

Итак, киносъемка началась.

Режиссер Мурман Аситашвили и кинооператор Гиви
Азизов уже сняли первые кадры — общие планы озера,
перебрались в лесной заповедник. И тут произошла первая
заминка: съемки очень вежливо запретили до получения раз-
решения из Тбилиси.

Телефонный звонок в Тбилиси. На другом конце прова-
да — удивление, просьба «зайти в управление с официаль-
ной просьбой» о разрешении съемок и наконец — доброже-
лательная, разрешающая съемки резолюция...

Следующий этап съемки — эпизод «Разработка торфа»,
и снова категорическое «стоп»! Доставлена телефонограмма
из «Грузсельхозхимнии», которая ведет разработки: «Съемки
не согласованы. Съемки прекратить» (!)

Пока шли звонки-перезвонки в Тбилиси, из респуб-
ликанского руководящего ведомства в более высокие инстан-
ции, а оттуда — в «менее руководящие», съемочная группа
загорала на берегу озера Палеостоми и гадала, что же могло

встревожить «Грузсельхозхимию»? Сценарий ведь во всех инстанциях утвержден.

А съемочная группа в полном составе теряла время, вечные дни, несла непредусмотренные убытки.

Ассистент режиссера, поднаторевший на таких неожиданных ситуациях, предложил:

— А что, братцы, если мы разобьемся на группы и, слегка осмотревшись, разбредемся в разные стороны. Продолжим загорать на ходу.

Как выяснилось в дальнейшем, ходили киношники, осматривались, скучая, совсем не зря.

Сараи, выделенные под химикаты, были пусты, а сами химикаты, использование которых давно уже запрещено, были свалены в большие кучи.

Палило их солнце, обмывали дожди, унося всю эту химию большими и малыми потоками в озеро. Кучи эти таяли, уменьшались в объеме после каждого, далеко не редкого в Колхиде ливня, оседая от ветров, проникали в почву, поближе к грунтовым водам. Вся эта масса по неведомым путям неслась к большой воде.

Ясно, что кому-то очень не хотелось, чтобы все это было запечатлено на пленке и могло получить широкую огласку.

Преодолев теперь уже понятные, узковедомственные интересы, «добро» на съемку все же пришло. Все необходимое было тут же зафиксировано на цветной пленке, чтобы потом не было повода для сомнений, где обычный, так называемый низинный торф, а где — химикаты.

Колхидские торфяники, особенно палеостомские, известны своей мощностью, превышающей местами 12 метров глубины. Это самые мощные торфяные залежи на территории Советского Союза. Их образование связано с геологическими процессами (в частности с медленным эпейрогеническим опусканием земной коры), протекающими параллельно с торфообразованием.

Проведенным в разное время бурением установлен общий запас торфа по отдельным массивам Колхиды, и, в частности, для палеостомского торфяника этот запас составляет до 240—250 миллионов кубометров.

Не менее богато торфом и весьма перспективное Имнатское месторождение, но промышленная добыча ведется на Палеостомском, несмотря на многочисленные запреты и предупреждения, несмотря на многократно обнаруженные нарушения технологии добычи.

Добыча ведется у самой кромки озера — заблаговременно не огороженное дамбой, оно разливается, и теперь повсюду происходит вторичное заболачивание.

Мы говорим: «человек — венец природы». А всегда ли мы соответственно этой формуле мудро и дальновидно хозяйничаем на своей родной планете?

У природы — свой неизмеримо сложный организм.

Озера и примыкающие к ним болота с их специфичностью — особым гидрологическим режимом, растительностью и удивительным образованием — торфом — по мнению ученых, являются «почками» ландшафта

Если взглянуть на торфяные разработки, ведущиеся в непосредственной близости, а точнее, в тесном соседстве с Палеостоми, то возникает довольно грустная картина. Ударом ковша можно поднять пласт от одного до двух метров, а залегание торфа в этих местах достигает восьми. Сняв лишь верхний слой, экскаватор переходит на соседний участок, оставляя за собой гладь нового озера. Зачастую он заходит так далеко, что обратный путь ему заказан: не выбраться.

Экология — наука совсем еще молодая. Ее история исчисляется немногими годами, но, как утверждают историки, проблемами экологии, когда они еще не назывались проблемами и тем более экологическими, люди занимались с незапамятных времен.

Не углубляясь в историю двух-, трех- и четырехтысячелетней давности, а вспомнив лишь дошедшие до нас образцы народной мудрости, можно понять, как, не имея еще больших познаний, люди по-хозяйски заботились о благе природы-кормилицы.

Избегать ошибок, роковым образом сказывающихся на Природе и тем самым на нас самих, — человеческий долг. Поэтому каждое вмешательство в процессы, протекающие в Природе, должно быть многократно продумано.

У болот чаще всего недобрая слава, из-за которой уничтожение, или, как чаще говорится, осушение их не вызывает ни у кого отрицательной реакции, но возникает вопрос: не чересчур ли много жизненно важных сосудов удаляем мы из организма Земли?

Делается это порой просто из-за пренебрежительного отношения к болотам как якобы неполноценному ландшафту, который не может быть пригоден и полезен для народного хозяйства без «облагораживания».

Однако ученые считают, что болота играют важную роль

в своих физико-географических регионах и их хозяйственное значение далеко не ограничивается одним лишь добыванием торфа, хотя это составляет их основную ценность. Но забывать и о произрастающих здесь ценных лекарственных растениях, о фауне, о функции болот как противозерозийных барьеров и биологических фильтров. При этом они являются самостоятельной экологической системой или составным компонентом типа ландшафта, консервантами геоморфологических форм рельефа, летописью природы и регуляторами натурального режима грунтовых вод и уровня озер, местом обитания характерной болотной растительности и редких, исчезающих животных.

Конечно, выгоднее на месте осушенных болот сажать чай и цитрусы. Это очевидный факт, так как цитрусы и чай произрастают у нас в основном именно в субтропической зоне, а потребность в них велика.

Но говорить о значении болот или осушенных земель, ссылаясь только на то, что на них произрастает, по меньшей мере наивно. Это все равно, что судить о тех или иных железах в организме по их объему или весу, по вырабатываемым ими гормонам и ферментам, забывая о множестве функций и взаимосвязей в общем обмене веществ.

Эта «забывчивость» приводит порой к очень нежелательным последствиям: к усилению стока и снижению водного потенциала, к исчезновению заливных лугов, нарушению био- и зооценозов, а главное, стабильности всей системы.

Очень показательным в этом отношении пример отрицательного воздействия осушения определенного региона Эстонии, где в свое время не взвесили особенности гидробиологического режима болота, и на «облагороженных» местах исчезла пресная подземная вода, которую заменила соленая, морская. Новый гидрорежим стал против воли человека создавать иной биологический режим.

На октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. К. У. Черненко указал на это со всей определенностью: «Осуществляя широкую мелиорацию, мы так или иначе вторгаемся в природу. Поступать нужно очень осторожно, чтобы, преобразуя землю, не только не нанести ей вред, а улучшить ее, облагородить, умножить возможности природы.

Все мы обязаны жить не только сегодняшним днем, но и завтрашним, не допускать поспешных, непродуманных решений. Здесь уместно напомнить высказывание К. Маркса о том,

что люди, пользующиеся землей, как добрые отцы семейства, должны оставить ее улучшенной последующим поколениям».

Здесь, на берегах Палеостоми, хорошо видны, почти все разрабатываемые участки, механизация, транспортировка торфа.

Начальник участка Темури Туркия откровенен: мы ведем разработку торфа варварским способом. Об этом он говорил еще в Тбилиси. Кинокамера четко зафиксировала неприглядную картину: с характерным лязгом взмывает вверх стрела экскаватора, и через секунду ковш плюхается в воду, а зачерпнув всего с кубометр торфа, разворачивается и выбрасывает его на берег в кучу, растущую на глазах, или прямо в самосвал.

Экскаваторщик словно и не ведает, что «зацепил» лишь самый верхний слой торфа, под которым неизвестно для чего и на какой срок остается основное, лишь слегка потревоженное, богатство этих мест.

Так, царапая верхний слой богатого торфяника, экскаватор движется метр за метром, прихватывая новые гектары, все дальше вытягивая озерную гладь, в лучшем случае глубиной в метр-полтора. Но болота, как бывшие, так и будущие, — коварны и мстительны, особенно в отношении недалёковидных, бесхозяйственных людей: один экскаватор вошел в воду, «не зная броду», и затонул. Теперь он в воде уже далеко от берега: озеро продолжает разливаться вширь, а на том месте теперь «толкут воду в ступе» другие его собратья. Неровен час — и они последуют за первым.

В небольшой мелководной бухточке вода покрыта темной нефтяной пленкой, которая расплывается все дальше. И земля тут потемнела от неосторожно разливаемого горючего и смазочных масел. Здесь заправляются самосвалы и экскаваторы.

А торф обогащают химикатами тут же рядом. Его вручную пересыпают и перелопачивают, а химикаты лежат под открытым небом: подул ветер, полил дождь, и все это просачивается под землю, к грунтовым водам, и стекает прямо в озеро — Палеостоми вынесет!

Видимо, на эту выносливость реликта и рассчитывают разработчики.

Озеро, действительно, молчит, жалоб не пишет, но следы бесхозяйственности, поистине варварского отношения к уникальному, еще недавно естественному пресноводному, а ныне, к сожалению, уже основательно засоленному озеру можно встретить на каждом шагу.

Была здесь осуществлена идея добычи торфа с использованием электроэнергии: провели линию электропередачи (балансовая стоимость — 245 380 рублей, сумма износа — 12269 рублей), установили подстанцию (балансовая стоимость — 72390 рублей, сумма износа — 1809 рублей).

И сегодня стоимость этой идеи электрифицированных торфоразработок стоит по балансу 303692 рубля, но фактически это лишь металлолом: все заржавело, все раскулачено.

Маленький прогулочный катер, любезно предоставленный нам контрольным постом Управления эксплуатации озера Палеостоми, рассекая мутные воды речки Капарча, мчится вверх по течению.

Собственно говоря, никакого ощущения преодоления встречного течения нет. Капарча словно и не движется вовсе, хотя катер идет строго по фарватеру. Да иначе и нельзя. Река основательно заилена, а близ берегов торчат из воды ржавые обломки то ли кораблей, то ли каких-то более сложных, неопознанных металлических конструкций (бесценная кладовая для «Вторчермета»).

От контрольного пункта хотелось отчалить поскорее, так как от расположенного на противоположном берегу реки цеха рыбообработки тянуло тяжелым смрадом, а весь берег был буквально засыпан рыбьими останками и чешуей. Пожалуй, санэпидстанция давно уже сюда не заглядывала.

Наш кинооператор устроился на носу катера, рядом с водителем-мотористом. В объективе — большой, мощный, но безлюдный катер с броской надписью «Рыбоохрана». Вся группа во главе с режиссером увидела, как мирно, уткнувшись носом в берег, среди множества частных лодок, стоял он на приколе. Также не шелохнувшись, он стоял и через несколько часов, когда мы возвращались, и на следующий день, и еще через несколько дней. Встреча с командой «Рыбоохраны» так и не состоялась. Они, видимо, охраняли рыбу на суше. А на озере в это время спокойно трудились браконьеры.

Снова потянуло смрадом, и река из бурой стала иссиня-черной, на ее поверхность всплыли дохлые лягушки брюхом вверх, мелкая рыбешка.

Когда же мы пошли навстречу этому черному потоку нечистот, то добрались и до его истоков. Это был очередной сброс неочищенных, не пропущенных сквозь фильтры и отстойники отбросов, вытекающих из-под фасада Потийского мясокомбината, если эту грязную, закопченную, развалившуюся

словно после бомбежки стену вообще можно назвать «фасадом».

Подступиться к нему вплотную мы так и не смогли. Обмельшее дно реки, засоренное скрежещущим металлоломом, мертвой хваткой впилося в катер, и все наши попытки провалиться оказались безуспешными.

Услышав натужный гул мотора, группа рабочих, непонятно каким образом вскарабкавшихся на скелет сооружения без стен, потолка и пола, махала нам в знак приветствия, а приметив киноаппарат, кто-то, перекрывая шум, прокричал: «Снимайте, снимайте! Здесь уже многие снимали, а все остается по-прежнему! Только торопитесь, не то задохнетесь!» — неслось нам вдогонку.

Потийский трест очистки вывозит мусор не на свалку, а сбрасывает прямо на территории своего хозяйства. С берега и далеко в озеро тянется новая, никем не разрешенная свалка — полудатопленные коробки, тряпки, разбитые старые ванны, сломанные детские коляски и неопикуемые кучи мусора.

Когда загрязнение воды, браконьерский лов рыбы, отстрел охраняемых птиц и животных, порча растений, земли, загрязнение атмосферы становятся вопиюще очевидными, возникает необходимость наложения различных взысканий, штрафа, применение более строгих санкций.

Но ведь все это происходит, когда природе уже нанесен ущерб. Его уже не возместишь никаким штрафом. И главным оружием остается обращение к человеческой совести, которую надо постоянно будить, будоражить всеми возможными средствами.

Начальник Управления эксплуатации озера Палеостомв Кале Цхадая рассказывает, что трудится на озере 24 человека. Часть занята на двух контрольно-пропускных постах, а другая — непосредственно на укреплении берегов.

Один пост мы увидели сразу. Его начальник Александр Болквадзе вместе со своими подчиненными не раз оказывал нам помощь и содействие в съемках, предоставляя катер для ближних и дальних поездок, но ответить, где расположен второй пост, он не сумел — был очень удивлен и поначалу принял наш вопрос за шутку. Второго поста мы, действительно, не нашли ни на суше, ни на воде, но не теряли надежды разыскать его в Тбилиси хоть в каких-нибудь документах.

Мы объехали и обошли озеро вдоль и поперек. Но людей, ведущих хоть какие-нибудь работы на озере, либо мелиоративные, либо очищающие его от мусора, мы не нашли...

Чем же занимается пост на озере?

А. Болквадзе уверяет, что только не контрольно-пропускными функциями.

— У нас и права нет осматривать проезжающие моторки, а тем более штрафовать браконьеров, мы объездчики. — уверяет он нас.

Так мы убедились, что ни охраной, ни борьбой с браконьерством управление не занимается.

А еще одно совещание, проводившееся уже в начале нынешнего, 1985 года, снова убедило, что с созданием Управления эксплуатации озеро Палеостоми так и не приобрело хозяина, который охранял бы его от браконьеров.

Таковыми же случайными гостями, как и прежде, на берегах водоема бывают работники рыбоохраны, лесоохраны, Общества охотников, охраны природы, Колхидского заповедника, санитарной инспекции, пока еще формально объединенные в грозно звучащую на бумаге Комиссию по борьбе с браконьерством.

Все остальные проблемы рассматривались как реальные, лишь отложенные на самое ближайшее будущее.

Одним из самых главных богатств Палеостоми считалась рыба. В этой связи, пожалуй, стоит обратиться к выводам, которые сделал Институт зоологии АН ГССР. Документ называется «Результаты исследования состояния озера Палеостоми до его опреснения».

Уже само название исследования таит в себе надежду ученых-ихтиологов на то, что Палеостоми вновь будет опреснено. Что настанет час, когда полностью будет восстановлена фауна превосходного водоема. Но вот положение на сегодняшней день.

«По сравнению с шестидесятыми годами, в настоящее время соленость повысилась на 2—3 промиля и составляет в зависимости от удаления от прорыва и сезона наблюдения 2,4 — 15 промилей. Это, несомненно, связано с ирригационными работами, проводимыми в бассейне реки Пичоры, в связи с чем дебит воды в этой реке значительно уменьшился.

Особенности солевого режима и, прежде всего, колебания солености воды оказывают большое влияние на развитие биологических процессов в озере: до осолонения ихтиофауна озера была представлена 39 видами рыб, из коих 21 — пресноводных и 4 — морских. В шестидесятих годах число пресноводных рыб уже сократилось до 12, а морских — увеличилось до 6.

В настоящее время в озере пресноводных видов 8, а морских — 10, причем появились новые, чисто морские виды рыб — тюлька, анчоус (хамса), ставрида, султайка, луфарь, мерланг, скоопена, морской конек, морской язык.

До прогрессивного осолонения озера основную промысловую ихтиофауну озера Палеостоми составляли кефаль (31—70 процентов), окуневые (21—40 процентов) и карповые (12—29 процентов) и при этом рыбопродуктивность по этим рыбам колебалась в пределах 20—100 килограммов с одного гектара площади озера.

С шестидесятых годов до периода организации экологического заказника (обратите внимание: ученые считают, что заказник все же организован и создание его датируется 1980 годом) рыбопродуктивность озера снизилась до 10 кг с гектара, при этом удельный вес кефали резко снижен за счет превалирования таких морских рыб, как ставрида и луфарь».

Ученые также считают непозволительным применение для лова невода с ячеей в 18—24 миллиметра, который на протяжении многих десятилетий уничтожал неполовозрелую молодь таких ценных промысловых рыб, как лобан, судак, лещ, сазан, а теперь заходящую сюда молодь атлантического осетра (ячейки невода должны быть размером не менее 34 миллиметров).

Промысловый лов на озере Палеостоми официально прекращен давно, но браконьеры преспокойно тянут свои сети с такой мелкой ячеей, что в нее не пройдет и хамса.

И ловят браконьеры (это отчетливо видно на нашей кинолентке), сколотившись в бригаду, деловито, профессионально, словно выполняют важное государственное задание, борясь за высокий план.

Есть немало весьма ценных выводов и предложений в трудах директора Грузинского объединения Всесоюзного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии (ВНИРО) Н. Д. Мазманиди, заведующего лабораторией воспроизводства рыбных запасов кандидата биологических наук О. Г. Бурчуладзе, заведующего лабораторией кормовой базы кандидата биологических наук Р. И. Чхаидзе.

Вот что они предлагают сделать еще до опреснения озера уже сегодня, сейчас, не откладывая проблемы до лучших времен:

«Использовать озеро Палеостоми как выростной водоем

для доразривания заводской молодежи осетровых — продукция Рионского осетрового рыбозавода».

Считают они также возможным организовать в нем, осолоненном участке рек Копарча и Дедабера садковое выращивание товарных осетровых. Объем производства осетровых, по их предположениям, будет лимитироваться возможностями приобретения посадочного материала, кормами.

При наличии посадочного материала — стандартных годовиков бетлера или белуги в количестве 50 тысяч штук в озере Палеостоми, считают они, можно выращивать до 30 тонн товарных осетровых.

В работах ученых, занимающихся проблемами озера Палеостоми, все чаще стало возникать слово сапропель. Оно возникло в разных контекстах и ситуациях, но все прочнее утверждалось в сознании, оформившись наконец в концепцию и явившись уже сформулированным выводом, очень близким к решению.

Сапропель — это отложение пресноводных озер, образующееся за счет живущих в воде и постепенно отмирающих растений, живых организмов. Оно богато органическими веществами, биологически активными элементами — каротином, другими витаминами, содержит ценнейшие микроэлементы, фолиевую кислоту, биостимуляторы и антибиотики, кальций, фосфор, азот, серу... Словом, это высокоэффективное минерально-органическое удобрение, ценная подкормка для скота и птицы, лечебное средство разностороннего действия.

И лежит этот золотой клад на дне озера в количестве, как уже подсчитано, равном 134 миллион кубометров.

Им можно обогащать добываемый здесь (правда, пока еще варварским способом) торф, использовать напрямую в цитрусоводстве, чаеводстве, птицеводстве. Уже отработана технология его добычи, создана машина для его гранулирования. Добывать его можно и на территории, прилегающей к озеру, и на «Большом Палеостоми».

А что если сапропель и есть то самое звено, ухватившись за которое можно вытянуть всю цепь?..

Ведь добываемый здесь торф беден и даже обогащенный желаемого эффекта не дает — ни на цитрусовых, ни на чайных плантациях. Сапропель же — начини добывать его хотя бы на одном квадратном километре — обеспечит первоклассным удобрением (и не только удобрением) все новые плантации как минимум на десяток лет.

А дальше работает арифметика.

Известно, что на один гектар осушенных плантаций требуется 300 тонн торфа, а сапропели — всего 5—6 тонн.

Только транспортные расходы в этой замене ^{91 000 000 000} ~~91 000 000 000~~ ^{303 000 000 000} ~~303 000 000 000~~ дают огромную экономию.

Освободившись от сапропеля и нанесенного годами ила, поднявшего дно озера с 25 метров до 4—2, а то и 1 метра, озеро вздохнет полной грудью и, оздоровленное, заживет новой жизнью.

Есть о чем подумать и ученым и практикам.

С мнением, выводами и деловыми научно обоснованными предложениями ученых нельзя не считаться. Их надо брать на вооружение, и как можно скорее.

Это проблема ближайшего будущего. А сегодня Палеостомин ожидает мелиораторов, которые придут к его берегам с окончательным проектом и начнут долгожданные работы.

В сентябре прошлого года (12.IX.84 г. № 37) «Литературная газета» опубликовала обстоятельное, очень интересное и важное интервью с министром рыбного хозяйства СССР В. М. Каменцевым «Наш рыбный стол». В этом интервью речь шла о том, как успешно, с заботой о людях работает сегодня рыбная промышленность страны, какие у нее радужные перспективы.

Хотелось бы остановиться лишь на нескольких положениях этого большого и убедительного, в плане завтрашнего дня, материала.

На вопрос корреспондентов «Литературной газеты», почему мы теряем привычные виды рыб, особенно пресноводных... Владимир Михайлович Каменцев ответил: «...каждый вид рыбы можно вылавливать лишь в ограниченном количестве. Лосося мы ловим 130 тысяч тонн, это большая цифра, но хватит ли 130 тысяч для всего населения Советского Союза? Или 230 тысяч? 330? Нет, не хватит. И, конечно, во всех магазинах лосося быть не может. И трески, осетрины, крабов тоже».

И, отвечая на следующий вопрос, сможем ли мы из этого списка дефицита в недалеком будущем что-либо перевести в другой перечень — недефицитный? — Владимир Михайлович сказал: «Думаю, что при таком постоянно возрастающем спросе лосось, осетрина, крабы останутся дефицитом... эти рыбы имеют определенный срок воспроизводства. Если перевести то или иное стадо, то его совсем не будет. Чтобы, пусть изредка, но тем не менее всегда лакомиться ценными рыбами, нам

нужно не хищничать, а строго придерживаться правил рыболовства. Ловить только на рациональной основе».

И далее идет рассказ о печальном, недавнем, происшедшем на Дальнем Востоке факте, когда в районе, запрещенном для лова, рыбоохрана обнаружила несколько судов. Несмотря на то, что эти траулеры возглавляли отличные капитаны, длительное время работавшие в отрасли, министр уволил их без права вернуться в рыбное хозяйство, хотя ясно было, что ловили они рыбу в этих местах не для себя, а для плана.

Комментируя этот факт, Владимир Михайлович Каменцев заключил: «Когда уволенные капитаны пришли ко мне, я им ответил, что нам не нужен план такой ценой, который подрывает запасы. Мы квалифицировали их действия как браконьерство на государственной службе. Решения своего я не изменил, хотя в прошлом это были достойные люди».

Такое принципиальное, по-государственному, в пользу природы решение вопроса можно только приветствовать и использовать как пример в масштабе всей страны.

Эту довольно пространную выдержку из интервью министра рыбного хозяйства СССР тов. В. М. Каменцева мы привели потому, что, видимо, тут же не мешало бы вспомнить еще один немаловажный факт, и сегодня беспокоящий рыбаков в другом конце страны, на широте и долготе юго-восточной части Черного моря, близ города Поти.

Известно, что шельфовая зона в пределах Черноморского побережья Грузии имеет около одной тысячи квадратных метров. Она опресняется реками Чорохи, Супса, Риони, Ингури, Кодоли, Бзыбь и другими. В пределах этой благоприятной зоны постоянно обитают и нагуливаются белуга, азово-черноморский осетр, севрюга, атлантический осетр, черноморский лосось-кумжа, камбала-калкан, барабуля, горбыли, кефаль, ставрида, концентрируется на зимовку черноморская хамса и другие виды рыб.

Улов этих ценных видов рыб за последние годы настолько уменьшился, что государственный промысел в юго-восточной части Черного моря вовсе прекращен.

В целях сохранения лосося и осетровых построен Рионский осетровый завод, а еще в 1975 году приказом № 248 от 10 июня по Министерству рыбного хозяйства «О запрещении всякого рыболовства в прибрежной пятимильной зоне Черного моря от г. Поти до г. Счамчире и в р. Риони от устья до с. Варцixe» в указанном районе рыбный промысел был ограничен до предела.

Однако в вышеуказанном приказе осталась на первый взгляд не приметная, но на деле широко используемая лазейка, благодаря которой ежегодно на активный промысел устремляется множество судов.

Дело в том, что пункт 1 приказа допускает промысел зимующей здесь в осенне-зимнюю путину хамсы, и, пользуясь этим «допуском», в указанном районе скапливается до 200 промысловых судов, работающих кошелечковыми неводами и добывающих за сезон более 100 тысяч тонн хамсы.

А вместе с хамсой захватывается и молодь ценных пород рыб. Иначе говоря (будем откровенны), совершается планомерный, санкционированный грабеж бесценного, ничем невосполнимого генетического фонда.

Не секрет, что в этом же районе систематически работают экспедиционные суда научно-исследовательских институтов и «Азчеррыбпромразведки», донными тралами перепахивающие дно, чем основательно нарушают установившиеся биоцены и одновременно ведут лов ценных пород рыб.

Здесь же следует заметить, что район акватории моря между городами Поти и Очамчире предусмотрен в качестве морского пастбища для живой продукции риюнского осетрового завода и места формирования стада взрослых рыб-производителей, без которых вся работа завода и его хозяйственная задача сводятся буквально к нулю.

На основании научно обоснованных расчетов ихтиологов продукция только Риюнского рыбозавода, рассчитанная на сохранение единственной в мире популяции атлантического осетра и восстановление численности других осетровых рыб Колхиды для промышленной эксплуатации, составит не менее 16 тысяч центнеров в год осетровой продукции. Кроме того, молодь атлантического осетра может с успехом стать и предметом экспорта. Спрос на нее огромен во всем мире.

В целях сохранения ценнейших видов аборигенной ихтиофауны Колхидского причерноморья и ее рационального использования в хозяйственных целях, путем организации лосолевого и осетрового хозяйств, назрела реальная необходимость создания Колхидского морского государственного заповедника в районе Поти—Очамчире шириной в 5 морских миль от берега. И без оговорок, без пресловутого «пункта 1», благодаря которому и хамса, и осетровые рассматриваются на одном уровне.

Стало быть, речь идет не о какой-то узковедомственной за-

те, а в основе этих предложений, рекомендаций и просьб лежит здравый смысл, научно обоснованный расчет.

Хамсу же можно подловить и чуть-чуть севернее, до подхода к оберегаемой для осетровых зоне. Это подтверждают и ученые, и рыбаки-ветераны.

Осетровые же, которые, кстати, занесены в Красную книгу СССР, скажут спасибо и воздадут сторицей за то, что в младенческом возрасте, еще несмышлелышами, они не попали в кошелевковий невод вместо тюльки.

Хорошо бы поскорее пересмотреть этот «антиосетровый» приказ № 248 от 10 июня 1975 года, чтобы не создавать, в частности, на озере Палеостоми новую, мощную, организованную на промышленной основе базу для грабежа и спекуляции ценными породами рыб, — ведь очередная путина грядет со всеми вытекающими из этого последствиями.

Всех проблем не то что решить, но даже наметить и перечислить просто невозможно. Каждый день эти проблемы, вопросы, загадки девятым валом накатываются одна на другую на спокойной глади озера и, поднявшись стеной, вдруг обрушиваются, разметаая радужные иллюзии о порядке хозяйствования, плане, прогнозах и элементарной культуре их исполнения.

В Колхидской низменности на протяжении десятилетий сделано очень много. Проведены работы исторической важности, которые преобразили и продолжают преобразовывать этот край. Силами мелнираторов народному хозяйству возвращены, вернее даже подарены, многие тысячи новых земель, на которых зеленеют заботливо взлелеянные моря грузинского чая, плантации цитрусовых.

Проблема озера Палеостоми по сравнению с ними — капля в море, но и она должна быть решена незамедлительно, потому что все, касающееся природы, промедления не терпит и любую невосполнимую из-за нашего промедления потерю потомки нам не простят.

Ведь не зря говорят ученые, что наше поколение, по всей вероятности, и есть то самое, последнее, которое еще что-то может исправить и помочь природе. Потом уже будет поздно.

Так можно ли сегодня еще что-нибудь откладывать на завтра?

Н О В Е Л Л Ы

ОСЛИК

Между дворами и заброшенным виноградником тянулась проселочная. За

виноградником, до зарослей колючей гледичии, темнела пашня, а за ней раскинулся просторный луг — мы называли его Бекнара.

От колючих зарослей Бекнара отлого уходит вниз, но чем ниже, тем заметнее выравнивается. За дикой грушей, растущей посреди луга, до топкой низины петляет разверстая балка. Видно, когда-то здесь текли потоки, способные проточить овраг глубиной выше человеческого роста и шириной местами шагов до десяти. Балка, сколько помню, сплошь зарастала травой. По дну трава росла выше и гуще, наверное оттого, что там всегда было сыро. После летних ливней поток, бегущий по балке, доставал нам до щиколоток.

Как и когда был проточен этот овраг, я не знаю; но что он был — это точно, тут ничего не скажешь.

Грунт на Бекнаре сплошь глинистый. Раньше землей с этого луга обмазывали плетеные дома — пацхи. А в пацхах и дощатых кухнях натапывали из нее земляные полы. До войны на Бекнаре даже построили печь для обжига кирпича, но в глину тут и там зернышками черного перца подмешивались мелкие камешки, не переносившие обжига. При нагреве они лопались, рассыпались, и кирпич получался некачественный. А в Западной Грузии такой кирпич скоро раскисает от дождей и сырости (почему-то это поняли после того, как печь для обжига была возведена). Цех забросили, но на его месте еще долго стояли пустая печь и длинные навесы с полками для сушки, где в дождь и в жару укрывались не только пастушата, но и скотина — коровы, телята, овцы.

В те годы мы переменяли место наших сборов — из-под дикой груши перебрались под заброшенные на весах. Играя в прятки, ловкому мальчишке нетрудно было найти там надежное укрытие — вскарабкаться повыше на полки, или залезть в печь... Да-а, на нашем лугу было много такого, что могло занять подростка и навсегда остаться в душе как память о детстве. Чего стоила хотя бы старая дикая груша с большим дуплом, служившая нам укрытием от жары и дождя до постройки кирпичного цеха. Или топи на нижней границе луга с лягушками по кочкам и бережкам!

Удочек с яркими поплавками у нас не водилось, но, привязав к лягушачьей лапке прочную соломинку и по пояс свешиваясь в бочаг, умелый упрямый мальчишка мог выловить штук пять черных раков с лапками-клещами.

Вода в бочагах стояла зеленовато-желтая, мутная, и когда соломинка с привязанной к ней лягушачьей лапкой опускалась на дно, ее не было видно. Наверное, раки потому так смело и бросались на приманку, что не видели нас.

Действовать следовало решительно, но осторожно. С берега, возвышавшегося над бочажком пяди на две, одним глазом надо было следить за соломинкой и тянуть ее так плавно, чтобы рак, вцепившийся в лягушачью ножку, ни о чем не догадался. Но одной осторожности было мало. В мутной воде постепенно проступали очертания рака, и ты видел его глазами, ибо рукой-то чувствовал с той самой минуты, как он вцепился в лягушку; различал черные усы, маленькие темно-синие выпученные глазки по обе стороны острого, как бы заточенного панцирного носа. И вот тут-то и приходило время проявить сообразительность, ловкость, да и смелость тоже. Поначалу рак то ли удивлялся новым ощущениям, то ли его разбирало любопытство, но он не отрывал клещей от приманки. Пока он пялился на тебя своими длинными на ножках глазами, надо было, держа соломинку в левой руке, правую осторожно погрузить в воду, приблизиться сбоку и пальцами обхватить его за спину. Повторяю — правой рукой, сбоку да так, чтобы при этом не напороться на его острый панцирный нос и не угодить в клешни, не

то, пустив тебе изрядно крови, он все равно не выпустил бы пальца.

Да-а, были у нас забавы, как не быть!

Там, где раскидистый бук огибала аробная дорога, можно было напороться на крепенькие грибы-сыроежки, а погожим утром на рассвете влажный от росы луг бывал, как жемчугом, усыпан грибами кама — округлые шляпки молочно-белого цвета размером с голубиные а то и с куриные яйца; только снятый и перевернутый гриб показывал свой нежно-шелковистый испод цвета какао.

Когда первоклассник или второклассник возвращается из школы, на дворе, можно сказать, еще утро. Весенний, а тем более летний день весь впереди. В каникулы же с утра и до позднего вечера мы были на лугу. Теперь для нас многое переменялось: лес из темных страшных дебрей превратился в райские кущи — прохлада, душистая земляника, смуглая, колючая ежевика, гнезда дроздов и соек; мутные бочажки, пучеглазые лягушки, черепахи и раки... А над балкой, на взлобке, который по-нашему называется Бекоби (возможно, отсюда и название луга — Бекнара?), дождливым пасмурным днем выковыренная ржавым без рукоятки ножом махонькая печурка, в ней — мелкий, едко дымящий промокший хворост и заговор в три-четыре голоса:

Гори, гори, огонек,
Остренький ты мой клинок,
Выковыряй печку,
Разожги мне костерок,
Согрей пастушонка!..

А тут еще заброшенная печь для обжига кирпича, и прочные длинные полки под навесом...

Нам уже по семь-восемь лет, и даже черная корова не очень-то осмеливается нас бодать.

Нет, что ни говори, а жить можно!

Но, как вскоре выяснилось, все это было пустяками, мелочью.

Судьба, оказывается, решила нас побаловать, а мы даже и не догадывались.

По соседству с нами (впрочем, соседство было не

таким уж близким) жил родственник отца, добрейший, справедливейший и не очень-то везучий человек — Энуки. Энуки был трудяга. В колхозе и в своем хозяйстве работы хватало, и я постоянно помню его усталым и удрученным. У Энуки в Кутаиси жил брат, с отличием окончивший Харьковский медицинский институт. Наверно, он и впрямь разбирался в медицине, а по-моему, так просто был умным психологом, понимал характер и состояние больных и лечил не столько таблетками, микстурами и знахарскими отварами, сколько словом. Знахаря я помянул потому, что к нему, как к знахарю, бежали со всем, что бы ни заболело, и доктор никогда никому не сказал, что такую-то болезнь он не лечит, что она не по его части.

Про город и другие села не скажу — не знаю, а от наших сельчан, вернее, от жителей нашей общины (в общину входило три села), доктор за лечение не брал ни копейки. Как мы узнали позже, еще он лечил бесплатно актеров кутаисского театра. Однако практика, видать, у него была немалая: за год-другой он построил в деревне добротный деревянный дом, и в городе приобрел большую квартиру с двором и садом.

У врача было три сына, все трое старше меня. Насколько я знаю, машин и велосипедов в Кутаиси в те времена было мало, доктора к больным возили в фаэтон, вот его мальчишкам и захотелось иметь свою коляску, да еще с лошастью. А когда при желании есть и возможности, считай, что дело в шляпе.

Коляску докторским сыновьям смастерили маленькую, в нее свободно садился один из братьев, надо полагать, чаще это был старший; но если садился один, а двое запрягались и везли, думаю, что для них удовольствие это было ниже среднего. Коляска вещь хорошая, но к ней, как известно, нужна лошадь. В маленькую коляску лучше запрячь маленькую лошадку. А где ее взять?.. Жеребенок, конечно, маленький. Но жеребенок не может без мамы, да и в упряжке он неизвестно что выкинет. Думали-думали, как быть, что делать, и вспомнили про осла. Кто-нибудь, пожалуй, удивится: неужели, чтобы вспомнить про осла, надо

было столько думать? Но в Нижней Имерети ослы знают разве что по картинкам, или если видали проездом где-нибудь в Восточной Грузии, особенно в Кахети. Словом, купили мальчишкам маленького, только-только отваженного от матери ослика. Где купили и как привели в город — не скажу, не знаю.

Холили того ослика, ласкали, баловали — дай бог каждому! А работы у него было не много: в маленьком городском дворике возил игрушечную коляску и в ней — мальчишек. Мальчишки подрастали медленно, а ишачок быстро, и скоро вырос в здорового осла. Вырос и стал вопить по-ослиному, переполошил весь околоток, всю улицу. В городе в те годы была тишина, кутаисцы к ослиным серенадам непривычны, даже хозяевам эти сиплые вопли пришлось не очень-то по душе...

Долго мальчишки не могли расстаться со своим любимцем. Законопатили хлев, в котором тот жил, завесили окно дерюгой в три слоя, но осел и в темноте знал свое дело...

«Папочка, он больше не будет», «Клянусь, больше не будет», «Я дам ему сахару, чтоб не кричал»... Укоры, ласки, уговоры, поощрения — все было тщетно. Осел мог запеть в самую неожиданную и неподходящую минуту — даже с мешком овса на морде. Что оставалось делать? О том, чтобы продать его или просто выгнать, не могло быть и речи. Мальчишки отвели его в нашу деревню, к дяде, с тем чтобы с субботы на воскресенье ездить в гости и играть со своим любимцем, хорошо ухоженным и упитанным — ведь луговая трава лучше городских кормов.

В тогдашнем учебнике «Родной речи» был такой рисунок: верхом на осле сидел босоногий мальчик и на вытянутой вперед палке держал пучок травы. Мы все понимали, что, не сумев стронуть с места упрямую скотину, всадник прибегнул к хитрости, и удивлялись его сообразительности.

Никто из нас никогда не бывал ни в Картли, ни в Кахети, даже в Верхней Имерети. Так что все наше знакомство с ослом ограничивалось рисунком из учебника.

А тут — вот он!.. На нашем лугу, перед нашими глазами!.. Средь бела дня, при ясном солнце... И это

нам не привиделось, не помстилось. То ли с неба слетел, то ли из земли вырос — ведь тогда мы не знали, как было дело. Вот он, вот, живой, настоящий, голубовато-белый, дымчатый, прекрасный, о каком мы и не мечтали, — топает себе копытцами.

Не думаю, чтобы кто-нибудь из моих сверстников помыслил бы тогда о таком подарке, видел глазами и испытал бы сердцем подобную радость!

Вот он!.. Вот, здесь!.. Стоит на краю оврага и виден от колючей изгороди ясно, четко, и не какой-нибудь, а голубовато-белый, цветом в облачко... И цветом хорош, и ноги хороши, и голова, и хвост, но особенно уши! Ах, какие прелестные уши! Ничего лучше мы в жизни не видели. Теперь-то видим, но ведь и виденному надо еще поверить!

Вот я стою и из-под навеса для сушки кирпича смотрю на него. Солнце, правда, яркое, утреннее и воздух такой прозрачный, что видно не только на лугу; пожалуй, можно было бы увидеть на облаках того бога, который и для нас выкроил время и сотворил такое чудо... Но вдруг при приближении оно исчезнет? Нет, днем, при свете солнца такого не бывает. Видения возникают ночью, безлунной ночью, да и при луне тоже; когда ищешь в лесу потерянную скотину, чего не привидится... Ну, положим, я фантазер, положим, мне и на небе мерещились скакуны и крылатые кони, но мой брат! Но остальные мои соседи и товарищи!

— Бичоиа, ведь это осел, верно? — Бичоиа постарше нас и поопытней, с него спрос больше.

— Индико, вымахал с версту, так уж присмотрись повнимательней!

— Шотаиа, Буду, Витали, смотрите, братцы!

— Резо, Залико! Иорам, прохиндей чертов!

— Кукураиа, что это там стоит на пригорке и прыдет такими ушами, свихнуться можно!

— Девочки, ну чего вы жметесь в такую жару друг к дружке. Гляньте! Вы ведь тоже видите? Только честно...

Иорам все-таки самый решительный и смелый из нас. Не раздумывая, пошел к пригорку. Все, кроме девочек, вскочили, и за ним, но...

— Погодите! И-а, и-а! Погоди! Резо, ты-то куда? Того же ума! Если мы все налетим разом, вдруг спугнем. Вдруг он исчезнет, улетит...

— Улетит? Птичка он, что ли?! — удивляется Иорам.

— И-а, и-а! Да тише вы! Убежит же, будь он не ладен!

— Куда денется? Дальше этого луга не убежит! — не останавливается Иорам: этот и черта сумеет поймать, ишаку от такого не улететь.

— Много ты знаешь!

— А чего тут знать? Это же ишак. Осел.

— Так говоришь, как будто у твоего отца их двенадцать...

— У моего отца их нету, но ишака я все равно знаю.

— Стой, и-а, стой!. Тсс... Будуиа, отойди, не належай. Шарванди, скажи своему брату. Бичоиа и Индико, чего вытянулись во весь рост? Пригнитесь немного и пойдем низом по склону оврага! Вот так... Тише, тише, на цыпочках.

— Я его сверху обойду! — сообщил Иорам.

— Не надо его обходить.

— Ты тут не затевай ничего, это ишак Энуки, его из Кутаиси привели!

— А где он у них был в Кутаиси?

— У его брата.

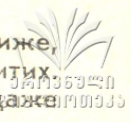
— Его брат что — ишаков пасет?

— Да доктор он.

— Будет заливать! Где доктор — где ишак? Заткнись лучше!..

Пробираемся по склону оврага, но овраг тут неглубок. Не только Бичоиа с Индико, мы все крадемся, согнувшись в три погибели, жмемся к тому склону, на котором стоит это чудесное создание: стоит и хлопает ушами и обмахивается коротким хвостиком. Продвигаемся вперед, но сердце у меня готово выскочить: что он сделает, когда мы подойдем поближе и он увидит нас? Скакнет и исчезнет? Или оскалит зубы и пойдет на нас? Или, напротив, повернется к нам задом и станет брыкаться и лягать?

Пусть делает, что хочет, только бы не исчез. Пусть стои здесь, поглядывает на нас издали, и мы будем

обращаться к нему только на «вы». Чем мы ближе, тем осторожнее ведем себя. Даже Иорам попритих. Кто его знает: все-таки не корова, и не овца, и даже не лошадь, в конце концов...

Сердца у нас от страха колотятся, крадемся, подбираемся, а он стоит себе и на нас ноль внимания, даже и не смотрит в нашу сторону. Мы только искоса успеваем глянуть на пригорок: овраг не так крут и глубокий, чтобы укрыть нас надежно; если не прижаться к земле, не припасть всем телом, он может заметить, и вдруг рванет и исчезнет. Что нам тогда делать, где искать его?

Мы сбились в кучу под пригорком, на котором он стоит... а ему хоть бы что! А ведь между нами всего метров пять.

Да, это и впрямь ты, ослик! Стоишь на маленьких, с кулачок, копытцах! И подковы тебе достаточно маленькой, со старинный полтинник. Как же ты стоишь так прочно на таких тонких ногах? Брюхо бледно-соломенного цвета малость обвисло, не то что у жеребенка, но, глядя на тебя, кажется, что это жеребята слишком поджарые и голенастые. Не тебя же упрекать в некрасивости. Темный, почти черный храп, мягкий и нежный, как у лошади. Цвета глаз мы еще не видим, ты смотришь в другую сторону, но от того, как ты ушами отгоняешь мух, можно просто сойти с ума! Одно это чего стоит! Ни у кого в целом свете нет таких ушей. На твои уши можно смотреть не отрывая глаз, и смеяться, смеяться...

А спина? До спины дотянешься рукой. Она не слишком высока, не надо ставить тебя в ложбинку или самому взбираться на валун или плетень: ловкий мальчишка сумеет сесть верхом на ровном месте. Потом подвесит к палке пучок травы, и побежит наш ослик! В сущности, ведь и то к счастью, что ума у него не слишком много: знай он, что никогда не дотянется до той травы, уперся бы и ни с места — ведь говорят, что характер у него упрямый...

Господи, да кому нужен его бег! Его жалко гонять не только что галопом — даже рысью. На него любоваться — и достаточно. А если он позволит погладить

себя по спине и съест из твоих рук траву, собранную на дне оврага, ты будешь вполне счастлив!..

Шота на четвереньках карабкается вверх, его тащит туда упрямство и неудержимое желание добраться до этого чуда. Испуганный и возбужденный, оглядывается на нас и ощеряется. Смеется? Смеется раньше времени, а это не к добру. Да и смех ли это?

— Шотаиа, не сходи с ума!

— Назад, Шота! Назад, парень!

— Шота, тебе говорю!

Оглянулся!.. Ослик оглянулся и увидел нас.

Глаза... Глаза у него оказались размером с куриное яйцо. Сливы для нас плод не чуждый, со сливами в самый раз сравнить синеву этих глаз. Во всяком случае лучше этих глаз мы не видели. Он сам был мерилом красоты, и с ним надо было сравнивать то, что прекрасно. Породистый скакун и тот рядом с ним показался бы некрасивым: широкие расшлепанные копыта, коротенькие уши, мосластые ноги, здоровенный круп, длинный, свисающий до земли хвост с приставшими к нему репьями. А у нашего ослика хвост оказался тугой и гибкий, как хорошо сплетенный хлыст, и только на кончике крошечная, с кулачок, метелка.

Убедившись, что ослик не обратил на Шота ни малейшего внимания, мы вскочили и взбежали на пригорок, снедаемые завистью оттого, что Шота, а не мы осмелились на такое. Иорам даже встал во весь рост и обошел его с головы.

Я хотел было крикнуть: «Что ты делаешь! Ты же все погубишь!». Но ослик не волнуется, никуда не бежит, зачем же заранее впадать в отчаяние?

К нам присоединились девочки, и мы составили довольно большой круг с осликом в середине. А ему хоть бы что; думаю, ему даже пришлось по душе детская компания. Я это заключил из того, что он с удовольствием пощипывал травку и спокойно озирался. Надо признать, что наше кольцо получилось овальным, вытянутым в сторону головы и особенно ишачьего хвоста, но скоро мы убедились, что предосторожности излишни.

Он был просто создан для нас. Если мечте суждено сбыться, то он был сбывшейся мечтой. Если чело-

веку выпадают минуты счастья, то это были именно те самые минуты.

Стоит посреди живого кольца, чувствует себя точку не в своей тарелке: в городе-то больше на при- вязи жил, а тут вольный, на лугу, но на радостях не стал носиться галопом и взбрыкивать, а немножко растерялся. Видно, детей любил: когда в городе его выводили из загона, с ним все время были мальчишки, и солнце и зелень травы казались ему неотделимыми от детей. Очень даже может быть, что он как бы ждал нас и скучал в одиночестве, и хотя нас оказалось много больше трех, он не слишком утруждал свою голову подсчетами. Вокруг опять были дети, а сколько — не имело значения!..

Если тебе до смерти надоел тесный, как тюрьма, хлев с занавешенным оконцем и ты стоишь и мечтаешь о детях, траве и солнце и в один прекрасный день получаешь то и другое с избытком, тут впору опасаться, перенесешь ли ты такое счастье. Пожалуй, и впрямь нелегко перенести подобную щедрость судьбы, но в этом ослик наш оказался крепок в полном соответствии со своей породой и вел себя спокойно, во всяком случае с достоинством, не то что мы.

Уверен, не все из нас знали, что ишак время от времени кричит. А те, кто знал, никогда не видели, как он это делает, и не слышали его воплей.

И вот в ту самую минуту, когда мы, словно вокруг сказочной жар-птицы, пядь за пядью сужали наш круг и каждую секунду опасались, что вот сейчас наше видение взмахнет яркими крыльями и улетит, неожиданно, не выразив предварительно на физиономии ни малейшего неудовольствия, ослик резко задрал голову, прижал к голове уши, закрыл глаза, разинул рот, оскалил зубы, с хрипом втянул воздух и как затянул... как заладил!.. Нас он перепугал до смерти, до холодного ужаса, но оправившись от первого испуга, мы решили, что он задыхается и вот-вот лопнет у нас на глазах. И ведь заладил — не кончает. С перепугу мы даже не сумели убежать, нас точно по ногам связали, и все разом — и мальчишки, и девочки — повалились на траву. Не смея приподняться, мы отползали от него на

четвереньках, а некоторые просто распластались на месте и зажали ладонями уши.

Все пропало!.. Мы и представить себе не могли, что его можно спасти, попавшего в беду и так отчаянно, хрипло вопящего.

Но вот он смолк, так же неожиданно, как и завопил, и даже принялся опять пощипывать травку, будто не он только что переполошил весь белый свет и до смерти напугал нас.

Смотрим мы на него, потом друг на друга и разбирает нас смех. Ну, смеемся! Прямо катаемся по траве и встать не можем. А если б кто стоял на ногах, то повалился бы от смеха — это точно. Смеемся до колик, до слез. Верно, не видели мы ничего смешнее; держась за животы, катаемся по земле, аж всю траву вокруг смяли-вытоптали.

Но в конце концов отсмеялись и умолкли. А он-то хорош: стоит как ни в чем не бывало, как будто ничего удивительного не произошло, и теперь уже эта его невозмутимость смешит нас, и мы молотим друг друга по спинам, без сил валимся на землю и пригоршнями рвем траву.

В жизни не видел ничего прекраснее его, наивнее и смешнее. Смешной до обморока — вот какой был наш ослик.

В тот день были разорены все ближние к пастбищу нивы и огороды. Скотина носилась по лесам и чесалась загривками о стволы дубов. Остались несъеденными захваченные из дому на завтрак кукурузные лепешки с кусочками сыра. В тот день мы не заметили, как стемнело и наступила ночь. И в ту ночь сон отлетел от нас и долго, слишком долго не наступало утро.

На другой день... Я даже и не знал, что в нашем селе столько детишек! Надо было видеть, как вели себя мы — вчерашние «старые знакомые» ослика, как свысока, с гордостью поглядывали на «сегодняшних» новичков и незнаек. Но никого из них такое наше поведение не задевало, они ловили каждое наше слово...

Когда счастье подступает к твоей двери, если ты не знаешь ему цену и не распахнешь дверь пошире, оно ведь и мимо может пройти. Нет, мы не допустим ни малейшего промаха. Радость пришла неожиданно-негаданно, щедро, с открытым сердцем, но и мы встре-

тили ее с душой нараспашку. И даже со временем не стало так, как в любимой бабушкиной поговорке: «Привычному глазу и икона — доска». Мы всегда знали золотую цену той радости, знаем ее и сейчас.

Но видели бы вы, что творилось на лугу потом, когда мы стали садиться верхом на ишака. Думаете, он возмутился, взбрыкнул? Ничуть не бывало. Он даже не упирался, а мы-то думали — без пучка травы на палке он не сдвинется с места. Поначалу никто не смел стегнуть его прутиком или хлыстом, ему было достаточно и уговоров: «Веселей, моя лошадка! Но!» «Не достал тебе седла я...», «Мой рысак другим не пара...» — для успеха хватало и этих стишков.

Выяснилось, что он не создан для бурного галопа, но ведь и мы не были наездниками и вовсе не стремились гонять его до разлития желчи. Он возил нас на себе без седла и уздечки — ну разве мы могли пожаловаться на судьбу!

Время больше не шло, оно словно остановилось... Но с тех самых дней я понял, что человеческое сердце... Не скажу совсем уж резко — «жадное» или «ненасытное», но что-то сродни этим качествам свойственно ему.

Вижит бог, для одного ишака нас было слишком много. Он-то — наш благодетель, был терпелив, как Иов, не мы... Мы не смогли преодолеть свое детство и детское нетерпение.

За весь день каждому из нас удавалось два, от силы три раза осуществить мечту и проехаться верхом. Однако человек остается человеком: постепенно в нашей среде проявились такие свойства, как упрямство, властность, а то и несправедливость. Даже взрослые, кто похитрей и посильней, не очень-то считаются со слабым и простодушным, что же говорить о мальчишках, мечтающих прокатиться на ишаке, — разве они пощадят слабого? Не скажу, что порядок и очередь слишком уж по-разбойничьи нарушались, но... Кажется, это был Иорам: когда на ишака посадили маленького мальчишку, а ишак даже веса не почувствовал... Да, точно, это был Иорам — он примостился за мальчуганом сзади; вроде и очередь у слабого не

отнял, и ишака не стал занимать под слишком маленький «груз».

Все затаили дыхание: думали, что двое взгромоздившихся на это маленькое тонконогое создание, вырвут счастье из наших рук, обрушат свод небес... Но это все мы, наше воображение и фантазия, а ослик потопал себе как ни в чем не бывало, точно так же, как тогда, когда на нем сидел один мальчишка.

Вот сейчас у него подкосятся ноги и он рухнет. Сейчас подломятся тонкие щиколотки и прощай! Вот-вот с хрустом проломится хребтина и!..

Куда там — идет себе, и хоть бы что!.. Похлестывает хвостиком по ногам заднего из всадников. Обошел луг раз, потом другой и остановился. Спрыгнул Иорам — он в восторге: вот это открытие! Оказывается, на нем могут ездить двое мальчишек, а мы по полдня простаивали в очереди.

Сначала мы все-таки осторожничали и пару наездников подбирали помладше или помельче. А те, кто покрупнее, садились поодиночке. Дело пошло на лад. Никто не был в обиде.

Потом один большой мальчишка стал сажать с собой малыша. Постепенно мы привыкли к тому, что два всадника, даже и полномерные, не очень обременяли ишака, а погодя решили, что между двумя большими и тремя маленькими мальчишками не такая уж большая разница в весе.

Трое маленьких или двое больших: дело отладилось как часы. О лучшем не приходилось и мечтать. Девочкам — смуглой, худенькой Джульетте, светловолосой Пацунии и моей двоюродной сестре Назико — мы, разумеется, не предлагали сесть на ишака, но они видели такое прекрасное зрелище и, я думаю, этого им было вполне достаточно, они не могли пожаловаться на судьбу.

Единственное, к чему при всем своем терпении и покладистости не мог привыкнуть наш ослик, — это к четырем всадникам. Во-первых, потому, что спина его была коротка для такого груза, а во-вторых, силы его были не безграничны. Ослик вроде бы не слишком упирался, пока «производилась посадка», но стоило ему почувствовать, что груз не уместается на спине,

он направлялся к нашему оврагу, становился на скак оврага, наклонял голову, и сидящий на холке, цепляясь за короткую гриву, медленно соскальзывал в овраг: то есть ишак осторожно сваливал его туда.

Это сбрасывание в овраг только поначалу было неожиданным, когда же «сверженный» всадник как ни в чем не бывало вскочил, без раны и без ушиба, «падение» с ишачьей шеи в овраг стало нашим любимым развлечением. Оставалось место на ишачьей спине или не оставалось — неважно; четвертый все равно пристраивался сзади, прилипая, цепляясь за передних, и ишак шел к краю оврага, чтобы облегчить себе ношу.

Наш возчик наверняка пасся по ночам — днем у него не оставалось для этого времени. Но надо признаться, он заметно похудел, словно уменьшился, на боках и загривке выперли кости. Особенно неудобно было сидеть на худой спине переднему всаднику до того, как его скидывали в овраг, а второй, третий и в особенности четвертый всадник чувствовали себя нормально.

Мы росли, подаренное осликом счастье давало нам силы; а он оставался тем, кем был: терпеливым, спокойным, верным другом.

К слову сказать, оттого, что в наших краях не держат ишаков, там не знают, как их использовать в хозяйстве. Разве что разок-другой сгоняют на мельницу с кукурузой или за помолом, а так жил наш ослик себе на воле, на радость мальчишкам. И хозяин у него был не такой, чтобы с палкой гоняться за нами — почему, дескать, скотину мучаете, не даете покоя. Если мы замечали где-нибудь тяжело бредущего, усталого Энуки, то сами оставляли ишака в покое и прятались в навесах для сушки кирпича или в дупле старой груши, но Энуки и не думал гнать нас...

В третьем классе мы с братом перешли жить к тетушке в соседнюю деревню, и теперь только по воскресеньям, да еще в каникулы могли покататься верхом на ослике.

Когда наши сверстники подросли, пастушатами и счастливыми наездниками стали их младшие братья и сестры.

Потом началась война. Начались такие беды и страдания, от каких не мог излечить даже наш всемогущий ослик. Некоторые мои одноклассники перешли учиться в районный центр, другие освоили ремесло или стали хозяйничать на полях, в виноградниках, на мельнице, стали работать за старших. Неподъемный груз военного детства не мог уместиться на ишачьей спине.

Раскидало нас в разные стороны, и на счастье ослик так исчез из нашей жизни, что мы и не заметили. Наверное, нам и не очень хотелось уточнять, что с ним.

В том, как мне запомнилось его появление на лугу Бекнара, вы могли убедиться сами, а вот его исчезновение, уход не помню. Мне и сейчас кажется, что если я очень захочу и хорошенько поищу, то увижу его где-нибудь на лугу возле моей деревни с четырьмя всадниками на спине, переднего из которых он осторожно сбрасывает в овраг.

Порой в трудную минуту мне случалось пожаловаться в сердцах: «Что у меня за жизнь! Ни крошки радости не перепало!» Ну, вот я и убедился, что был глубоко не прав.

..Недавно мне довелось побывать в Кахети, в гостях у моего друга (возможно, и историю про ослика я решил рассказать после той поездки). У друга болел отец, и я заехал навестить его. Добрались поздно, хозяин, к счастью, встретил нас на ногах, ну и, сами знаете, как это бывает — грузинским обычаям мы не изменили и в ту ночь кутнули. С утра я был не в настроении. С вином получился перебор, да и в Кахети его научились делать по сомнительным рецептам, и погода, как нарочно, стояла гнусная...

Утром взрослым, слава богу, было не до меня. Ребенок — мальчишка лет шести вошел в мое положение и решил посочувствовать. Умеют дети выказать расположение, есть у них для этого всякие приемы; если ты уделишь ему внимание, то и он в долгу не останется. Тут уж, будь добр, не хмурься и не мотай головой.

Притащил мальчишка разные игрушки, в том числе саблю, разумеется, пластмассовую; и шлем — шлем был настоящий, какие надевают мотоциклисты, и это

особенно нравилось мальчику. Я, конечно, похвалил его игрушки и сумел сделать это не совсем сухо, шлем даже натянул на голову; во-первых, потому, что он налез на меня, а во-вторых, — теперь я был при деле.

После этого мальчишка выкатился ко мне верхом на деревянном коне: конь при езде скрипел колесами кизилового цвета; мальчишка едва доставал ногами до пола. На голове шлем (теперь он был на нем), на боку сабля. Чего еще? Пусть только кто-нибудь посмеет обидеть его гостя, и он молнией обрушится на обидчика... Но как я ни старался, физиономия моя оставалась довольно кислой.

В это время где-то на соседнем дворе закричал ишак. Мальчишка очень удивился, увидев, как у меня мигом исправилось настроение: я засмеялся, подошел к окну и стал смотреть.

Поначалу мальчишка решил, что это он развлек меня. Ишачьего крика он и не слышал, вернее, не обратил на него внимания, и удивленно спросил:

— Дядя, ты куда это смотришь?

— Вон, погляди!

Мальчишка подлетел к окну, шлемом чуть не вышиб стекло.

— А чего?

Передо мной стоял рыцарь, готовый сразиться с любой несправедливостью, в настоящем шлеме, с мечом и почти живым конем, а я, приехавший откуда-то скучный и хмурый дядька, перестал обращать на него внимание и уставился в окно. Что я обнаружил там такого уж необыкновенного?

— Вон, погляди!

— А чего там? — мальчишка настолько не представлял, что в его дворе может быть что-то интересное, что даже отвернулся от окна.

— Посмотри, какой он красивый, какой прекрасный, какой у него голос, какие уши!.. И хоть он очень чернявый, но все равно...

— Э-э, да это же осел!

— Не осел, а ослик, — поправил я.

Мальчишка обиделся. Он никак не мог поверить,

что ослик мог исправить мое настроение. А если я прикидываюсь и изображаю это для него, он уже большой для такого розыгрыша.

Не знаю, пожалеет ли кто-нибудь в этом мире меня, но того мальчишку я точно пожалел: тут, рядышком, за плетнем щипало траву живое четырехногое существо дороже и удивительнее многих чудес света, а он не знал ему цену и ни в грош не ставил.

Перевел с грузинского Александр ЭБАНОИДЗЕ

ЧЕРНОЕ ПАЛЬТО

Губисцкали — деревня маленькая. В те времена, когда я и мой брат учились в тамошней школе, в деревне и сотни дворов не набралось бы. Моя тетя, сестра отца, работала здесь издавна сельской учительницей, не одно поколение выпестовала. Женщина она одинокая. Старая дева. Учительство с детства было ее единственной мечтой и целью. «Хоть один только год дай мне побыть учительницей, а потом пусть и душа из меня вон», — так она, оказывается, молилась богу, когда училась в частной гимназии Каухчишвили, и когда удалось ей стать учительницей, навсегда осталась преданной своему делу. Была, видимо, в ее характере такая самозабвенная преданность. Когда умер мой отец, она двадцать два года не снимала траур, а нас, его сыновей, взяла к себе на воспитание.

Губисцкали расположена по соседству с моей родной деревней и входит в ту же сельскую общину. Мы обычно снимали комнату в какой-нибудь семье, но, по правде говоря, для нас во всех домах двери были открыты. Сельчане не отличали нас от своих детей, ничего не жалели, да и ребята относились к нам так, что если б материнской грудью кормились, то и того молока бы для нас не пожалели. До войны, пока не осиротели и не оголодали они вконец, гостя принять умели.

Когда мы впервые пришли в Губисцкали, отмахав пять километров пешком, дело уже было к вечеру. Мы завернули в пекарню, где Гриша Чихладзе и Бу-

ча Дангадзе, по прозвищу Носатый, только-только начинали разводить огонь, и для того чтобы испеклись первые хлебы, времени требовалось еще ой-ой сколько. Гриша вдруг заволновался: «Убей меня бог, что это я оплошал!» До сих пор не пойму, в чем он был виноват...

Пришли мы в дом к Матэ Начкепия, где тетя тогда снимала жилье. Хозяева пригласили нас к очагу, но мы чувствовали себя пока неловко, посторонними, и отказались. Зажгли в комнате лампу, прилегли на кровать и — усталые дети засыпают быстро. Было, наверное, около полуночи, когда мы услышали, как Буча, подойдя к воротам, позвал: «Уважаемая учительница Маро!»

Пекарь на огромной жаровне испек тонкий лаваш, надеясь, что дети, то есть мы, еще успеют поужинать. А надо сказать, что в губисцкальской пекарне лавашей не делали, тамошний хлеб напоминал скорее русский каравай... Но лаваш печется быстрее.

Комната наполнилась хлебным теплым запахом. Не знаю, запах ли этот нас умиротворил или такая забота, а только мы уснули с куском лаваша в руке.

В этой деревне застало нас начало войны. Грянула беда, и ни пекарни не стало, ни пекарей. Ни Буча-Носатого, ни Миши, сына Матэ, ни двоюродного Мишиного брата Гриши, ни Поликарпэ и ни Новэ. Нам еще что — нас у тети-учительницы всего двое, а вот у пекаря шестеро ребятишек осталось. Буча, бедняга, еще молодой был — ни жены, ни потомства. У нашего хозяина осталось четверо: три дочери и сын. У брата его двоюродного тоже четверо: три сына и дочь. И у Поликарпэ четверо. А у Новэ — пятеро, у Акаки Бендзе — семеро.

Кажется, 1942-й к исходу шел. Собаки хозяев узнавать перестали, матери — детей. У ребятишек головы от голода распухли, с большую кувалду, в глазах — один лишь голод.

Пока всякая зелень есть — еще куда ни шло, особенно если соль раздобудешь: крапива, лопухи, лебеда, другая разная трава... Фрукты в том году нам крепко

запомнились. Ранние груши нас, как помощь друга, радовали.

Из урожая колхоз оставлял себе только то, что необходимо для следующего сева и на корм скоту, все остальное — государству без остатка. Двигались на ку-таисскую базу «Заготзерно» арбы со спелой кукурузой. Правили неподкованными быками старики, и так им незмоготу было, что сбор урожая они как самое черное время ненавидели.

Деревенские дети стали походить друг на друга, как родные братья и сестры. Одежды у многих и до войны было не очень, спасибо, если пара штанов, а теперь среди этих одинаково оборванных-ободранных ребят матери своих отличить не могли.

В деревне была лавка — комната, пристроенная к пекарне, или, вернее, пекарня, к лавке пристроенная.

В лавке и до войны торговали всякой всячиной для повседневного обихода, а готовой одежды или рулонов материи там никогда не бывало. Такой товар продавался в моей родной деревне — Гвиштиби, в сельмаге. Помню, когда я болел корью, тетя купила мне там красную мандолину. Когда же началось светопре-ставление, война то есть, и в сельмаге все исчезло.

Вот уже второй год войны, и не то что одежды, а и лоскутка, чем пораненный палец обвязать, не найдешь. Не знаю, что и как произошло, но в этом гвиш-тибском сельмаге появилось вдруг новое-преновое, нетронутое, незапыленное черное пальто для мальчи-ка. Конечно, единственное.

На субботу-воскресенье мы ходили из Губисцка-ли домой к бабушке, а по пути тетя заходила к лавоч-нику, который приходился родственником моему отцу, — тете хотелось получить хоть какие-то сведения. В шершавой, как телячья кожа, словно картонной газе-те писалось только, что врага бьют и вражескую военную технику уничтожают. А когда поднимались в деревне плач и вопли, когда в каждом семействе уже был убитый, газета поможет?

— Какие новости, Бикенти, что слышно?

У Бикенти всегда тряслись руки, а после вопроса моей тети и голова начинала дрожать...

Раз в месяц вместо хлеба служащим выдавалась мука. Тете полагалось девять килограммов — по три на каждого. Муку мы получали в сельмаге.

Пока моя тетя разговаривает с Бикенти или с кем-нибудь из односельчан, я стою рядом, и вот — высоко подвешенное к пустым полкам, сшитое на мальчика примерно с меня ростом, красуется черное пальто! Как я мог тогда даже помечтать, чтобы такая вещь была моей? Таких желаний у меня и до войны не появлялось. Просто из любознательности смотрел: вот какие, оказывается, вещи есть на свете, и надевают их дети, похожие на сказочных принцев.

Ткань была ворсистая, мягкая, четыре большие пуговицы блестели черным блеском, словно бычьи глаза. Две нужны, чтобы пальто застегивать, — это понятно, но для чего нужны две другие, я не мог понять. Воротник был отложной, и поначалу меня удивляло и это: зачем такой воротник, и почему сложили вдвое и изрезали такую дорогую ткань? Мой брат на пальто не очень глазел. Он был младше меня и, пройдя пять километров по дождю или мокрому снегу, голову задирает трудом, а может знал пословицу: «Не в свои сани не садись».

Хочешь верь, хочешь нет, а висит это черное манящее пальто в лавке и радуется глаз и большим, и маленьким. Не продается оно, и ничего с ним не происходит. Ясное дело, на тогдашние деньги никто бы это пальто не продал, и вот висит оно сиротливо, словно черная жемчужина, — единственное.

Под Новый год снегу навалило по колено. В школе мы топим понемногу печь — есть запас нарубленных учениками в лесу дров, но ведь не зря в народе говорят: «Печка для двоих тепла». Время от времени учительница протягивает к печке руки, и разве что этим мы согреваемся. Сидим по комнатам этого старого, со щелистыми стенами деревянного дома, как прозябшие воробьи — нахохлились, съежились.

В Губисцкали, пока шла война, никто из детей, кроме нас с братом, никуда не ходил, не то что зимой, когда снегу бывает и по колено, а и летом. Потому в нашем

классе только я знал, что существует на свете чудо —
детское пальто.

Черное, ворсистое, с большими пуговицами. Воротник у пальто отложной, и непременно для того отложной, чтоб можно было в ненастье его поднять и спрятать в него уши, и нос, и щеки. На спине пальто короткий пояс, а прикреплен он тоже пуговицами. Никто не знает, для чего этот пояс, да еще такой короткий — в одну пядь...

Школа — четыре комнаты и балкон, один конец которого отгорожен под учительскую, второй — под директорский кабинет. Ни коридора, ни другого балкона нет. В непогоду приходилось сидеть в классе. О том, что в классной комнате можно прыгать и скакать по партам, мы и представления не имели. Давил и давил нас холод.

На перемене подходил я к какому-нибудь совершенно посиневшему мальчугану и таинственным голосом начинал:

— Ну, примерно так, на его рост...

— Пальто, да?.. — спрашивал кто-нибудь с завистью, потому что это невидимое и невиданное чудо я примерял не к нему, а к Отару Гурешидзе.

— Ну, может и тебе подойдет... — не мог я разбить сердце Шота Бенидзе. — А Жоре Кухалашвили совсем впору придется (Жора ведь и до войны был слабым ребенком).

— Оно как раз на меня, — вмешался Митуш Начкепиа, он не мог скрыть радости по этому поводу, и глаза у него сияли.

— Да, подойдет... Но вот для Буду Чихладзе узко... (Буду старше нас на полтора года, Але Бзикадзе — на год, они и так холод вынесут).

Девочки жмутся к печке, поглядывают на нас и перешептываются... Деля между собой нашу удачу, мы их в долю не берем, зато великодушно уступили им печку. Правда, после того как девочки погреют на перемене руки, на уроке им приходится тяжелее, чем нам. А у нас — черное пальто. Мы его носим, кому-то оно узко, кому-то впору. Поблескивают во множестве большие пуговицы, а мы то и дело поправляем на спине короткий пояс-хвост.

Наверняка совет сельской общины и райкооперация не могли решить этот сложный вопрос, а то бы черное пальто в лавке не демонстрировалось так долго. Но кто-то в конце концов задумался. Наша сельская община для нас была одной-единственной, а в районе таких общин было, вероятно, много, и в других лавках тоже красовались редкостные черные жемчужины. Поскольку пальто было детским, его передали отделу просвещения, чтобы там его распределили.

Заведующий отделом просвещения был из кутаисских евреев, я часто слышал, как моя тетя хвалила его. Получил этот человек принадлежащее нашей общине пальто и «распределил». Исходил он из соображений, что все ребята нуждались в одежде, и все были детьми красноармейцев, и выделить здесь кого-нибудь невозможно. Моя тетя была единственной женщиной, растившей двух не своих детей, и заведующий выписал талон на ее имя. Каким порядком распределялись пальто в других общинах, я не знаю и ничего об этом сказать не могу, потому что все это одни лишь мои предположения.

И вообразите, что обладателем этого чуда стал я. Свою единственную голубую блузу с железными пуговицами, которую перед войной сшил мне дядя Яша, я передал в наследство младшему брату и облачился в новехонькое черное пальто, надев его поверх ситцевой рубашки.

Одним словом, словно мой отец воскрес, и мама со мной рядом, и тетя... Если на одну сторону весов меня поместить, а на другую—счастье всего мира, что и говорить — я перетяну.

Как мне сейчас протерпеть, пройти пятикилометровую дорогу?.. Наверное, и Магеллану, когда он плыл вокруг земли, путь не казался таким трудным и долгим, как мне дорога до Губисцкали. А как дожидаться конца этой январской ночи? Наши двери, которые никогда не запирались, мы закрыли в ту ночь на засов, но глаза у меня не смыкались, и всюду мерещились воры и разбойники, то окликнут меня, то в дверь ломаются, то в окне стекло выдавливают, то лезут через дымоход, и на что похожи их измазанные сажей лица!

Наконец добрался я до школы. Но быть обладателем такого мирового богатства — врагу вашему! Разом вся школа отвернулась от меня, а в особенности в моей класс. Я в этом мягчайшем, с пуговицами, с поясом, похожем на черную жемчужину пальто стою, как царевич, а на меня никто и смотреть не хочет. Только вчера мы были друг для друга друзьями бесценными, только вчера друг в друге души не чаяли, а сегодня никто и не глянет в ту сторону, где я шествую. А как мне не шествовать? Такое облачение горбатого выпрямит, а у согнутого временем столетнего старца плечи развернет! Да еще в этом, по колено, снегу, в оборванной ободранной деревне.

На своей парте я тоже оказался в одиночестве. Васо Кикнадзе, с которым я сидел уже второй год, перебрался к Володе Азарашвили. Учителя Поликарпэ Чавчанидзе, Александрэ Адзгерадзе, Константинэ Мосешвили, Татьяна Каджая и Кето Ратиани, когда перед началом урока осматривали класс и замечали меня, грустнели, глядя на других ребят, а потом словно стеснялись взглянуть на меня... хотя никто ничего не говорил.

Если б поставили меня перед учительским столом голым, в чем мать родила, и тогда не было бы мне так неловко, так стыдно. Как белая ворона, сижу я среди замерзших, посиневших воробьев, и мое теплое пальто виновато в том, что в классе стало еще холоднее, даже девочкам. Словно до этого дня были у них теплые, самые теплые одежды, а я сегодня оголил их всех, сорвал с них все, ограбил, содрал с кожей, и все, что имели они, присвоил. И не прятался нигде, не скрывался, наоборот, все награбленное напялил на себя и рядом с ними, на их глазах, чтобы мучить их, чтобы терзать — шествую.

Вы не представляете, как я ненавидел себя и горел стыдом. Не то что пальто, а даже истертой шинели нашего преподавателя военного дела Валико Несошвили и той я видеть не мог. Ненавидел свою ситцевую рубашку, блузу, что отдал брату, рваные башмаки и старые, в двух местах связанные узелками шнурки.

А тетя в радости воздевает руки к небу: хоть одного одела. Как тут отказаться носить это пальто? И сижу я, как безбожный грабитель перед безжалостно

ограбленными, которым и прикрыться ничего не оставил, и все, что я отнял у них, — на мне.

Уберег меня бог от того, чтоб ответить на ненависть одноклассников ненавистью. Счастье мое, что отвращение к злобе победило во мне и удалось мне сохранить друзей.

Но чувства ненависти к особенно новой и бьющей в глаза одежде я преодолеть так и не смог. И по сей день не выношу ничего кричащего, выспренного. Не выношу помешанных на тряпье, в самих себе души не чающих типов. Точнее, я их просто не вижу. Больше того: если пройдет мимо женщина в ярком красном платье, а потом спросят меня: «Так, мол, и так, не встречал ли женщину, на флаг похожую?» Если заметил ее глаза, то цвет глаз запомню, но такого ослепительного расчудесного платья не вижу вовсе, не говоря уж о других «достоинствах».

АГАТИ

— Слушай, внучек, зайди-ка ты после уроков в мой дом и узнай,

что от того парня слышно, — просит меня бабушка (под ее домом имеется в виду дом, в котором она родилась).

Светает. Я собираюсь в школу.

«Тот парень» — Иларион, старший брат бабушки. Тогда ему немного оставалось до ста лет, а прожил он сто два года. Там же по соседству живет и бабушкин младший брат Лавренти, и вдова среднего брата — Агати.

Бабушка, говоря о родном доме, упоминает имя только старшего брата, а все остальные подразумеваются. Ее мучат мысли о судьбе пропавших на войне племянников; действительно ли убит Чичико или тут что-то не так, и вправду ли совсем без вести, бесследно пропал Вахтанг?

Иларион, как только заметит меня, еще не успеваю я подойти, спрашивает: «Ну как поживает та девица?»

(«Та дѣвица», конечно, моя бабушка). О Вечелиэ (брат моего отца, который воевал) узнали что-нибудь? Я молчу.

От Илариона иду во двор Лавренти. И там всех навещу. Повторяется то же: не слышно ли чего о моем дяде... И я направляюсь к Агати.

Агати живет на краю деревни, на отшибе: за ее домом уже ни дороги нет, ни тропинки. Бывает, что и по целым дням ни одна душа мимо ворот не пройдет.

У Агати единственный сын — Вахтанг. Он, как и Чичико, проходил обязательную воинскую службу, и в ТОТ год должен был вернуться домой; загибая дрожащие пальцы, считала Агати дни и ночи, оставшиеся до его возвращения, но грянули пушки, и пропали во мраке войны: мать — здесь, сын — там.

Вдова так хотела, чтобы сын поскорей возмужал, что старалась, пока он был маленьким, кормить его посытней и побольше: может, быстрее вырастет, силы наберет. Вахтанг был послушным и не отказывался, зато потом его мучили запоры. Мать заставляла его бегать и прыгать, чтобы ночью у сына не болел живот.

Вырос, но не высокий и не румяный. Смуглый, с простодушным взглядом, сухощавый паренек, приветливый, улыбчивый.

Мать, когда сына не было в течение хотя бы семи часов, казалось, могла помешаться от тоски, а уже ведь седьмой год шел, как не видела своего единственного, не найти его на войне: пропал, без вести пропал — по-ди поищи.

Бабушка искала — посылала меня к Агати. Агати, как увидит меня, словно надежду почувствует: может, чудо случилось и узнали они что-нибудь... А мне, «виноватому», ни ей сказать нечего, ни, вернувшись, бабушке.

В углу двора стоял амбар на сваях, а посередине — старая-престарая хибара, она служила и кухней, и спальней, и приемной, и гостиной. Здесь висела фотография Вахтанга, но в темной, без окон хижине, если закрывалась дверь, то и пальца собственного нельзя было разглядеть. К задней стороне прилепилась постройка для скота, но даже единственную корову туда трудно было загнать.

Потому и беспокоилась Агати, чтоб скорее вырос

сын, тогда, может, удалось бы хоть однокомнатный, но настоящий дом поставить... Уже седьмой год как не сводит она с ворот полуслепых глаз, но не то что сын, даже почтальон не появляется.

Скудная земля, тощая почва на ее участке. Здесь ветки деревьев от плодов не ломаются. И все-таки сундуки бабушки Агати полны сушеными инжиром, айвой, финиками, яблоками, сливами и бог знает чем еще — вдруг зимой или в начале весны вернется Вахтанг, ведь свежие фрукты так долго не сохранишь. Фрукты сушила не она одна, но не для себя сушила, не для продажи, когда все, что под руку попало или ветром сорвано, на нитку нанизывают. Для гостей готовила, для сына, от себя отрывала и поэтому лакомства ее имели ни с чем не сравнимый вкус и сладость. Из года в год готовила она из фруктов тонкие лепешки: из груш, граната, орешков (и чего-чего там только не было) и складывала их в сундук. Так что, если бы открылись эти сундуки, подобно любви и ласке Агати, никогда не иссякли бы лакомства.

Нас она ласкала, молилась за нас: — На меня бы ваши напасти, чтоб все зло и невзгоды вместо вас — на меня, вся ваша боль и тревога на меня, только бы вы счастливы были, мне и этого хватит, для себя у бога ничего не попрошу, ничего мне не надо!

Эта невзрачная, высохшая женщина все твои горести, беды, страдания, несчастья снимала с тебя у порога своей хижины и все брала на себя (как будто собственного горя у нее было мало).

Несчастья были и у других невесток бабушки, и такие, что не до чужих было, может потому и не тянулся я тогда к ним. А вот Агати не только приветы передавал, чтобы долг исполнить, но именно у нее и оставался.

Плохо дело. Не знаю, каким чудом выносила мать тоску и муку разлуки с сыном, но старая, замшелая, крытая осокой хибара не выдержала. Она стояла на горе, и дожди, заодно с ветром, все время подмывали ее стену. В конце концов и дуб гниет: отломился конец бревна там, где бревна основания соединялись накрест, и оно упало. Без него не устояла и вертикаль-

ная опора — и тонкая дощатая стена, в которой и шипов-то не было, обзалилась. Разодран у дома бок, врывается ветер, не дает толком развести огонь, и без того больные глаза Агати слезятся от едкого дыма.

Противная погода. Моросит, сеется, каплет...

Обвалилась стена, но Агати из-за этого не то что ребенка, даже деверей своих не беспокоит. Обвалились хоть вся хибара на нее, и тогда не стала бы никого тревожить, чтоб из развалин помогли выбраться. Вот уже седьмой год не знает она, где спит Вахтанг, ей ли думать о том, чтобы на нее ночью ветром не дуло?

Сколько протянет дом без опорного бревна? Налетит ветер посильней и сметет, как воробьев, Агати вместе с дочерью.

А я на что гожусь? Да и какой у меня инструмент или материал? Валяется на крыльце старый топор с треснувшей рукояткой, да и тот в заточке нуждается. Ну, хорошо: поточить я его поточу, топорище, если не смению, то перевяжу покрепче веревкой. Будь благословен Архимед со всем своим семейством! Именно он научил меня закону рычага и дал возможность преодолеть свое слабосилие и беспомощность. С помощью рычага — ветви акации — я поддеваю отскочившее бревно, и может быть, мне удастся поставить его на место. Но если не закрепить его как следует там, бревно не удержится, несчастья и молитвы Агати его на прежнее место не приколотят. Но где взять такой гвоздь, который пройдет сквозь это бревно, а потом пришьет его к другому? Свалившуюся опору стены я обещу и поставлю на место, у нее есть хороший запас по длине, и укорачивать не страшно, в конце концов я и доски прилажу, но если бревно как следует не закрепить, то и другие опоры с места сойдут.

Чтоб попасть в ад тому, кто забрал Вахтанга в армию и загубил его на войне! В тот тяжкий день долго мучились мы с Агати под холодным дождем, в слякоти...

Длинным колом толкал я понемногу бревно на место. В конце концов, как сумел, подвел его в гнездо (с помощью Архимеда). Агати переживает, она готова взять на себя все наши несчастья и не может сейчас смотреть спокойно, как я тружусь, стараясь восстановить ее жилище.

Вроде поставил я опорное бревно на место. Правда, оно установилось не так прочно, как прежде, но сейчас не до щелей и зазоров. Забью как-нибудь травой или ветошью. А кто мне скажет, как его закрепить? Может, колышком? Но колышек разве выдержит? Если б дали мне толстую длинную проволоку, я бы обмотал ее вокруг бревна и прикрепил бы его где следует, и не стал бы искать железных скоб. Но кто ж тебе принесет проволоку или канат?

У плетня возле огорода валяются дрова, палки, может, мне удастся найти что-нибудь обнадеживающее...

Вот у пруда лежит раздвоенная ветка (пруд — это яма, в которой скапливается дождевая вода); февральский жестокий ветер обломал ее, когда уносил, срывал все вокруг. Ветка сырая, но это еще лучше — гвоздь легче пройдет.

Я обрубил раздвоенную часть так, что у меня получился хороший крепкий «крюк», потом обрезал ветку на длину, примерно равную двум топорищам, и обтесал с двух сторон. Захватил я этим крюком бревно и притянул к другому... выровнял на камне обухом старый кривой гвоздь, расплющил немного острие, наслюнил и потихоньку, осторожно скрепил этим гвоздем два бревна.

Теперь надо подправить опору стены, а потом приладить и доски. Одно бревно, пусть и закрепленное, бабушку Агати от непогоды не спасет, если стена так и останется разрушенной. И надо все это укрепить так, чтобы хоть как-нибудь продержалось до возвращения Вахтанга.

Сумерки уже недалеки. Погода такая мокрая и мрачная, что не только ветки деревьев — камни, казалось, пропитаны сыростью. Продымленная, прокопченная, проволглая тяжелая доска выскальзывает, падает в грязь, и опять ты вытаскиваешь ее, мучаешься, волочишь, и ровно столько, сколько ты тщишься, возишься, столько и не успеваешь за временем.

Я и не заметил, как стемнело. В очаге-то мы разожгли хороший огонь, но снаружи он нам светить не может. Хоть бы коптилка была керосиновая. Есть коп-

тилка, но где он, керосин. Где?.. А вот у бабушки Агати припрятан целый чайный стакан. Вдруг Вахтанг ночью домой вернется, как же она его увидит тогда большими глазами.

Разделили пополам: половину используем на восстановление стены, половину спрячем на случай возвращения Вахтанга.

Было уже поздно, надвинулась черная дождливая ночь, я так извозился в грязи, слякоти, так измазался прокопченными досками, что мы с Агати не могли ни почистить, ни отряхнуть мои штаны и блузу до тех пор, пока они не высохли перед очагом прямо на моем теле.

Мы, конечно, беспокоились, что моя бабушка в тревоге — ведь я не возвращаюсь. Мы волновались из-за бабушки. Одна тревога другую не уменьшит, но даст совести облегчение.

На ужин бабушка Агати испекла хачапури. Я при свете коптилки видел это, а то бы никогда не поверил, — оказывается, у Агати была припрятана и мука: «Вернется Вахтанг, он хачапури любит».

В ту ночь я спал в постели Вахтанга. Всего два дня прошло, как она была проветрена, просушена: «А ну как он в непогоду вернется, каково же ему будет на сыром спать».

Наутро мне уже не было смысла возвращаться в свою деревню к бабушке, и я прямо в школу пошел. Что и говорить, не заглядывал я перед тем ни в учебники, ни в тетради.

Война продлилась еще больше года. Ждала Агати своего сына каждый день, каждую, как год длинную, ночь, каждую минуту, мгновение, в хорошую погоду, в ненастье, в ветер, в дождь, в холод и в зной...

Кончилась война, но и предположить она не могла, что не откроет Вахтанг калитку в тот же день. Не спала она в ночь на десятое мая. И приготовлены были у нее те полстакана керосина и довоенная мука для хачапури. Проветривала утром его постель. Блузу и галифе сына повесила в тень, чтоб не выгорели под майским солнцем. Агати воевала с того дня, как сын ее ушел в армию, но в тот день, когда окончилась война, началась для нее жесточайшая схватка. И кро-

ме тех семи, эта немощная, полуслепая женщина сражалась еще тридцать шесть лет. Покрылись бельмами ее глаза, все время устремленные на калитку... В возрасте семьдесят лет приехала она в Тбилиси и легла на операцию — сняли с ее глаз пелену, которая мешала увидеть возвращающегося сына. До девяноста лет она дожила. Ни один легендарный воин не воевал в такой бесконечно долгой войне.

И все-таки она потерпела поражение.

Умерла Агати три года назад.

Перевел с грузинского Олег КАЗАКОВ

БАБУШКА СКОНЧАЛАСЬ

День скорби долог, как никакой другой. Тащится медленно, тяжело, трудно. Рассветет — так ночи не дождешься, стемнеет — жди рассвета. Но в эти дни рядом со смертью ты жив. В счастье и радости человек не успевает оглянуться, как жизнь утекает из рук.

Бабушка часто говаривала: устала жить, сынок, надоело. Перед сном на коленях молила бога: «Верни мне Вечелиз с войны, дай здоровье моим детям и внукам и прими мою душу».

Долго жила бабушка.

Ее выдали замуж тринадцати лет. Она родила восьмерых детей, к концу ее жизни из них остались только две дочери. Оплакавшая мужа и шестерых детей, она не снимала траура. Этой сумрачной, суровой старухе перевалило за сто лет, но кто сосчитает, сколько веков она прожила.

Затемно она уже бывала на кухоньке, притворив дверь садилась на чурку посреди земляного пола. Зимой и летом разжигала огонь в очаге, чтобы в отверстия дымохода и между черепицами кровли просочился дым. Она давала знать миру и небу, что очаг ее не угас. Потом, если погода была теплая, садилась на зад-

нем балконе дома, укрытом от восточного ветра, и грела свои старые кости, вбирая тепло на всю зиму.

В последнюю зиму этого тепла не хватило ей до весны.

Она лежала в третьей, самой маленькой комнате дома, пристроенной позже и укрывавшей задний, обращенный к солнцу балкон от ветра.

Светало, когда ко мне прибежал двоюродный брат, тоже, как и я, выращенный бабушкой сирота. Я вскочил и, как был, босиком бросился к ней. Она еще дышала.

Стояла середина зимы. В комнатах были камины, но дров для топки, сколько помню, у нас не водилось. Там, где сейчас лежала бабушка, огня давно не разжигали.

Она никогда не болела, во всяком случае мы не знали о ее хворях. Девятого марта по старому стилю ставила себе пиявки. Единственный врач, которого она видела в жизни, была ее невестка, жена племянника.

И в те дни нельзя сказать, чтобы ей стало хуже. Зима стояла холодная. В ней просто иссяк запас тепла, она остыла и постель ее как-то повлажнела.

Я поднял ее, пока меняли постель. Бабушка истаяла у меня на руках.

Она дважды взглянула на меня: в первый раз, когда я только прибежал, и потом, когда как ребенка держал ее на руках. Губы, ввалившиеся в беззубый рот, посинели. Она не пыталась ничего сказать. Все, что надо было сказать нам, было сказано. С жизнью простилась без сожаления. Даже не взглянула на подступившее к окну утро. Не вздохнула, не застонала.

Не стала дожидаться смерти, опередила ее. Сердце ее продолжало биться после кончины. Прислушиваясь к пульсу, я думал, может еще очнется: ее волю и жизнестойкость даже смерти нелегко было одолеть.

Она ничего никому не завещала. Все, чем обладала, раздала нам при жизни. При ней оставался только несломленный дух, отсвет которого ощущал в себе каждый из нас. Бабушка поделила его между нами.

Бабушка крепилась, как старое, источенное временем, дуплистое, но живучее дерево с сильными корнями: бури и грозы били его, обламывали то одну ветвь, то другую, но оно сделало свое: на месте об-

ломанных ветвей взрастило нас — внуков и правнуков. Сто лет простояло оно, сто лет не склоняло головы. Сто лет укрывало собою очаг. Сто лет сражалось против всех бед. Хмурое, замкнутое лицо, точно кору старого дуба, изрезали морщины. Но вот оно выработалось, выдохлось, пошатнулось и решилось на отдых. Не пожелало стоять без плода, без пользы, как обесилевшее плодоносное дерево. Точно срубленное, рухнуло без ропота, без слез и во всю ширь своей кроны, куда доставала его тень, серебряными щепами раскидало свою мудрость и жизнестойкость.

С тех пор, когда нам трудно, холодно, в снег, в стужу тягостных дней, мы разжигаем огонь из тех щеп и отогреваем продрогшие руки.

Ни при жизни, ни перед концом она не боялась смерти. Смерть преследовала ее с давних лет, отняла почти всех, но на нее не посмела поднять руки. И перед самым концом не посмела. Смерть была где-то рядом, где-то поблизости, но пока бабушка не ушла, я не видел ее. Боялась не бабушка, боялась смерть: сто пять лет изводит меня, как бы опять не провела. Пока бабушка была, она не впустила к себе смерть. Смерть ворвалась потом, когда бабушки не стало.

После столетней борьбы в тот день бабушка не разожгла огонь в очаге и не наполнила дымом щели в кровле, не предъявила небу свидетельство негасимости ее очага. В то утро, не повстречавшись со смертью, она ушла, ушла сама...

В то утро она вознесла к небу не дым очага, а собственную душу вознесла сама.

Потому мне кажется... Нет, не кажется, я уверен, что бабушка не умерла, она преставилась.

Перевел с грузинского Александр ЭБАНОИДЗЕ

Евсея Чикваная направили в Одессу с Царивцынского фронта. Из Киева он захватил письмо от отца Картвелишвили. Иосиф думал, что сын там, и направил туда свое письмо. Чикваная ненадолго задержался в Харькове, куда должны были подъехать другие члены группы, направляемой в Одессу. Здесь же собралась и вторая группа под руководством Анатолия Железнякова. С этим легендарным героем гражданской войны была и его супруга Елена Винда. Вместе с другими членами группы (матросом Александром Богаенко и Григорием Борзенковым) она направлялась на нелегальную работу в Одессу.

Лаврентий терял терпение. Прибытие в Одессу товарищей, направленных Центральным Комитетом партии, затягивалось. Он откуда-то узнал, что они находятся в Харькове и что их выезд сюда по каким-то причинам задерживается. Он дал знать о создавшемся положении находившемуся в Киеве Мар-

Акакий ИРЕМАДЗЕ

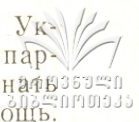
ОКНО В ПРОШЛОЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

Перевел Дэви СТУРУА

Окончание. Начало в № 1.

тыну Лоладзе (тот отчитывался там в ЦК КП(б) Украины о работе Одесского областного комитета партии) и попросил его по пути заехать в Харьков, узнать о причине задержки товарищей и оказать им помощь.

В Харькове Мартын Лоладзе не застал никого. Объединившись, обе группы под командованием Евсея Чикваная прибыли в Николаев, куда вскоре ворвались банды атамана Григорьева. Надо было немедленно покинуть город. Железняков нанял небольшое парусное судно, которым обычно транспортировали из Николаева в Одессу овощи и фрукты. Быстро составили корабельную команду, куда вошли Железняков, Богаенко и Борзенков. Остальные изображали из себя пассажиров, которых за большую плату якобы команда согласилась перевезти в Одессу. Судно с большими препятствиями продвигалось к городу. В Очакове корабль попал в руки деникинцев. Жизнь членов группы висела на волоске. Дело в том, что Железняков и Чикваная везли большие суммы денег, предназначенные Одесскому областному комитету партии. При обыске эти деньги были обнаружены. Нашли и политическую литературу. Начальник деникинской контрразведки установил, что паспорта задержанных заполнены одной и той же рукой (их заполнял Евсей). К счастью, деникинец оказался корыстолюбцем и дал втянуть себя в торговлю. Начальник контрразведки потребовал большую взятку за освобождение. Сошлись на том, что будет составлен новый акт обыска, в котором будет указана сумма не в 500 000 рублей, как в первоначальном акте, а в 250 000. Остальное прикарманили начальник контрразведки и сопровождавшие его два офицера. Взамен начальник контрразведки обязался представить начальнику штаба очаковской части рапорт, в котором Чикваная, Железняков и другие большевики будут фигурировать как беженцы из Советской России.

Начальник штаба белогвардейской части оказался грузином. Согласно рапорту начальника контрразведки, он дал разрешение «беженцам» продолжить свой путь в Одессу.

Случилось так, что туда же, по своим служебным делам, на этом же корабле направлялись те, кто задержал большевиков, а затем получил взятку за их

освобождение. Железняков и Чикваная смотрели далеко вперед. Они не исключали возможности использовать этих офицеров как в пути, так и в самой Одессе. Поэтому постарались сблизиться с деникинскими контрразведчиками — пили с ними, играли в карты (чем черт не шутит, может, таким образом удалось бы вернуть часть отданных денег?!).

В «сердечных» беседах Чикваная и Железняков уточняли интересующие их вопросы, нащупывали возможность связи с податливыми, падкими на деньги офицерами. Начальник контрразведки, со своей стороны, старался сблизиться с Евсеем, чтобы в случае нужды воспользоваться легендой о том, что он богатый воронежский купец, и вытягивать из него деньги. К тому же офицер не сводил глаз с члена группы Сесилии Шустер, которую Чикваная представил как свою супругу.

Начальник контрразведки совсем растаял, когда «воронежский купец» в честь их встречи накрыл сказочный стол с шампанским. Осушая один бокал за другим, офицер терял бдительность и наговорил много такое, что для подпольщиков явилось ценной информацией.

— А вот и мои координаты, — протянул вконец опьяневший начальник контрразведки свою визитную карточку Евсею Чикваная, подмигнув его «супруге», — если вам что-нибудь понадобится, дайте знать — мои люди здесь окажут вам всяческую помощь.

— Тронут до глубины души вашим вниманием, господин офицер, век не забуду услугу, оказанную мне.

Затем Евсей извинился и покинул на время пиршество, чтобы разговорчивый офицер остался наедине с его очаровательной «супругой».

Когда он вернулся, его «жена» отчаянно «флиртowała» с начальником контрразведки.

— В одесской гостинице «Неаполь» у меня всегда заказаны два люкса. С удовольствием уступлю вам один, — заливался соловьем деникинский офицер, рассчитывая за дни пребывания в Одессе позабавиться с милой «купчихой». — Надеюсь, в моем присутствии вам не придется скучать, дорогая.

— О, большое спасибо, господин офицер, это для

меня большая честь. Обязательно воспользуюсь вашим любезным предложением.

Ход этого спектакля весьма устраивал Чикваная. Поселиться в гостинице, набитой белогвардейцами, под покровительством офицера деникинской контрразведки — большая удача.

Но неожиданно возникла непредвиденная опасность. На судно поднялась специальная военная комиссия, которая только после строжайшей и тщательной проверки давала разрешение на въезд в Одессу. Чикваная и члены его группы встревожились не на шутку. Не был исключен провал. Начальник контрразведки, все время вертевшийся вокруг Евсея и его «жены», заметив тревогу на их лицах, сказал:

— Можете не волноваться. Соберите паспорта, и я все улажу.

Деникинский офицер предъявил начальнику военной комиссии подложные паспорта подпольщиков, получил соответствующие визы и, довольно улыбаясь, вернул документы Чикваная, заслужив воздушный поцелуй «супруги» «воронежского купца».

Но на этом дело не кончилось. Находившиеся на судне офицеры одесской контрразведки заинтересовались личностью Евсея и взаимоотношениями его «супруги» с офицером деникинской контрразведки. Они решили на всякий случай по прибытии в Одессу задержать Чикваная и его группу. Но он узнал об этом и предупредил товарищей.

Воскресный день. Пронизывающий февральский ветер гнал свинцовые волны на обледенелый берег. Чайки с криком носились над самой поверхностью воды, нацеливаясь на зазевавшихся рыбешек.

В два часа пополудни судно протяжным гудком возвестило о своем приближении к пристани одесского порта. Несмотря на ветер и мороз, встречающих здесь немало.

Через полчаса, когда ветер стих и судно беспретственно достигло пристани, матросы спустили трап.

Лаврентий Картвелишвили, Елена Соколовская и Григорий Котовский, находившиеся среди встречающихся, увидели, как к выходу подошли Сесилия Шустер, Елена Винда, за ними Евсей Чикваная и Михаил Черный, а еще позади — два белогвардейских офицера

Лаврентий понял, что над друзьями нависла реальная опасность.

У самой лестницы два французских офицера начали проверять документы.

— Мы счастливы, что наконец очутились в городе, где власть находится в руках цивилизованных людей и где можно говорить на французском языке, — на отличном французском языке сказала Елена Винда офицеру, передав ему свои документы. Так же восторженно обратилась к французу и Сесилия Шустер, сразив иностранца своим безукоризненным произношением.

Французские офицеры просияли, отдали честь очаровательным дамам, так хорошо говорившим на их родном языке, и пропустили их вместе с «мужьями». Документы белогвардейских офицеров они проверяли с большей тщательностью. Те торопились, не желая терять из виду Чикваная и его группу. Французам это нетерпение показалось подозрительным, и они с еще большим усердием принялись изучать их документы. Это вызвало возмущение денкинцев. Когда все выяснилось, было уже поздно. Чикваная и его «супруга» на автомобиле начальника контрразведки мчались к гостинице «Неаполь», а Михаил Черный и Елена Винда вместе с Картвелишвили на фэртоне — к конспиративной квартире.

Евсей по-братски обнял Лаврентия и, прежде чем тот успел что-либо сказать, вручил ему письмо отца. Лаврентий с нескрываемым волнением поспешно распечатал конверт. В последние дни ему часто снилась мать, и он очень тревожился за нее. «Неужели сердце твое так окаменело, сынок, что ты и не спрашиваешь, как живет твоя мать...» — прочел он в самом начале письма.

Лаврентий живо представил мать, и боль пронзила его сердце. Он утер невольную слезу и украдкой глянул на Евсея, не заметил ли тот.

...Нет, конечно, сердце у Лаврентия не окаменело, он всегда помнит о своих родителях, о родном крае. Но как им объяснить, какой огонь полыхает теперь в его груди, почему он продолжает находиться вдали от Самтредиа, от Грузии? Давно уж не имеет он отсюда никаких сведений. Меншевики преградили путь гражданской почте, выставили кордоны. Удивительно, как письмо отца достигло Киева. Лаврентий оглядел конверт — на нем не было никаких почтовых знаков. Видимо, послано письмо с нарочным. Но с кем?

— Евсей, дорогой, кто передал тебе письмо?

— Какой-то студент из Самтредиа. Я сам его не видел. Письмо нашел у тебя дома и захватил с собой.

В это время пришел Мартын Лоладзе. Лаврентий познакомил его с Евсеем.

Завязалась сердечная беседа.

Картвелишвили подробно расспросил Чикваная о новостях Царицына, Москвы, Харькова, особенно интересовался обстановкой на фронтах. Узнав, что он встречался в Царицыне со Сталиным и Орджоникидзе, попросил подробнее рассказать об этих встречах.

— А какой герой пал под Царицыным, какой умный, бесстрашный полководец! — посетовал Чикваная.

— Василий Киквидзе?

— Да. Его гибель буквально потрясла нас всех. Много я видел героев, но Василий был особенный.

— Встречался с ним на фронте?

— Много раз. Это был слиток мужества, бесстрашия, фантастической храбрости, благородства и душевности.

Друзья помолчали.

— Каково мнение Сталина относительно исхода нашей борьбы? Ведь мы сжаты со всех сторон врагами, превосходящими нас во много раз по всем статьям...

— Он не скрывает, что республика находится в тягчайшем, критическом положении.

— Этого и не скроешь, это мы знаем. Видит ли он путь к спасению?

— Вера в окончательную победу у него несокрушимая. Говорит, что победим не только мы, но и вся Европа, что пожар революции теперь никому не погасить.

Это хорошо понимали и главари Антанты и принимали соответствующие профилактические меры. Главнокомандующий войсками Антанты на восточном фронте генерал д'Эспере в ноябре 1918 года подписал следующий приказ: «Следует считаться с тем, что... когда наша армия, развивая свои операции на русской территории, войдет в соприкосновение с большевистским населением, революционная пропаганда может широко распространиться среди войск. Настойчиво предлагаю всем командирам частей бороться с такой пропагандой... Внимательно следить за духом людей: малейшее нарушение дисциплины должно караться беспощадно».

— Кое-где пожар уже разгорается. Запахло порохом и в Одессе, — с гордостью сказал Мартын Лоладзе. — Но в этом моя заслуга минимальная. Это ты, это Ласточкин, это весь нелегальный областной комитет, ваши газеты, листовки и воззвания разожгли костер, искры которого западают в самые души сотен солдат, ежедневно посещающих наш ресторан.

— Да, друзья, дела у вас, как видно, идут на лад. Но, как говорится, цыплят по осени считают.

Неутомимая деятельность Лаврентия, всего Одесского подпольного областного комитета дала хорошие результаты. Иностранная коллегия развернула такую активную работу среди войск интервентов, так широко проложила дорогу большевистской правде к солдатским сердцам, что двинуть их против Советской России оказалось невозможным.

С утра шел снег. Улицы, парки и сады города вскоре оказались под толстым белым покрывалом. Под его тяжестью гнулись ветви деревьев.

К дому № 4 на Церковной улице, где под видом «чайной» находилась одна из конспиративных квартир одесских большевиков, подошел похожий на деда-мороза человек и постучал в дверь.

Двери «чайной» отворились и на пороге показался

ее «владелец» — коммунист-подпольщик Виктор
нечко.

— Заходи, заходи, тебя и не узнать в этом белом балахоне.

— Валит и валит, не переставая, — как бы оправдываясь, говорил Ласточкин, стряхивая с себя снег. — Хорошо, ветра нет, зато сырость пронизывает до костей, — зябко поежился он.

— Лучшее средство от этого — чай. С сахаром, правда, туговато, но для членов областного комитета постараюсь раздобыть малость.

Виктор зашел в чайную и вскоре вернулся с большой чашкой в руках.

В дверь постучали. Вошел Лаврентий. Поздоровался с Ласточкиным и Конечко, снял пальто и присел к столу.

— На этот раз за хорошую весть я у тебя ничего не попрошу, — без всякого вступления начал Ласточкин.

— Правильно! Когда очистим родину от всякой нечисти, тогда и проси.

— Смотри, читай. — Ласточкин извлек из кармана сложенную вчетверо газету. Картвелишвили бросил взгляд на название, выведенное крупными рукописными французскими буквами.

— Ого, главный рупор французской буржуазии, — сказал он и начал читать тихо, но вслух: «На востоке родился новый Наполеон, не личность, а идея». — Как и всякое сравнение, и это чуть прихрамывает, хотя в целом неплохо сказано. — Он взглянул на Ласточкина. — Наполеон покорил Европу, а марксизм-ленинизм завоеует весь мир. Император огнем и мечом проложил дорогу буржуазии на горе трудящимся, марксизм-ленинизм свергнет владычество капитала ради бедных, немущих и необязательно огнем и мечом. А в целом это откровение говорит о многом — враги начинают нас признавать. Что ж, тем лучше.

— И еще одна хорошая весть, тоже без вознаграждения.

Ласточкин извлек из кармана вдвое сложенный листок:

— Источник надежнейший. Если успеется, хорошо бы дать в номер.

Лаврентий читал: «Главнокомандующий союзническими войсками на юге России генерал Бертело пишет: «Правда, все французы, находящиеся здесь, устали и мечтают о возвращении домой, но скоро их заменят новыми частями, настроение которых будет лучшим». Но вскоре у самого генерала Бертело изменилось настроение. Он хотел остаться со своими войсками в Одессе, но не смог».

— Погоди, как это не смог? Ведь Бертело является главнокомандующим союзническими войсками на юге России? — удивился Картвелишвили.

— Да, но скоро не будет. — Ласточкин подошел вплотную к Лаврентию и повторил раздельно: — Не будет. Мы это разузнали из первоисточников и теперь оповестим всю Одессу, весь мир. Дело в том, что Бертело внес в правительство Франции предложение отозвать с южного побережья Черного моря все союзнические войска, в частности французские, греческие и колониальные.

Пораженный Лаврентий смотрит на Ласточкина и не верит собственным ушам. Неужели бомба, которую забросила иностранная коллегия областного комитета в войска интервентов, взорвалась так быстро? Он продолжает читать вслух: «В этом предложении указано, что революционная волна охватила всю Одессу; что положение союзнических войск является исключительно опасным. Разочаровавшись в собственных лакеях, Бертело окрестил авантюрой петлюровское движение, а добровольческую армию назвал «сборищем офицеров-дармоедов».

Окончив чтение, Лаврентий на радостях обнял Ласточкина, расцеловал Виктора Конечко.

— Теперь, друзья, с полным правом мы можем повторить слова старика Фауста: «Лишь тот достоин счастья и свободы, кто каждый день за них идет на бой!»

К концу февраля в Харькове еще стояли морозы. Картвелишвили приехал сюда, чтобы принять участие в работе III съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины. Он — делегат съезда. У него в ру-

как — маленький чемоданчик. Ветхая, выцветшая солдатская шинель плохо защищает от лютого холода. Но делегат, приподняв воротник, бодро покидает здание вокзала. Интересно, кто приехал на съезд из Одессы, Киева? Встретится ли он вновь со своими друзьями Яном Гамарником, Николаем Ласточкиным, Еленой Соколовской, Мартыном Лоладзе, Евсеем Чикваная, Андреем Ивановым, Евгенией Бош?

Лаврентий вышел на привокзальную площадь. И здесь масса народа, как и на вокзале. Шумно и тесно.

И вдруг Лаврентий видит, как, пробиваясь сквозь толпу, к нему спешит Ян Гамарник! Долгое и крепкое рукопожатие, град вопросов...

На III съезде КП(б) Украины представлены 300 делегатов, значительно больше, чем на двух предыдущих.

Это был первый легальный съезд Компартии Украины, проводившийся на территории республики. Правда, многочисленность делегатов объяснялась не только этим обстоятельством. За период, прошедший после II съезда КП(б), Компартия Украины значительно возросла численно, соответственно увеличилось и количество делегатов.

Бурными аплодисментами съезд встретил Якова Михайловича Свердлова, который представлял Центральный Комитет РКП(б). В приветствии от имени ЦК он сказал:

«Я помню, как несколько месяцев тому назад мне пришлось приветствовать украинских товарищей, работавших тогда в подполье, собравшихся на II съезде партии у нас в Москве. Я помню, как там все мы были объединены общим чувством, общим желанием как можно скорее дожидаться того момента, когда сможем собрать свой съезд здесь, на Украине, свободно, легально, открыто, в качестве правящей партии, здесь, как и там, в остальной России. Я счастлив, что могу приветствовать здесь вас, товарищи, в свободных условиях».

Лаврентий всегда восхищался личностью Свердлова, его удивительным самоотречением, кристальной чистотой, огромным обаянием. Он знал, что этому пла-

менному коммунисту-ленинцу осталось недолго жить на свете, но не мог предположить, что Яков Михайлович не доживет до VIII съезда РКП(б), увидит ли жизнь в самый его канун, и делегаты увидят его не в президнуме, а в гробу...

С докладом о профсоюзном движении выступил Картвелишвили. Написать текст он не успел, да в этом и не было необходимости: в то время ораторы, как правило, выступали без заранее написанного текста, в крайнем случае пользовались тезисами, реже — расширенными тезисами.

Лаврентий начал говорить, по обыкновению, не спеша, четко и ясно выражая свои мысли на хорошем русском языке, но с характерным грузинским акцентом, который сопутствовал ему на протяжении всей жизни. Он коротко коснулся истории профсоюзного движения, затем осветил роль профсоюзов в борьбе за Советскую власть. Иллюстрируя свои положения многочисленными фактами, докладчик показал, как много сделали профсоюзные организации для изгнания интервентов, разгрома белогвардейской, буржуазно-националистической контрреволюции, мобилизации рабочего класса и всех трудящихся на эту борьбу.

Делегаты с большим вниманием выслушали доклад Лаврентия Картвелишвили, одобрили высказанные им положения. Принятая по данному вопросу резолюция обязывала «партийные организации Украины добиться ликвидации засилья меньшевиков в профсоюзах, обеспечив преобладающее влияние в них коммунистов».

Съезд завершил свою работу 6 марта. Лаврентий заказал билет на вечерний поезд. Отсюда он направится в Одессу. На сердце какая-то тяжесть. Друзья сразу заметили его подавленное состояние, причина которого неясна и ему самому.

— Зашел бы ты к Розе, — посоветовал ему Гамарник. — Давно не виделись, а ведь медовый месяц далеко позади. — Ян хотел узнать, не в длительной ли разлуке молодоженов причина плохого настроения друга. Но тот отвечал уклончиво.

— Знаешь, Ян, у меня какое-то недоброе предчувствие.

Поезд отправлялся в 9 часов 38 минут. Лаврентий вышел из дома в 8 и направился прямо на вокзал.

Прибыв в Одессу, Лаврентий прямо с вокзала помчался в ресторан «Открытие Дарданелл».

— Как дела, Мартын? — с ходу спросил он у Лолладзе. Мартын вместо ответа посмотрел на него преисполненным боли и отчаяния взглядом.

— Не томи, Мартын, скажи, что-нибудь случилось?

— Ты ничего не слыхал о наших делах?

— Нет, ничего!

— Провал.

— Как, кто, когда?

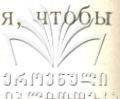
И Мартын подробно рассказал о разыгравшейся трагедии. В первых числах марта, после окончания заседания иностранной коллегии Жанна Лябурб и Стойко Ратков возвратились домой на Пушкинскую улицу. С согласия областного комитета Жанна снимала там небольшую комнатку. Неподдалеку от нее жил Ратков. Вечером он зашел к Жанне и ее хозяйке. Неожиданно дверь распахнулась и в комнату ворвались вооруженные французские солдаты и белогвардейский офицер. Квартиру обыскали, перевернули все вверх дном. У Жанны обнаружили номер газеты «Le communiste», несколько брошюр и старые одесские газеты. Офицер контрразведки потребовал у Стойко оружие и деньги, но получил решительный отказ. Офицеры были взбешены тем, что компрометирующего материала явно не хватило. Арестованных связали и доставили в помещение французской контрразведки на Екатерининской площади. Здесь бросили в подвал, где находились схваченные в кафе на Гаванской улице Яков Елин, Михаил Штиливкер и Александр Виницкий.

— К сожалению, — продолжал подавленный Мартын, — провокатор не ограничился этим. На второй день арестовали Исаака Дубинского и Александра Вапельника. Это был новый смертельный удар по нашей иностранной коллегии.

Лаврентий был потрясен.

— Кровь за кровь, смерть за смерть! Только та-

ким может быть наш ответ! — И он отвернулся, чтобы скрыть блеснувшие на глазах слезы.

Картвелишвили посетил Ласточкина на конспиративной квартире. Поговорили о съезде. Долго ломали голову, прикидывали, кто мог выдать подпольщиков. То, что провокатор действовал внутри иностранной коллегии обкома, не вызывало сомнений. Но как его обнаружить?

— Не знаю, почему, — после некоторой паузы произнес Лаврентий, — но мне всегда казался подозрительным Манн.

— Доказательства нужны, Лаврентий Иосифович! Я тоже ему не очень-то доверяю, но этого недостаточно для столь тяжкого обвинения. Найти провокатора — наша первоочередная задача. Нельзя идти на решительный штурм, не очистив собственные ряды. Еще один такой провал, и от руководящего ядра одесского подполья ничего не останется...

Ласточкин был не на шутку взволнован, словно предчувствовал, что скоро разделит трагическую судьбу товарищей.

Существует нечто, необъяснимое наукой, именуемое предчувствием. На горизонте еще ничего не видно, еще не завязан узел трагедии, но человек интуитивно чувствует надвигающуюся катастрофу. Ласточкин весь был охвачен таким предчувствием.

Он встал, оделся и перед уходом сказал Лаврентию:

— Не выходи сразу после меня. Позднее встретимся у Мартына. Будут и другие товарищи. Еще раз обмозгуем сложившуюся обстановку, а завтра на комитете обсудим все досконально. Время не терпит.

— Заседание, как обычно, в двенадцать?

— Да. А что, ты предлагаешь другое время?

— Может, лучше с утра, хотя бы в 10 часов, чтобы больше времени осталось для выполнения намеченных мер.

— Согласен. Соберемся в 10. Я всех предупрежу.

В первых числах марта на нелегальных рабочих собраниях проходило пополнение Одесского Совета избранием новых депутатов. Затем в пригороде состоял-

ся пленум горсовета, переизбравший состав исполкома, в который не были избраны ни меньшевики и эсеры, ни представители буржуазных националистов. Вскоре они пленум единогласно ввел депутатов-большевиков и сочувствующих им. На том же заседании был избран президиум исполкома горсовета во главе с председателем — Ласточкиным.

Его основной задачей как партийного и советского руководителя было собрать исчерпывающие данные о силах противника, чтобы передать штабу Красной Армии точные разведанные. В этом деле Областному комитету оказывали определенную услугу подкупленные контрразведчики из стана врагов.

Ласточкин уже давно получал ценную информацию от эсера Ройтмана, служившего тогда в деникинской контрразведке. Ройтман имел доступ к весьма важным политическим и военным документам и охотно торговал секретной информацией.

Встреча, оказавшаяся последней, была назначена в кафе. Ройтман и белогвардейский полковник Пронин вовремя явились на свидание. Они передали Ласточкину весьма ценную информацию военного характера. Из кафе вышли все вместе. Неожиданно их настигли французские и белогвардейские офицеры и арестовали.

Все было разыграно по заранее составленному сценарию. После ареста ряда руководящих деятелей подполья французская контрразведка методически подбиралась к центру, стремясь схватить Ласточкина, Картвелишвили, Соколовскую, Чикваная, Лоладзе. Разведке стало известно, что деникинский офицер Ройтман связан с большевиками. Французская контрразведка обещала ему огромную сумму за выдачу главы одесского подполья, на что этот беспринципный торгаш немедленно согласился. Но Ройтману не были известны координаты руководителей Областного комитета, поэтому он не смог сразу выполнить задание французской контрразведки.

Именно в этот период Ройтману позвонил Ласточкин. Они договорились о времени и месте встречи. Ройтман тут же доложил обо всем французской контр-

разведке. По его предложению, при встрече должен был присутствовать белогвардейский полковник Пронин. По сценарию, всех их должны были задержать на улице, после выхода из кафе. Ройтману «удалось бы» бежать, а Пронина после проверки документов освободили бы как не вызывающего подозрений денкинского офицера.

Постановка удалась. Ройтман «бежал», Пронина отпустили с миром, а Ласточкина посадили в машину и увезли в неизвестном направлении.

Это произошло 15 марта 1919 года, в 7 часов вечера.

Французская контрразведка принимала все меры для того, чтобы никто не знал, что именно она арестовала Ласточкина, и чтобы сохранить в секрете место, где содержался глава одесского большевистского подполья.

Лаврентий и дружинники Котовского провели всю ночь в томительном ожидании, но никто так и не появился. Когда рассвело и стало ясно, что ждать уже бессмысленно, решили послать на баркасе нескольких котовцев к барже, чтоб узнать о судьбе Ласточкина. Ужасную весть принесли бойцы: в ту самую ночь после долгих пыток Ласточкина и других арестованных революционеров живыми бросили в ледяную воду, привязав к ногам большие камни. Только после освобождения Одессы их обезображенные трупы были извлечены со дна морского.

Котовцы отомстили провокатору-эсеру. Переодетые денкинскими офицерами, трое бойцов отряда Григория Котовского остановили Ройтмана на улице.

— Если не ошибаемся, имеем честь говорить с господином Ройтманом?

— Совершенно верно. Чем могу быть полезен?

— А вот чем — вы должны ответить за выдачу Ласточкина, за его смерть под пытками!

Ройтман побледнел, но тут же схватился за кобуру пистолета.

— Получай за Николая Ласточкина! — это было последнее, что он услышал. Через секунду, изрешеченный пулями, он грохнулся на тротуар.

Белогвардейский полковник Пронин, узнав о судь-

бе своего дружка, постарался скрыться, но ему это не удалось, и вскоре он предстал перед советским правосудием. Чрезвычайная комиссия под председательством Кале Саджая рассмотрела его дело. Ему был вынесен смертный приговор, и полковник был расстрелян.

После восстановления Советской власти в Одессе динковый гроб с останками Ласточкина — Ивана Федоровича Смирнова — был установлен в доме № 6 по улице Ланжерова (ныне она носит имя Ласточкина). Десятки тысяч одесситов прощались здесь с человеком, который всю свою жизнь отдал борьбе за свободу и счастье трудового народа. Похоронен Ласточкин был в столице освобожденной Украины — Киеве.

Лаврентий был подавлен. Гибель Ласточкина венчала целую полосу тяжелейших душевных травм, вызванных провалом и гибелью стольких товарищей. Одна мысль не давала ему покоя: надо ли было пользоваться услугами негодяя Ройтмана, держать с ним непосредственную связь, да еще через Ласточкина? Это, конечно, было ошибкой с точки зрения конспирации, ошибкой, которая обошлась так дорого одесской партийной организации, всему революционному подполью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Апрель принес в Одессу ясные, безоблачные дни. Солнце припекало почти по-летнему, но море продолжало с шумом накатывать на берег мутные, свинцовые волны.

Шестого апреля интервенты покинули город, Одесса стала советской. Английские и французские захватчики вывезли из города почти все ценности и продовольствие, горожане остались на голодном пайке.

Картвелишвили и Соколовская в скорбном молчании посетили места, где были расстреляны отважные подпольщики, побывали в порту...

— Лаврентий Иосифович, пора обдумать вопрос — с чего начать восстановление городского хозяйства, как

Акакий Иремадзе. Окно в прошлое.

создать горожанам нормальные условия жизни и работы.

— Об этом надо поговорить на заседании областного комитета партии.

— Может, соберемся вечером или завтра к полудню?

— А не лучше созвать партийную конференцию?

— Но первую легальную конференцию надо подготовить со всей тщательностью.

— Конечно! Она должна иметь значение съезда для одесской городской и областной партийной организаций, и готовить ее надо соответственно с такой установкой.

Центральный Комитет партии направил в Одессу Яна Гамарника, которого избрали председателем Одесского губернского Комитета партии. Легко представить радость всех одесских коммунистов в связи с этим назначением, особенно его друзей, к которым относился и Лаврентий.

Был спокойный майский вечер. Воздух за день прогрелся основательно, но с моря дул прохладный ветерок. В такие часы, если позволяют время и настроение, приятно пройтись по побережью.

Елена Соколовская, Ян Гамарник и Лаврентий Картвелишвили вышли из здания губкома.

— Хорошо бы отметить приезд Яна и его новое назначение, а? — сказал Лаврентий.

— Я не прочь, — отозвалась Соколовская, — но у меня ни гроша...

— Если вы думаете, что я откажусь от приглашения, ошибаетесь. Кое-что я наскребу, — улыбнулся Гамарник.

— Раз я предложил, значит, надеюсь на себя, — твердо ответил Лаврентий. — Только вчера мне передали посылку от отца. Кстати, Розу особенно обрадовали его теплые слова в ее адрес, а меня одинаково вдохновили и письмо, и солидная посылка. Вы же знаете — я материалист.

Елена, Ян и Лаврентий сели в машину.

Гостей встретила Роза. Быстро накрыли стол. Не богатым было это застолье, зато его украшали скромные дары грузинского крестьянина.

— Первый тост за того, кто прислал нам эти чу-
деса, за Иосифа Картвелишвили!

В это время запыхавшись вбежал водитель Яна
Гамарника:

— Банды мятежных немецких кулаков-колонистов
устремилась к городу, в пригородах идут кровопролит-
ные схватки! — одним духом выпалил он...

Всенародное движение в защиту завоеваний Ок-
тября дало свои плоды. Боевые отряды под командо-
ванием Евсея Чикваная разгромили мятежных кула-
ков-колонистов и банды атамана Григорьева. Но обста-
новка в Одессе и во всей Украине оставалась критиче-
ской. Деникин, поддерживаемый Антантой, рвался к
югу России. После взятия Харькова, Екатеринослава,
Полтавы он стал развивать наступление в одесском на-
правлении.

Совет обороны Одессы принял решение: город без
боя не сдавать. Объединить все находящиеся здесь
вооруженные силы, командование поручить Евсею Чи-
кваная.

К 12 часам 23 августа под его командованием уже
находились первый революционный отряд, боевой от-
ряд коммунистов фабрики Попова, первый и второй
коммунистические батальоны. Правда, это были не-
многочисленные, наспех вооруженные соединения ком-
мунистов и рабочих, но боевой дух каждого бойца был
высок. Стремление отстоять родную Советскую власть
удесятерило силы защитников Одессы.

В полдень Чикваная атаковал вражеский десант.
Рабочие отряды врезались в первый и второй эска-
дроны противника, отбросили их передние шеренги,
нанеся врагу большой урон. Особенно кровопролитны-
ми были стычки в районе завода Анатра, на площади
Больших фонтанов. Четыре часа длился бой. Малочис-
ленные отряды коммунистов и рабочих взяли верх над
белогвардейским десантом. Противник был вынужден
включить в боевые действия военный флот. Англий-
ский дредноут, белогвардейский крейсер «Кагуль» и
миноносцы обрушили ураганный огонь на героических
защитников Одессы.

Еще девять часов подряд отбивали отряды Чикваная атаки озверевших белогвардейцев. Противнику так и не удалось ворваться в город.

Картвелишвили был восхищен мужеством его героических защитников, безошибочным чутьем, умением предвидеть события Евсея Чикваная.

...На раскаленную августовским зноем Одессу опустились ранние сумерки. С моря подул свежий ветерок.

Лаврентий—на командном пункте, рядом с Евсеем. Несмотря на то, что близилась ночь, белогвардейцы не прекращали боя, упрямо рвались к городу, не считаясь с потерями в живой силе и технике. Только поздней ночью противник прекратил огонь, укрепившись на дальних подступах к южной окраине.

Лаврентий обнял Чикваная:

— Честно говоря, не думал, что выдержим такой натиск!

— Если они не введут в бой еще какие-либо дополнительные силы, даю слово, что противник не увидит Одессы как своих ушей.

— Боюсь, что резервы у них еще есть и они обязательно введут их в бой. Им теперь отступать некуда. Но и у нас кое-что найдется, правда, не густо, но что поделаешь?

— Ты имеешь в виду грузинский эскадрон или что-либо другое?

— Скажу честно, этот эскадрон меня смущает. Не знаю почему, но у меня большие сомнения относительно надежности ротмистра Асабалова и поручика Габахадзе.

Картвелишвили интуитивно чувствовал, что грузинский отряд особого назначения может подвести.

Но ни он, ни одесская ЧК тогда не знали, что в городе давно существует офицерский заговорщический центр, так называемый «Областной комитет национального объединения», во главе которого стояли полковник Саблин, капитан Гасанов и поручик Марков. Главари заговорщиков числились в составе Красной Армии и занимали руководящие посты в частях одесского гарнизона. Центр заговорщиков был связан с консулом меньшевистской Грузии Ушверидзе. Изменники имели в своем распоряжении несколько малочисленных отрядов, состоящих из бывших офицеров царской армии.

Официально эти отряды входили в состав частей караула города.

Одесские чекисты под руководством Кале Саджак¹ немало потрудились, чтобы раскрыть заговор и напасть на след его руководящего центра. За несколько дней до высадки десанта они засекли контакты каких-то офицеров с грузинским консульством. Эта нить навела их на центр заговорщиков, и вскоре ЧК стало все известно. За два дня до высадки десанта обнаружилось, что 22 августа, утром, на улице Черноморской, в доме № 15 состоится заседание подпольного офицерского центра, которое рассмотрит вопрос об организации мятежа в городе. Чекисты накрыли заговорщиков и арестовали главарей — полковника Саблина, князя Накашидзе, поручика Маркова и князя Чолокашвили. Правда, вскоре их освободил грузинский отряд, оказавшийся под влиянием начальника милиции Александровского участка правого эсера Китникова и его шайки. Тем не менее организовать мятеж в городе 23 августа заговорщикам все же не удалось.

Мятеж приурочивался к выступлению немецких кулаков-колонистов, чтобы объединенными усилиями свергнуть Советскую власть, арестовать партийных и советских руководителей, а затем соединиться с частями десанта. Под влиянием заговорщиков оказались также первый объединенный отряд охраны города, отряд особого назначения, грузинский отряд особого назначения и особая грузинская «летучая сотня».

Кратковременный арест главарей заговора частично спутал планы контрреволюционеров, но им все же удалось обманым путем разоружить верные отряды одесского гарнизона и с тыла ударить по бойцам Евсея Чикваная.

На рассвете 24 августа противник возобновил атаку. Артиллерия обстреляла передовые позиции защитников города, затем перешла в наступление пехота. Защитники Одессы дрались самоотверженно за каждую пядь советской земли, не отступая ни на шаг. Боеприпасы были на исходе, бойцы задыхались от неимоверной жары, не было воды...

В это время среди защитников Одессы пронеслась

Акакий Иремадзе. Окно в прошлое.

радостная весть — подходят вспомогательные силы. Вскоре в центре расположения отряда Чикваная появился грузинский эскадрон особого назначения.

Ни Чикваная, ни Картвелишвили не знали тогда, что грузинский эскадрон особого назначения еще в первых числах августа тайно примкнул к «добровольческой армии», а прошлой ночью, после временного прекращения боя, деникинский разведчик передал командиру эскадрона директиву — в 8 часов утра вступить в бой якобы на стороне красных отрядов, проникнуть в самый центр обороны, арестовать Чикваная и вынудить красных прекратить сопротивление.

Так и случилось. Как только в центре обороны появился грузинский эскадрон, десантники перенесли огонь на фланги, чтоб не нанести урона своим союзникам. Чикваная арестовали на командном пункте. Десантники и бойцы эскадрона рассеяли немногочисленные красные отряды, уничтожая каждый в отдельности. К полудню вся Одесса была в руках «добровольческой армии».

Борьба Красной Армии продолжалась. XII армия, в составе революционного совета которой находился Лаврентий Картвелишвили, осуществила легендарный 400-километровый поход, завершившийся успешно. Был нанесен сокрушительный удар по петлюровцам и интервентам.

В результате самоотверженной борьбы, героизма и храбрости красноармейцев, умения и настойчивости командования и реввоенсовета войска Южной группы XII армии в неимоверно тяжелых условиях с честью выполнили задание Реввоенсовета Республики и лично Владимира Ильича Ленина, вышли победителями в схватке с сильным, хорошо подготовленным врагом.

Именно в огненные дни этого легендарного похода окончательно убедился Лаврентий в том, что для твердых, непреклонных большевиков-ленинцев нет невыполнимых задач, нет таких крепостей, которые они не смогли бы сокрушить.

Совет обороны Республики под председательством Ленина, рассмотрев итоги этого легендарного похода, отметил в своем постановлении: «1. Наградить славные 45-ю и 58-ю дивизии за героический переход на

соединение с частями XII армии почетными знаменами революции.

2. Выдать всей группе за этот переход, как и всем красноармейцам, денежную награду в размере месячного оклада содержания».

Кроме того, за умелое руководство войсками орденом Боевого Красного Знамени были награждены Якир, Федько и Немитка. Награды получили также многие командиры, политработники и рядовые бойцы.

Радость победы не заглушила тревоги о любимом человеке. Целый месяц от Розы не было никаких вестей. Газеты пестрели сведениями о свирепствовавшем в Одессе белом терроре, о зверствах оккупантов и белогвардейцев. Неясные предчувствия бередили душу Лаврентия.

Два часа ночи. Только-только закончилось заседание Реввоенсовета.

Бегом поднимаясь на второй этаж, Лаврентий еще издали заметил толстый конверт, просунутый в дверную ручку.

«Тов. Лаврентию», — крупно написано на конверте. Лаврентий тотчас узнал такой знакомый, родной почерк. Письмо от Розы!..

Замерзшими пальцами с трудом просунул ключ в замочную скважину, вошел в комнату, зажег свет. В квартире холод невероятный, но он этого не чувствует. Усаживается за стол и еще раз внимательно, словно изучая, осматривает конверт. На нем нет почтового штемпеля и марки. Значит, письмо послано с нарочным...

Острым лезвием ножа осторожно распечатал заветный конверт. «Жизнь моя, любовь моя, у меня такое предчувствие, что не увижу тебя больше никогда. Потому я хочу, чтобы ты знал все из моих уст», — с волнением читал Лаврентий.

Из письма он узнал, что после его отъезда в Одессе вспыхнул мятеж и прошла волна арестов, что в числе арестованных оказалась и Роза. Из тюрьмы ее выручили товарищи, которые подкупили следователя.

Писала она и о гибели Чикваная, которого не смогли выволить, — он был расстрелян.

Лаврентий несколько раз перечитал письмо и всякий раз, когда доходил до описания ареста и заключения Розы, слезы застилали ему глаза.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В то утро он отправился на работу пешком раньше обычного. От его квартиры до губернского комитета — километров пять.

Средние числа декабря. Ночью выпал обильный снег. Неприятный, колкий ветер поднимал снежную пелену и бросал ее в лица прохожим. Но Лаврентий не обращал на это внимания. Шел не спеша, внимательно, по-хозяйски оглядывая все вокруг. Ведь он секретарь Одесского губернского комитета партии, партии, отныне правящей, и теперь в ответе за все, что происходит в городе и всей губернии. Прошло ровно семь месяцев после того, как его избрали секретарем губкома. Любил он ходить пешком и раньше, после возвращения в освобожденную Одессу, когда был назначен заведующим отделом пропаганды и агитации. В середине весны Картвелишвили ввели в состав президиума губкома и назначили редактором губернской газеты «Известия». Для прогулок времени почти не оставалось. Затем ему поручили руководить отделом по работе в деревне и большую часть времени Лаврентий бывал в разъездах. Но как только возвращался в Одессу, пешие прогулки возобновлялись...

Телефонный звонок вывел его из тяжелых раздумий. Прежде чем снять трубку, он посмотрел на часы — без пяти три.

— Картвелишвили слушает!

На другом конце провода был секретарь парткома Ивангорода.

— Товарищ Лаврентий! В уезде готовится вооруженный мятеж. По нашим данным, им руководят кадеты, правые эсеры и меньшевики.

Лаврентий положил трубку, подошел к окну, от-

кинул занавес. Выскользнувшая из плена облаков луна осветила покрытые снегом крыши домов и улицы. Где-то грохнул винтовочный выстрел, за ним второй, третий... Обычная ночная музыка.

Лаврентий вызвал машину. Из-под кипы газет и бумаг, лежавших в правом углу стола, извлек «Витязя в тигровой шкуре», сложил вдвое какую-то старую газету, сунул туда поэму, «Детскую болезнь «левизны» в коммунизме» Ленина, достал из книжного шкафа томик стихов Галактиона Табидзе, приобщил его к первым двум книгам.

В дверях показался водитель.

— Иду, иду!

Погасив свет, Лаврентий запер кабинет. Попрошался с дежурным губкома:

— До шести утра буду дома, в шесть вместе с председателем губчека поеду в Ивангород. Срочные сообщения или пакеты пусть доставят по месту нахождения. Ясно?!

— Куда едем, товарищ Лаврентий? — спросил водитель.

— Я и сам думаю, куда бы нам поехать, — усталым голосом ответил Картвелишвили. — Недавно, кажется, с Пироговской слышны были выстрелы. Махнем туда, узнаем, кто это там развлекается, а затем домой... — Он посмотрел на часы — двенадцать минут пятого.

— Может, не стоит ехать на Пироговку? Поздно вато уже, Лаврентий Иосифович.

— Пожалуй, ты прав. Давай домой. Будь что серьезное, сообщили бы.

Крупные снежинки ложатся на стекло машины и тут же исчезают, снесенные бойко двигающимися очистителями.

— Приехали, Лаврентий Иосифович!

— Ровно в шесть буду внизу. Спокойной ночи!

Лаврентий хотел подбодрить водителя, пообещать, что жизнь скоро войдет в спокойное русло, но сдержался. Говоря по совести, он и сам не знал, когда это произойдет...

Он осторожно открыл двери, уверенный, что Роза спит.

— Это ты, любимый мой? — по-грузински окликнула она его.

— Почему ты не спишь? До каких пор ты будешь нарушать мои предписания? — Лаврентий с улыбкой крепко обнял заждавшуюся его жену.

— Так увлеклась Давидом Гурамишвили, что не заметила, как пролетело время.

— Впредь никаких увлечений, — шутливо-грозным тоном приказал он.

— Успокойся, дорогой, — вторит ему Роза, — мои увлечения чисто литературного характера.

— Шутки шутками, но твои успехи в грузинском просто феноменальны. Скоро ты будешь говорить лучше меня. А твоя эрудиция в области грузинской литературы заставляет меня краснеть. Кстати, я принес тебе кое-что в подарок.

— Интересно, что? Книгу, да?

— Отгадала!

— Уж не Галактиона Табидзе, а?

Вместо ответа Лаврентий улыбнулся, взял томик Галактиона, сделал дарственную надпись на грузинском языке: «Моей Розе-Вардик¹. Лаврентий, 16 декабря 1920 г.». И чуть ниже вывел строку Галактиона — «Нас двое в мире этом...»

Роза быстро пробежала глазами грузинские слова. Подняла на него свои лучистые глаза:

— Спасибо тебе, дорогой. Я могла бы чувствовать себя счастливой, если бы не все эти тяготы вокруг... народ голодает, Лаврентий... Фабрики и заводы стоят. Нет топлива, сырья. Безработица нарастает... Надо что-то предпринимать...

— Поверь, это временное явление. Раз власть у пролетариата, раз его диктатура существует, выйдем из любых затруднений...

— Но все несчастье в том, что разруха как раз и подрывает диктатуру пролетариата, ослабляет Советскую власть. Надо признать, что страна на грани политического кризиса. Если мы даже не признаем это-

¹ Вардик — розочка (груз.).

го, ничего не изменится. Этот процесс, видимо, объективный.

— Ну, это тебя занесло, моя милая! Положение конечно, тяжелое, но насчет кризиса ты маленько перехватила!

— Нет, не перехватила. То, что крестьяне, кем бы они ни были одурманены, поднимают оружие против Советской власти, своей, родной власти, это несчастье, трагедия! С трибуны этого, конечно, не скажешь, но ведь от этого ничего не меняется!

— Ты во многом права. Но погоди, созван партийный съезд. Партия скажет свое решающее слово.

— Это дело будущего, а я говорю о том, что делается сегодня. Конечно, съезд найдет выход из положения, но сколько еще надо ждать?!

— И все же я настроен оптимистически. Безвыходных положений не бывает, а тем более у нас, большевиков-ленинцев...

В дверь постучали. Лаврентий посмотрел на часы. Десять минут седьмого.

— Ого, я, кажется, опоздал. Это наверняка мой водитель. Мне пора...

X съезд РКП(б) открылся восьмого марта в 12 часов дня в Свердловском зале. Открыл его Ленин. Делегаты встретили Ильича бурными аплодисментами.

Как обычно, Лаврентий и Ян сидели рядом. От них не ускользнуло, что на лице Владимира Ильича — печать чрезмерных перегрузок, начальной стадии серьезной болезни. Картвелишвили вспомнил его речь «О профсоюзах, текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого», которую он произнес 30 декабря 1920 года на объединенном заседании делегатов VIII Всероссийского съезда Советов, членов Всероссийского Центрального и Московского Советов профсоюзов — членов РКП(б). В начале своего выступления Ленин попросил извинения за нарушение порядка, ибо по болезни не смог выслушать доклад, содоклад и прения. И вот теперь он выступает с речью и может повториться, так как не знает, о чем говорили другие, или не ответить на вопрос, который нуждается в пояснении.

Тогдашнее извинение вождя Лаврентий запомнил по двум причинам: во-первых, Ленин был настолько больным, что не присутствовал на докладе и ^{заседаниях} ирениях, а причиной всему была брошюра Троцкого «О роли и задачах профсоюзов», которая так его заинтересовала, что он, бессменный вождь партии, образец и пример коммунистического поведения, высший его эталон, вынужден был нарушить установленный порядок. И, во-вторых, какое принципиальное значение придает вождь правильному отношению к профсоюзам, считая недопустимым малейший компромисс в этом вопросе, даже малейшее отклонение. Лаврентий хорошо помнит и то, что это было первым публичным выступлением Ленина перед партийным активом в связи с дискуссией о роли и задачах профсоюзов.

С тех пор прошло более двух месяцев, а на лице вождя еще не прошел след перенесенной тяжелой болезни. К тому же — вновь изнурительная работа, тяжелое, почти кризисное положение в стране, а тут еще дополнительное напряжение — дискуссия. Картвелишвили окинул взглядом сидящего в президиуме Троцкого и испытал чувство омерзения. Потом посмотрел на Ленина. В его горящих глазах ему почудилась какая-то затаенная грусть. В чем причина ее? Тогда он не смог ответить на этот вопрос. А катастрофа надвигалась...

Ленин и весь состав президиума стоя аплодируют несколько минут.

Ильич поднял руку. Овацни не смолкают. Но вот наступает небольшая пауза.

— Товарищи, позвольте мне... — начал Ленин.

Наступила тишина. Зал замер.

«...Мы первый раз собираемся на съезд при таких условиях, — ловил Лаврентий каждое слово вождя, — когда вражеских войск, поддерживаемых капиталистами и империалистами всего мира, на территории Советской республики нет. В первый раз, благодаря победам Красной Армии за этот год, мы открываем партийный съезд при таких условиях. Три с половиной года неслыханно тяжелой борьбы, но отсутствие вражеских армий на нашей территории — это мы завоевали...»

В этом деле есть частица и его усилий, пусть со-

всем малая и незначительная на огромном фоне борьбы за изгнание интервентов, но все же есть!

Лаврентий взглянул на Гамарника. Ян, как и остальные делегаты, слушал с полной сосредоточенностью.

«...Мы пережили год исключительный, мы позволили себе роскошь дискуссий и споров внутри нашей партии. Для партии, которая окружена врагами, могущественнейшими и сильнейшими врагами, объединяющими весь капиталистический мир, для партии, которая несет на себе неслыханное бремя, эта роскошь была поистине удивительна».

Для него как практического работника, которому приходилось решать бездну тяжелейших жизненных проблем, это высказывание имело особый смысл.

После краткой вступительной речи Владимир Ильич предоставил слово Емельяну Ярославскому для избрания состава президиума съезда, в состав которого наряду с другими были избраны Иосиф Сталин и Миха Цхакая. Три года с лишним Лаврентий не видел Миха, не беседовал с ним по грузинским делам. И что происходило в данное время у него на родине, толком не знал. Вот Миха степенно прошел мимо него, направляясь в президиум. Подошел к Ильичу, который крепко пожал руку своему соратнику, славному ветерану партии. Ленин что-то спросил у Цхакая, и тот, улыбаясь, ответил. Конечно, из зала не слышно, о чем они говорили, но Картвелишвили был уверен, что вождь выразил свое теплое отношение к этому замечательному человеку, другу и товарищу, которому в свое время поручил открыть третий съезд РСДРП, с которым вместе гулял по улицам Лондона и Парижа и вместе, в одном купе, возвращался на родину, в революционную Россию, в тот памятный 1917 год.

«Наверное, и на этот раз Миха выступит, — подумал Картвелишвили, — и я узнаю, что происходило в Грузии». Еще в Одессе он получил сведения о восстании против меньшевистского режима. Но подробности борьбы трудящихся Грузии за Советскую власть ему были неизвестны. Хотя он приехал в Москву днем

раньше до начала работы съезда, встретиться с делегатами из Грузии ему не пришлось.

И вот слово предоставляется Михаилу Григорьевичу Цхакая.

— Товарищи делегаты X съезда РКП, — нетвердым голосом начал Миха, — мне приходится выступать здесь экспромтом...

Вот в чем причина его волнения! Миха не готовился к выступлению. И действительно, перед оратором никаких записей. Но говорит он спокойно, хотя и с небольшими паузами.

С удовлетворением воспринял Картвелишвили из уст Миха весть о том, что Компартия Грузии успешно завершает борьбу за победу Советской власти в республике.

С особым интересом выслушал он доклад Ленина на вечернем заседании о политической деятельности Центрального Комитета партии, особенно о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства.

Этот вопрос волновал его больше всего. Те тревожные явления, которые имели место в Одесской губернии, объяснялись именно ненормальными взаимоотношениями между рабочим классом и крестьянством. И вот теперь он получил ясный ответ на то, как решить эту жизненно важную проблему.

...Лаврентий вышел на Крещатик, остановился у огромного каштана, перевел дыхание, расстегнул пуговицу на воротничке «Украинки», подставил разгоряченное лицо утреннему ветерку. Потом направился к зданию губкома — уставший, невыспавшийся. Вчера всю ночь провел, как повивальная бабка, у колыбели вновь рожденной «Пролетарской правды». И не скажешь, что первый блин комом. Хотя формат невелик — половина «Правды», но для начала и это неплохо. И тираж по тем временам солидный — 15 тысяч экземпляров. Голубенко дал санкцию печатать 17 тысяч, но Лаврентий опасался — вдруг тираж полностью не разойдется...

Никто так хорошо не знал недостатков этого первого номера «Пролетарской правды», как ее редактор Лаврентий Картвелишвили. Но также никому лучше него не было известно, сколько требовалось сил, уме-

1935940
30240110333

ния, старания, чтобы произвести на свет этого первенца.

Когда он вошел к секретарю губкома, Голубенко просматривал последнюю страницу «Пролетарской правды».

— Газета получилась! Спасибо тебе!

— Воспринимаю ваши слова как поощрение, Николай Васильевич!

— Тем более учитывая, в каких условиях родилась газета.

— Об условиях сейчас говорить не стоит, главное — результат.

— Именно учитывая все это, я и говорю — газета получилась. На сегодняшний день это максимум того, что можно было достичь. Чего стоит, например, рубрика «Что нам пишут рабочие!»—И Голубенко хлопнул ладонью по второй странице. — Это значит, что газета не только по названию, но и по содержанию пролетарская!

— Скоро появится еще одна рубрика — «Рабочая жизнь».

— Тем лучше! Такая газета станет популярной в массах, а это значит, станет коллективным агитатором и коллективным организатором. И еще — она не только окупит себя, но и даст прибыль. Это тоже не помещает нашему пролетарскому государству.

Так беседуя, они наметили ряд мероприятий по дальнейшему улучшению газеты.

Через восемь с лишним месяцев после X съезда состоялась пятая Киевская губернская партийная конференция.

Ноябрь на Украине выдался холодный. В средних числах месяца пошел обильный снег. Очищать улицы и тротуары еле успевали. Даже в ясные, солнечные дни температура стояла минусовая. Но в канун конференции погода совсем испортилась.

Во дворе Дома пролетарского искусства с утра было необычно многолюдно. Приходивших сюда встречал броско оформленный транспарант: «Привет делегатам пятой губернской конференции!».

В номере киевской гостиницы «Континенталь», где жили Лаврентий Картвелишвили и его супруга Роза Лучанская, в ночь перед конференцией свет так и не погасили. Роза работала над докладом. В четыре часа утра из редакции вернулся Лаврентий со специальным выпуском «Пролетарской правды», посвященным конференции. Несмотря на усталость, он засел за неоконченный доклад об итогах чистки партийных рядов.

— Выпей чаю, дорогой, подкрепись немного.

— На этот раз чай не укладывается в мой график.

— Все уже готово. Это займет у тебя буквально минуту.

— Ладно, давай. Только поскорей!

Лаврентий быстро просмотрел почту из Грузии — три номера газеты «Коммунисти» и номер журнала «Бахтриони».

В семь часов утра доклад был готов.

Часа полтора он мог еще поспать, чтобы в день конференции быть в форме. Пока ему этого времени хватало. Организм еще выдерживал такой напряженный ритм работы.

Конференция открывалась в десять часов. В половине девятого Лаврентий встал, привел себя в порядок. Стук в дверь. Радостный возглас Розы. В номер входят Ян Гамарник и Иона Якир.

— Налетайте, друзья, на грузинский чай! За качество заварки отвечает Роза! — приглашает Лаврентий.

— Ну как, берешься управлять губернией? — Ян положил руку на плечо Лаврентия.

— Опять вы за свое. Поработал бы еще в газете, а там видно было бы.

— Ладно. Идем. Конференция будет иметь суждение по данному вопросу, и придется подчиниться ее решению, — подвел черту Гамарник.

Ровно в десять часов пятая Киевская губернская партийная конференция приступила к работе. От имени Центрального Комитета Компартии (большевиков) Украины ее приветствовал Феликс Кон.

Были подытожены первые итоги восстановления народного хозяйства на основе новой экономической политики. Наряду с успехами отмечались серьезные недостатки в политической и хозяйственной работе.

Конференция обязала коммунистов губернии довести до конца ликвидацию остатков кулацко-петлюровских и махновских банд.

Лаврентия избрали делегатом XI съезда партии. В Москву он отправился вместе с Яном Гамарником и Ионой Якиром. И туда и обратно ехали в одном купе. Возвращаясь в Киев, горячо обсуждали итоги съезда, спорили.

— Одного не понимаю, — кипятился Гамарник, — почему цацкаются с Шляпниковым и его сторонниками?

— То, что он делает, продиктовано его личной убежденностью. Он глубоко уверен, что это на пользу партии.

— Да, но он ведь тем самым нарушает партийную дисциплину! Этого нельзя отрицать, — сказал Лаврентий.

— Это неслыханная наглость и больше ничего. Неужели не понял этот человек, что фракционная деятельность в нашей партии запрещена? Год прошел после того, как X съезд принял специальную резолюцию по этому вопросу, а с него как с гуся вода. Продолжает заниматься своим грязным промыслом, — возмущался Ян.

— Ты думаешь, что он умышленно вредит партии? — Лаврентий пристально посмотрел на Гамарника.

— Я глубоко уверен в этом. Непонятно, почему его не исключают хотя бы из состава ЦК.

— Что-то мы все подобрали за последнее время, стали такими чувствительными, слабонервными, — подлил масла в огонь Якир.

— Вот это святая истина — мы стали чересчур добренькими, не вдумываясь в то, как это отразится на судьбах пролетариата. Этим и объясняются реверансы в сторону Шляпникова и подобных ему, — настаивал Гамарник.

— Нужна крепкая рука, иначе тот же Шляпников, Троцкий, Зиновьев, да и Бухарин ненароком могут расколоть партию, — настаивал Лаврентий.

— Что касается крепкой руки, она имеется. Мне почему-то кажется, что избрание Сталина Генеральным

секретарем ЦК — ответная реакция на ненужную и вредную чувствительность. В этом вы сами скоро убедитесь, — уверенно произнес Якир.

— Вот и прекрасно. Правда, на съезде ничего не было сказано о статусе Генерального секретаря, но ясно, что это — второй человек в партии.

— Если это так, то в его руках сосредоточится большая власть. Партии как воздух нужны железная дисциплина и монолитное единство. А это обеспечит лишь человек со стальной волей.

Лаврентий подошел к окну, поднял штору, взгляделся в крошечную тьму за окном. Иона прилег на койку, ушел в свои мысли...

Лаврентий собирался было идти домой, когда секретарь занес почту из Грузии. На этот раз он получил четыре номера «Комунисти», два — «Ахалгазда комунисти» («Молодой коммунист»), «Журнал Галактиона Табидзе», «Дроша» («Знамя»), «Ломиси», по одному номеру «Мушис шрома» («Труд рабочего») и «Правды Грузии».

Прежде всего он просмотрел газеты. Внимательно ознакомился со статьями и корреспонденциями, рассказывающими о преобразованиях в родном крае, в том числе и в любимой Имерети. Особо заинтересовался материалами о Закавказской федерации. С начала до конца прочел декрет о введении единой денежной системы, денежных знаков для республик Закавказья. Декрет был опубликован в «Комунисти» и «Правде Грузии» в номерах от 10 января.

Много интересного содержали материалы первой сессии ЦИК ЗСФСР, данные народных комиссариатов Закавказья.

После газет взялся за журналы. Конечно же, в первую очередь за «Журнал Галактиона Табидзе». Из всех грузинских поэтов его он любил особо, самозабвенно. Детство оба провели на берегах Риони. Жили на противоположных сторонах реки. И в Кутаиси учились одновременно. Правда, в разных училищах. Но встречались довольно часто. После отъезда Картвелишвили на Украину они не виделись. Но Лаврентий никогда не упускал из виду первые поэтические шаги Галактиона, который по мере нарастания революции

набирал исполинскую творческую силу, и его голос мужал от одного произведения к другому. Многие стихи поэта Лаврентий знал наизусть и не раз читал Розе Лучанской, которая также была покорена его поэзией.

Посмотрел на часы — скоро десять. Только теперь вспомнил, что пообедать ему сегодня так и не удалось. Остался непросмотренным журнал «Дроша». «Прочту дома»,—решил. Но все же не вытерпел. Раскрыл журнал, из которого выпало письмо отца.

Два месяца прошло, как от него ни строчки. Распечатал письмо и быстро пробежал его. Иосиф сообщал о болезни жены и умолял Лаврентия найти время повидать больную мать. «Я уверен,—писал отец, — основная причина ее недуга — долгая разлука с тобой».

Лаврентий мысленно перенесся в родной Самтредиа. Вот он, пристыженный, стоит перед кроватью больной матери. Сердце сжимается от невыразимой боли. Так сложилась его судьба, что вот уже пять лет ему не удается побывать на родине. Блокада Одессы, четырехсоткилометровый поход, горячие дни в Киеве. Сколько раз собирался посетить своих, но все не удавалось. Так нельзя больше. На той же неделе он согласует свою поездку с Центральным Комитетом и вместе с Розой махнет в Самтредиа. Представил, как обрадуются родители, сестры, братья!..

Домой он отправился пешком, хотя голод давал о себе знать. Он знал — по дороге много будет встреч, бесед, полезной информации. Эти «уличные встречи» давно вошли в быт секретаря губкома, стали неотъемлемой частью его повседневной деятельности. Обычные контакты с трудящимися как-то гармонично дополняются этими импровизированными беседами с горожанами.

Домой пришел поздно. Роза не успела еще вернуться из очередной командировки. Придется зайти к соседям, чтоб хоть что-то пожевать. Поздновато, правда. Но что делать...

Спустя много лет киевлянка Татьяна Абрамовна Мациенко, член партии с 1918 года, напишет о Лаврентии Картвелишвили:

«Лаврентия знаю с 1921 года, когда он был ответственным секретарем Киевского губернского комитета. Это был удивительный человек, прекрасный товарищ, друг, простой, высокопринципальный, большевик стальной воли... По воскресеньям он всегда шел в гости к рабочим в район Шулявки (ныне Октябрьский). Он был всегда с массами, в массах. Я, мой муж и семья Лаврентия жили одной коммуной в течение двух лет. Лаврентий жил совсем просто... Часто приходил уставший, голодный и говорил мне: Татьяна Абрамовна, найдется у тебя кусочек хлеба? С голоду дух перехватило».

А теперь послушаем старого большевика, члена партии с 1913 года Чайковского:

«Лаврентий был хорошим, удивительно чувствительным и душевным человеком, типичным партийным работником, безукоризненным большевиком. У меня осталось о нем навсегда самое прекрасное, светлое воспоминание. Картвелишвили знал в Киеве чуть ли не каждую рабочую семью, часто ходил к ним. И рабочие заходили к нему запросто. Когда рабочие-коммунисты задерживались на различных заседаниях, их жены звонили Лаврентию как к другу и руководителю, и он теплым словом неизменно успокаивал взволнованных людей».

ЭПИЛОГ

Ночью спалось плохо. Приснился кошмарный сон, и уснуть он уже не смог. Наступило утро 13 июня 1937 года. В 9 часов утра, когда он вызвал машину, чтобы ехать на работу, раздался телефонный звонок.

— Лаврентий Иосифович, — это был голос секретаря приемной, — только что получена телеграмма из Москвы. Вас вызывают в Центральный Комитет партии.

— Когда? Кто подписывает телеграмму?

Ответ секретаря он выслушал, надевая летний чесучовый пиджак.

В тот же день обком санкционировал его отъезд в Москву.

Стояла жаркая пора. В день отъезда Лаврентий работал по-прежнему допоздна. Завтрак лежал нетронутый в конце приставного стола. Ехать не хотелось, да и времени не было отвлекаться от неотложных дел.

Домой вернулся за два часа до отхода поезда. Тщетно напускал на себя беззаботность и веселое настроение.

— Вот вызывают меня в Москву, — сказал он жене. — Тебе ехать на этот раз, видимо, нет смысла. До отъезда осталось не так уж много времени, может покормишь на ночь глядя.

Это было сказано, чтобы чем-то отвлечь встревоженную женщину. Не до ужина ему нынче было.

— Провожать не надо — и поздновато, да и выглядишь усталой, — и он быстро вышел.

...Медленно, словно нехотя двинулся поезд. Лаврентий стоял у окна и пристально всматривался в тонущие во тьме пригороды. Волчьей хваткой стиснуло недоброе предчувствие. Почему-то подумал, что не вернется больше домой.

Прилег на койку, стал обдумывать возможную причину неожиданного вызова в Москву. В памяти всплыло лицо Яна Гамарника. Что вынудило этого бесстрашного, несокрушимого человека, заместителя наркома обороны, верного сына партии и народа пустить себе пулю в лоб? Лаврентий скорее усомнился бы в себе, чем в нем. А Блюхер, Затонский, Тухачевский, Бубнов? Ему становится трудно дышать.

Поезд входил в очередной туннель. В купе ворвался едкий паровозный дым. Картвелишвили прикрыл окно, налегая силой на отполированную раму. Снова прилег и уснул ненадолго. Стало душно, и он вновь открыл окно, жадно вдыхая свежесть морской прохлады.

Лаврентий мысленно восстанавливал пройденный жизненный путь. Особенно последний бурный период, насыщенный сложной внутрипартийной борьбой. Взвешивал все за и против содеянного, вспоминал все досконально — не ошибся ли в чем-нибудь главном и оп-

ределяющем, не заставила ли свернуть с правильного пути человеческая слабость?

Как наспех смонтированные кинокадры, протеслась перед ним вся жизнь...

Вот он впервые приезжает в Советскую Грузию. Радость встречи с родителями, братьями и сестрами. Первые волнующие беседы с освобожденными трудящимися Грузии, с их руководителями, партийными и советскими работниками, с делегатами II съезда Компартии Грузии.

На последнем заседании съезда 18 марта 1923 года Лаврентия избрали в состав Центрального Комитета Компартии Грузии, а вскоре, на первом же пленуме, — секретарем. На следующий день он участвовал в работе II съезда коммунистических организаций Закавказья. Среди делегатов много друзей и товарищей по большевистскому подполью.

...Вот Миха Цхакая, Шалва Элиава, Авель Енукидзе, Анастас Микоян, Серго Орджоникидзе, Ваню и Георгий Стуруа, Мамия Орахелашвили, Михаил Фрунзе, Александр Мясников, Нина Аладжалова, Леон Мирзоян, Кара Караев, Саша Гегечкори и многие другие...

Встречи с ними навеяли много дум и воспоминаний. Впрочем, времени для воспоминаний нет. Впереди сложнейшие проблемы, требующие немедленного и правильного решения. Не так легко справиться с тяжелыми последствиями антинародной политики меньшевиков. К тому же тревожные факты отклонения от генеральной линии партии, раскольническая работа национал-уклонистов, короче, пора горячая, беспокойная.

Анализ обстановки да и съездовские перипетии окончательно убедили Лаврентия в том, что успешно строить новую жизнь невозможно без братского сотрудничества трудящихся Закавказья, всех советских народов, без их теснейшего политического и экономического союза. А национал-уклонисты били именно по этой цели.

Он детально восстанавливал в памяти все аспекты этой выигранной партией битвы. Его неволью охватывала гордость от сознания, что в этих баталиях он был в авангарде борцов за единство рядов партии, против тех, кто выступил с ревизией ленинской гене-

ральной линии. А сколько сил и энергии унесла борьба с троцкистами... С самого же начала для него было ясно — без идейного и организационного разгрома троцкизма нечего и думать об успешном построении социализма.

Вспоминает он недалекое прошлое, и свет надежды рассеивает туман мучительных сомнений. Его самоотверженность и преданность партии не остались незамеченными. Вскоре пленум Закавказского Краевого Комитета партии, который избрал Лаврентия Картвелишвили вторым секретарем Заккрайкома, ввел в состав его президиума и секретариата.

Конечно же, борьба со вчерашними друзьями и товарищами, которые встали на ложный путь, свернули с генеральной линии партии, вызывала душевную боль. Но политика есть политика, она требует принципиальности, непреклонности, последовательной, бескомпромиссной борьбы на грани жизни и смерти.

Как он успевал справляться со всей этой сложной и многогранной работой! Ему приходилось присутствовать или самому проводить заседание Президиума и Секретариата Центрального Комитета Компартии Грузии, заседания президиума и секретариата Закавказского Краевого Комитета партии, которые, как правило, проводились почти каждый день. Командировки в различные районы Грузии, Армении, Азербайджана. Много времени уходило на командировки в Киев. В тот тяжелейший для всей партии год, когда ушел из жизни Владимир Ильич и когда моментально подняли головы троцкисты, зиновьевцы и другие раскольники, Лаврентий был вынужден остаться на Украине весной, летом и осенью, возглавить борьбу партийных организаций Киевской губернии против антиленинских групп и течений.

В последующем 1925 году он чаще бывал на Украине, но уже с меньшими интервалами, чем в предыдущем.

IV съезд коммунистических организаций Закавказья вновь избрал его секретарем Заккрайкома. Это было 9 декабря 1925 года. А всего через 5—6 дней он направился в Москву, чтобы принять участие в работе

XIV съезда партии. Лаврентий никогда не забудет этот съезд, разгромивший «новую оппозицию», сколоченную Зиновьевым и Каменевым.

По возвращении он проникся сознанием того, каких сверхчеловеческих усилий потребует осуществление индустриализации страны, но готов был к этому генеральному сражению и морально, и физически. Кажется, гору сдвинуть — и то ему под силу. О, какую радость испытал он, когда своими глазами увидел первые результаты самоотверженного труда народа, стольких бессонных ночей! В июне 1926 года была передана в эксплуатацию Земоавчальская гидроэлектростанция. На торжества приехал Михаил Иванович Калинин. Никогда не забудет Лаврентий дружеской, теплой беседы с ним.

После ЗАГЭСа подряд входили в строй новые фабрики и заводы, большие и малые гидроэлектростанции, развивалась легкая и пищевая промышленность. Большую часть времени он проводил на заводах, новостройках, в колхозах и совхозах. Ему ежедневно приходилось бороться с явными и скрытыми врагами Советской власти, призывать к порядку нерадивых хозяйственников, приводить в чувство маловеров и паникеров.

Лаврентия выдвигают на высокий пост председателя правительства Грузинской Советской Социалистической Республики. Это большое доверие, большой почет и большая ответственность. Но когда его смущало трудное дело или сложное задание?

Предсовнаркома Грузии выступал перед трудящимися Абхазии, Аджарии, Южной Осетии, в различных районах и городах, посещал новостройки, вникал в работу строителей, инженерно-технического персонала.

И опять острая схватка с троцкистами, борьба против их раскольнических действий и в республике, и за ее пределами.

Весной 1929 года его вновь перевели на Украину, где он возглавил Политуправление Украинского военного округа. А вскоре избрали членом Оргбюро и Политбюро Центрального Комитета КП(б) Украины, вторым секретарем ЦК. Летом 1930 года на XVI съезде ВКП(б) Картвелишвили стал кандидатом в члены Центрального Комитета партии. В ноябре 1930 года его из-

161935940
013-0110333

брали первым секретарем Закрайкома. В этой должности он проработал до октября 1931 года. Это был, пожалуй, самый значительный период деятельности Лаврентия Картвелишвили в Закавказье.

...Воспоминания о Тбилиси связаны и с большим личным горем...

Перед ним в гробу горячо любимая дочь Лена. Как она молила его о спасении... Лаврентий помнил ее последний взгляд, последнее движение рук, тянувшихся обнять его. Случилось так, что некому было утешить надломленного тяжелой утратой Лаврентия. Роза вскоре надолго уехала в Москву на учебу. Навероятно трудно было в такие скорбные дни разочароваться в любви и дружбе. Что бы он делал без Ольги Никитичны? Ангелом-хранителем появилась она на небосклоне его отравленных дней. Вскоре они поженились.

В 1932—1933 годах Лаврентий — второй секретарь Краевого Комитета Западной Сибири.

В первой половине тридцатых годов в Европе и на Дальнем Востоке возникли очаги войны. В связи с этим в марте 1933 года Центральный Комитет партии принял постановление об усилении руководства Дальневосточным Крайкомом. В конце марта того же года Картвелишвили избрали первым секретарем Дальневосточного Крайкома. Лично от Сталина получил он директиву в кратчайший срок превратить Дальний Восток в арену гигантского индустриального строительства, в неприступную для любого врага крепость. Отчитываясь перед самим собой, Лаврентий с чистой совестью мог сказать, что сделал все возможное для успешного выполнения этого сложнейшего задания партии.

22 декабря 1936 года его назначили первым секретарем Крымского областного Комитета партии. С обычной энергией и полной самоотдачей приступил он к этой новой работе.

...Поезд остановился на станции Тула. До Москвы рукой подать...

Скоро оборвался и жизненный путь Лаврентия Картвелишвили.

Вахтанг ОРБЕЛИАНИ

ПОВЕСТЬ О ПЕТЕРГОФЕ, ИЛИ О ПАРКАХ, САДАХ И ДВОРЦАХ ГОСУДА- РЕВЫХ, КОИ Я ЛИЦЕЗРЕЛ И ОПИСАЛ...

Я, Вахтанг Орбелиани, в августе 25 дня, года 1736, в царствование ее величества, великой государыни императрицы Всероссийской Анны Иоанновны, многие злоключения, выпавшие на долю мою, преодолев, пребывал в державном граде Петербурхе¹. В ту пору сама великая государыня отправилась в место летнего пребывания своего, что воздвигнуто было царем царей, Петром Великим. Туда же и грузинские царевичи, и князья их направились. И как прибыли (оттуда), сказывали дивное о местах тех прекрасных и дворцах, там расположенных. И побудило это меня места сии неведомые лицезреть. И, в подражание друзьям моим, пожелал я в путь отправиться. И взошел я на корабль и по реке, Невой прозываемой, поплыл туда, где палаты царские находились. И по Неве, наконец, к

¹Петербург.

«Повесть о Петергофе» (или «Описание Петергофа») Вахтанга Орбелиани дошла до нас в четырех рукописях. Это рукописи S 2770 и H 610 (Институт рукописей АН Грузинской ССР), рукопись № 271 (Историко - этнографический музей в Кутаиси) и рукопись № 23 (18) (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде). Автограф не сохранился. Две рукописи были опубликованы. Первая публи-

кация текста «Повести о Петергофе» осуществлена А. Джамбакур - Орбелиани в 1857 году (журнал «Цискари» № 9, сентябрь). Самый ранний список рукописи, хранящийся в Кутаиси, был сделан в 1780 году. Он опубликован Д. Брегадзе (см. его исследование «Грузинские писатели в России» (XVIII век), кн. I, Тб., 1958, с. 323—341, на грузинском языке) и является оригиналом для настоящего перевода на русский язык. Следует отме-

побережью морскому приплыли и на Запад повернули. Погода была погожей, и благополучно, спокойным морем, без волнения, ветром благостным овеваемые, плыли мы. И как мимо вали верст несколько, моряки сказали: «Вот дворцы, что угодно вам лицезреть». И увидели мы, как вдали какие-то строения белоснежные показались. И они же сказали: «То, что в чащах зеленых искрам и дыму подобным кажется, то струи потоков водяных, ввысь взлетающие». Не услышь я и от царевичей, и от людей просвещенных, что воды могут в вышину вздыматься, никогда не поверил бы я в оное.

И когда приблизились мы к суше, то узрел я холмы и луга, рощицы и пристани, водами морскими омываемые, то тихими, то бурливыми. И увидел я кущи прекрасные на бреге морском, и диву дался великому, сие чудо рук человеческих лицезрея. И видение Иоанна на Патмосе вспомнилось мне, и взмолился в душе я, дабы язык мой передать смог бы слогом достойным все то дивное и прекрасное, что очам моим представлялось.

На просторе в треть версты, на краю холма протяженно-го искусно воздвигнутые строения возвышались. И лучших не знал я и не видывал. И проплыв еще немного, направились мы к палатам царским, к пристани, что была в гавани тихой выстроена. И причалены у ней были суда большие и малые без числа, и военные корабли, и лодки прогулочные разные. И мачты их, точно лес дремучий, стояли. И разноцветными флажками украшенные, они на горки, цветами усыпанные, походили. И возвышались со всех сторон ограждающие гавань стены, камнем тесанные и крепости подобные. И стража военная, на них стоящая, спрашивала прибывающих, кто они и куда на-

тить, что это описание летней резиденции русских царей в древней грузинской литературе не единственное. В поэме «Вахтангиани» неизвестного автора, где повествуется о переезде царя Картли Вахтанга VI (1675—1737) со свитой на жительство в Россию, его жизни в Москве и Петербурге, имеется также пространное описание Петергофа, который Вахтанг VI, члены его семьи и приближенные посетили по

приглашению императрицы Анны Иоанновны.

Вахтанг Орбелиани происходил из известного рода князей Орбелиани, сыгравшего большую роль в развитии политической и культурной жизни Грузии XVII—XIX вв. Он племянник Сулхана-Саба Орбелиани, известного политического деятеля, писателя и лексикографа, приближенного царя Вахтанга VI, и сын Вахушти Орбелиани, военачальника

правляются. И взошли мы на стены сии² и увидели, что до ту сторону также воды канала текут. И сдерживаемы были они в месте просторном заграждениями дощатыми³, один выше другого расположенными. И сказали про то: «Корабли по водной лестнице сей поднимают». Не увидевший того людям сведущим не поверил бы. Стоял там помост из досок, дивно выструганных, и подпираемый сваями бесчисленными. И поднявшись на него, увидел я нечто чудное, и вспомнил я Павлом сказанное: «Что не узрело око человеческое, сердцем не постигнуть».

Остолбенел я, дар речи потеряв и представление, в частности, на Севере я иль на Востоке. И сказал себе: «Истинно, это Эдем и есть. И здесь мог бы узреть я Еноха и Илью, и здесь древо жизни могло бы произрастать и первый человек пребывать». И почал прародителя Адама укорять я: «Почему был ты изгнан и утратил блаженства жизни невыразимые?» И как только очнулся я, то молвил: «О чем ты, головушка бедовая, думаешь? Откуда тут быть Эдему и откуда же быть тут Еноху и Илье? Там знаешь ты одну реку, четверем другим жизнь дающую, а здесь зришь родники, низвергающие воды, которым несть числа. Там нет обиталища человеческого, а здесь зришь ты строения прекрасные». И подумал я: «Что же это?» И окинул взглядом окрестности дивные, тополями осеняемые, и сказал: «Это и есть дворец царя царей Петра Великого, для летнего пребывания его выстроенный, и для лицезрения коего и приехал я из Петербуха». И как стало

² На дамбу.

³ Шлюзами.

при дворе царя Георгия XI.
При переезде Вахтанга VI в Россию в его многочисленной свите находилось несколько представителей семейства Орбелиани, в том числе Сулхан-Саба и митрополит Николоз. Вахтанг Орбелиани оставался в Грузии. В 1735 году он приехал в Россию, как предполагают исследователи, с политической миссией. Он жил в Москве, затем в Петербурге и спустя три года вер-

нулся на родину. Посетив столицу и ее окрестности, он создает «Повесть о Петергофе», представляющую собой живое и восторженное описание дворцов, парков и фонтанов, созданных по указу Петра I. «Повесть...» пользовалась широкой популярностью у современников В. Орбелиани и распространялась в списках.

Для передачи великолепия и красоты всего, что представило перед ним в Петергофе,

сознание мое ясным, почал я обходить и осматривать места, окрест расположенные. И то, что ногами своими обошел я и что узрел очами своими и познал, то и описал, а чего не познал о том не пишу.

И предстал я перед местом пространным, с тщанием выровненным, и с малыми водоемами, запрудами образованными. И там, и сям сами собой вздымались ввысь из отверстий бесчисленных струи воды чистые и серебром отливающие, число и разнообразие коих не известно. И из каждого из бесчисленных отверстий, дивно выточенных⁴, вода извергалась разным по виду потоком. Некоторые были подобны великолепным застывшим ветвям дерев заморских. И предстал я пред местом, где из рукотворного камня вставал Самсон, льва повергнувший и двумя руками пасть его разрывающий. И у льва из пасти била струя воды такой высоты, что, клянусь светом дневным, ничего подобного я не видывал. И кабы вода глаголить могла, то поведала бы о судьбе Этери⁵ и о многом другом, что не можно высказать. И прекрасные, из тесаного камня или мрамора люди, звери или пресмыкающиеся, семиджиды изгайные и позлащенные, попарно и насупротив стоящие и сидящие, все они из ружей и пистолей, изо рта или ушей, из пастей и ноздрей, все эти киты, крокодилы, львы и тигры щедро друг на друга потоки воды изливали длинными и короткими струями. И под струями теми искрящимися прошли мы по настилу мраморному. И хотя из-под каждого скопле-

⁴ Речь идет о многообразии фонтанных насадок, придающих ту или иную форму изливающейся водной струе.

⁵ Героиня грузинского народного эпоса «Этериани».

В. Орбелиани счел необходимым прибегнуть к художественным сравнениям, метафорам и гиперболам, сохраняя в то же время предельную точность в описании памятников архитектуры и фонтанного искусства. Некоторые из них не дошли до нашего времени — и потому литературное произведение В. Орбелиани приобретает также известную научную ценность. Кроме проза-

ического сочинения «Повести о Петергофе», перу В. Орбелиани принадлежит несколько стихотворений. Имеются сведения и о его научных интересах. Исследователи творческого наследия В. Орбелиани приходят к заключению, что он был даровитым писателем, многосторонне образованным человеком, большим патриотом и поборником русско-грузинского сближения.

ния камней замшелых вырывались тонкие струйки воды, прохожего они неприятно не обрызгивали. И идучи путем тем, вошли мы в покой трехсводчатый, что дивно весь был выложен жем несметным числом разноцветных мелких камней. Стены его украшали также разной формы, разбросанные то выше, то ниже, вместилища воды, приятно журчавшей⁶. И в покое том сводчатом на мраморе располагались вазы, кувшины или чаши и большое число иных разных сосудов, искусно выточенных, золотом расписанных и узорами разными изукрашенных, позолоченных и лазурью отделанных. И изливали они воду струями, подобными емкости сосудов тех, на пол расписной, мозаичный. И затейливые красочные узоры того пола из-под льющейся воды виднелись.

Это творение дивное с обеих сторон обрамляли равномерно чередующиеся террасы, коврами зелени покрытые. А на прекрасном лугу стройные ели неисчислимые, выстроенные рядами и равные по высоте возвышались. И прошли их, и луг, и палаты дворца царского, и все чудеса рукотворные — водометы и источники, мною упомянутые. Все это — и рощи раскинувшиеся, и сады и луга цветущие, и гавань — пристанище кораблей и лодок, и прибытие и отплытие оных, и даль морскую в ее изменчивости — дворец царский обзревал и наблюдал с возвышенности. Ну, а о красоте самого строения того лучше не спрашивайте. Имеющий разум вообразит его сам. И так молвил бы любой, узревший дворец. А про дивосад, что видел я выше дворца, перед ним и ниже него, я буду повествовать дальше.

В одном конце сада нижнего дом для отдохновения государя Петра находился. Стены его обиты были заморскими тканями индийскими, узорчатыми и расписными затейливо. И стоял там диван, так же тканями богатыми и нарядными застланный, мягкий и к отдохновению призывающий. Увидевшему не позабыть его навеки. С одной стороны дома того был бассейн, по-разному разгороженный. Рыбы диковинные, заморские в нем плавали. И пришедший человек, в колокол ударив, рыб тех вызывал на поверхность. А как уходил он, рыбы на дно погружались.

Дом сей искусно резные с проемами решетчатыми ограды окружали⁷. Вокруг водометы дивные, ввысь стремящиеся, и беседки тенистые, увитые плетью зелени цветущей, располага-

⁶ Речь идет о гроте Большого каскада.

⁷ Речь идет, по-видимому, о садовых трельяжах.

лись. И росли там кусты и клумбы, радость жизни дарящие. А земля цветами и травами была так устлана, что ходить было с бережением, ибо травы густые, оковам подобные, обвивали и пешеходу помехой служили.

В месте другом был еще один дом, куда мы и вошли. И стояла там скамья, на коей человека три могли уместиться. И как воссели мы на нее, скамья эта взвилась вверх молнии блеску подобно, и переместила нас в верхнее помещение, красивое по убранству своему и где не было ни души. Посреди зала стол стоял, на несколько кувертов накрытый. И что только бы мы ни пожелали, посуда исчезала и подымалась тут же обратно, тех яств до краев наполненная. А как решили уходить, сели мы на скамью ту, что подняла нас наверх. Она же и опустила нас вниз. Дом сей кругом был ровом окружен и заполнен водой, как зеркало сверкающей и отражающей сень садов и атласную листву дерев зеленых и плодоносящих. И истинно отрадной была местность та, где дом сей располагался, охраняемый людьми, время от времени сменявшимися друг друга.

И пошли мы вдоль сада, и два больших бассейна нам встретились. В середине каждого из оных на мраморных пьедесталах стояли мраморные же, на одном — Адам, а на другом — Ева. И бьющие снизу шестнадцать струй на изваяния воду изливали. И усмотрел я в том, что омываются они водою Христовой, дабы смыть с себя грех первородный, в коей и мы были ввергнуты. И по-другому понять сие не можно.

В другом месте был бассейн малый. И в нем четыре утки и собачка плавали. Она гонялась за плывущими птицами. Собачка лаяла, а утки крикали. И дивился я всему этому. А как то свершалось — не знаемо.

И встретился по пути затейливый домик. Внутри одного из окон колокольчики из стекла прозрачного, малые и большие, висели. И молоточки, тоже малые и большие и золочеными узорами изукрашенные, над краем каждого колокольчика покачивались. И ниже них устройство было, водой вращаемое. И когда вода подавалась, колесо вращалось и приводимые им в движение молоточки били по колокольчикам. И колокольчики те стеклянные звуки, похожие на органные и звон кимвал, издавали, истинное удовольствие слушающим доставляя. И среди многих чудес дивило меня — как же водой движимые молоточки, ударявшие по тонким и хрупким

колокольчикам, их не ломали, а те издавали благозвучие сладкое⁸.

И пошел я дальше и пришел к дому, где и в зимнее время деревья заморские диковинные стоят цветущими⁹. И поразило меня там обилие и разнообразие цветов благоухающих и аромат, ими источаемый, райскому подобный. И хоть край сей местом жестоких холодов славен, в доме том все так дышало летом вечным, что и зимой здесь не было недостатка ни в цветах прекрасных, ни в плодах зрелых. Пространно надобно было бы перечислить все виденное мною, но описал я кратко, ибо не знал хорошо, что за плоды зрели на ветвях тех деревьев и что за цветы цвели в доме том. И должен сказать я, человек южных краев, выросший в Грузии, что удивили меня яблоки заморские, ветви коих переплелись так, что и искусные мастера не соткали бы подобный ковер. Ни одного лишнего листочка не было на ковре том живом, и яблоки, точно щечки красной девицы или нежные перси девицы, из завесы зеленой выглядывали.

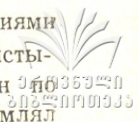
И двинулся я дальше в путь. И проходя садом тем, замечал в аллеях тенистых беседки с хрустальными стеклами и беседки, сплошь увитые растениями разными и цветами усыпанными. И зря все это, нельзя не вспомнить ангела Захарии, дар речи утратившего, и хочется уста невежественные уздой перехватить. Хотя, если дали бы мне лиру Давидову и мудрость Соломонову, то воспел бы я хвалу великую всему оному и все-таки не сумел бы описать то, что хотелось.

На берегу моря с дивным искусством воздвигнутое стоит строение, что Моплезиром¹⁰ прозывается по-французски и переводится «Отрада моя». И воистину, отрада сие и есть, радость сердца и разума, печаль глубокую изгоняющая и счастье неопишное вселяющая. Красота и затейливое убранство дома сего беспредельны. И стал он отрадой и мне, едва я вошел под крышу строения высокого и светлого, с чудными росписями на стенах, живым подобными, и из окон коего море обозревалось как на ладони. А вокруг дома того скамьи были расставлены для отдохновения. Окрест размещались малень-

⁸ Автор описывает ныне утраченный инструмент, известный под названием «Колокольня, которая ходит водою» или «Клокшпиль» и установленный в одной из галерей нижнего сада в 1724 году. (См.: В. Ардикуца. Фонтаны Петергофа. Л., 1972, с. 86):

⁹ Речь идет об оранжерее.

¹⁰ Монплезир.

кие беседки, стены коих внутри были дивными изображениями разных сцен из басен и притчей расписаны и сверкали чистыми, яркими красками, когда-либо виденными мною. Диван по образу китайскому, в одной из беседок стоящий, ошеломлял замысловатостью украшений. Резные решетки тончайшие в оконных проемах и перегородки из сандалового дерева были работы филигранной и звездами затканый небосвод напоминали. А пол украшали наборные узоры цветов рассыпающихся из бело-красного сандала. И аромат оног вызывал сердцебие-ние и волнение души и сердца. И каждая из беседок или домиков, больших и малых, там и сям располагавшихся, имела садики свои, эдему подобные, дурманящие ароматы дерев апельсичных источающие. И радовалась душа при виде беседок тех, скрытых наполовину зеленью искусно посаженных рощиц.

И плоды улаждающие, и цветы, ароматом обоняние ублажающие и жизнь продлевающие, и край сей отраднй, и виднеющееся на заре в блеске солнечном море бескрайнее, темнили разум человеческий, поражая как громом небесным. Деревья, одни как бы коронами изумрудными украшенные, а другие точно зелеными атласными плащами окутанные, деревья эти, нежно морским ветерком колышимые, листвою своею шелестели. И сень их отдохновенная, и розы, бархатом ланит манящие, и места сии блаженные, в душу человека навсегда западающие, и цветы, коврами стелящиеся, и ароматы благостные, источаемые ими, манили идущего присесть укомно и тайны сердечные кому-то поверить. И возлежать бы там в мечтаньях самому Соломону, и прогуливаться бы там пристало королеве южной. Что же сказать о плеске волн морских убаюкивающим? Восхвалить его трудно. А коли трудно — умолкнуть надобно. И я умолкну и перейду к описанию садов, что пред дворцом раскинулись.

Обошедши нижний сад цветущий, райский, поднялся затем я в такой же верхний, преддворцовый, расположенный у палат царских. Как только вошел в ворота и заглянул в аллею, то узрел фонтаны многоструйные, журчащие благозвучно. И направился я к ним. Посреди одного большого бассейна стояло древо ветвистое с листьями зелеными. И из ствола и ветвей воды ввысь вздымались и рассеивались. И трудно было поверить, что древо сие не природное, а рукотворное. И окрест древа в бассейне том же золоченые изваяния людей в облике львов, тигров, собак и других зверей восседали. И из пастей всех тех зверей и животных вода изливалась.

С другой стороны был большой бассейн. И водоем сей

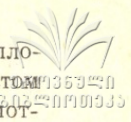
море Черное воспроизводил, что по сказанию библейскому Мансей перешел, и куда устремилась искусно изваянная колесница с фараоном, четырьмя скакунами запряженная, а также всадники блестящей свиты, и конные музыканты-трубачи, на трубах средней величины играющие. И из глаз, ушей, ноздрей и оскаленных морд лошадиных, и из труб струи воды били. И люди сии, и лошади, которые наполовину погрузились в воду, а некоторые были уже по голову под водой, и царь, и свита его, с дивным искусством изваянные, позлащены были¹¹.

И еще много прекрасных водоемов и водометов струило воду, и в них часто встречаемы были изваяния людей в облике разных животных. И диву давался человек от лицезрения цветников и кустарников, те водоемы обрамлявших. Многочисленные и разнообразные деревья и цветы красотой своей и затейливостью божественно прекрасных мужчин и женщин напоминали.

Так, кусты подстриженные были точно волосы, у Иосифа Прекрасного похищенные, пушистая пышность некоторых из них казалась у Зилихи украденной, стройность прекрасных елей — у Меджнуна одолженной, а пурпурность цветка заморского у уст Лейли заимствованной. Томность и красота нарциссов казались почерпнутыми из глубин печали Таризловской, блеск же роз — от ланит Нестан-Дареджан. Кровь, Хосровом пролитая, в иудином древе воспламененной, а нежность бутона касатика у точеного носика Ширин взятой. Стройность тополей у Автандила заимствованной, а алость маков, цветку граната подобная, — у Тинатин. Мак-дурман подстегивающему кнуту сына Дареджанова непобедимого был подобен, а гиацинт — облику прекрасному Хорешан¹². Сокирки гибкому стану Оманову уподоблялись, а гвоздика устам Гулан-

¹¹ В. Орбелиани дает здесь описание ныне не существующего фонтана. Он был разобран в 1797 году из-за ветхости. Ошибочно интерпретируя декоративное убранство его как воплощение библейского сказания об исходе Мансея из Египта, В. Орбелиани описывает фонтан, известный в литературе под названием «Телега Нептунова», установленный и пущенный в действие как раз в 1736 году, т. е. в год пребывания автора в Петергофе (См.: В. Ардикуца, Фонтаны Петергофа. Л., 1972, с. 140).

¹² Сын Дареджанов (Амиран) и Хорешан — персонажи памятника древнегрузинской литературы XII века — «Амирандареджаниани» М. Хонели.

дам¹³ подражала. И от лицемерия великого множества плодов и цветов мутился разум человеческий. Лимоны ароматом и округлостью своею с персями женскими были схожи. И смотрящий на гроздь сирени точно зрил ушко любимой под локном. И куда ни пошел бы ты, отовсюду фиалки к тебе лик свой обращали, а подсолнухи смело зеркала свои преподносили, и коли был бы ты женщиной, то обозрение пестро цветущих лужаек заставило бы очи твои искриться, а коли был бы ты молодцем добрым, то о блеске очей любимой возмечтал. И было еще многое удивления достойно в саду том, искусно насаженном.

И если бы язык Шота¹⁴ вдохновенный был даден мне, то и тогда не смог бы описать я кусты большие, диковинно стриженные, птицам и зверям подобные. Стройные же ряды деревьев равной высоты, аллеями протяженные, и решетки частые трельяжные, и беседки, где столы и скамьи резьбы сказочной поджидают прохожего, описывать тщетно. Местность сия, жизнь вливающая в сердце, к радости призывала. Поклонящегося Эдему звала она к любви возвышенной, а жизнелюбец здесь зело ласки любимой возжелал бы. И кто сможет истинно поведать о красоте садов райских сих, сердца человеческие радостью возжигających, омываемых водами блистающих и серебром искрящихся водометов, бассейнов и разных водоемов? И какой ритор об отраде и блаженстве там пребывающих мог бы повествовать правдиво? И кому ведомо, сколь многочисленные блистательные вельможи, старцы и зрелые мужи, юноши и девы прекрасные с челядью своею, в золотные одежды наряженные и драгоценными украшениями осыпанные, на рукотворных лугах изумрудных чинно прогуливались? И кто кому был желанен, походкой легкой рядом прохаживались. Одни устами, розе подобными, сердечно увеселяли друг друга, другие смехом звонким окрестности оглашали, третьи — тешили себя пиршествами и из разноцветных кубков вина разные пили. Одни охотой забавлялись, стреляя

¹³ Сокирки восточные — ботаническое название цветка Сосани в грузинском тексте «Повести о Петергофе». Оман — герой, известный своей исполинской силой, персонаж поэмы «Оманиани» (XVII в.). Гуландам — китайская принцесса, героиня переводного (с новоперсидского) памятника грузинской литературы XVIII века «Барамгуландамиани».

¹⁴ Шота Руставели.

по птицам. Другие предпочитали кокетство и состязались в искусстве любовной игры, третьи, подражая щебету птиц, пели от всей души, либо тихо про себя напевали. А некоторые даже лобызались.

И этак в радостях земных находили они отраду свою в краю том райском, появляясь и прогуливаясь по тенистым аллеям, то заполняя их, то исчезая, то непринужденно располагаясь на отдых на скамьях под сводами беседок или в тени увитых зеленью галерей, вольно резвясь и шая, как юности свойственно. И трудно перечислить, сколько прекрасных женщин, нежных и кокетливых, увлекали за собой в вихрь веселия и развлечений, полные радостных душевных порывов и соблазна... И дивился я, столь опечаленный и скорбный, их беззаботности, всматривался и заключал — не всегда оные душой всецело отдаются отраде веселия и наслаждения. Лишь после высоких трудов богоугодных и государственных дел служения отчизне и государыне, заслуженно и возблагодаря господу нашего, посвящали они досуг свой праздному веселию и радостям жизни.

Перевод и предисловие Инги БАХТАДЗЕ и
Надежды ДИМИТРИАДИ

Н АСТУПИЛ 1921 год. В Грузии установилась Советская власть, и огромные социальные перемены тотчас сказались на организации труда в той области деятельности, к которой готовил себя Александр Мелик-Пашаев. Был создан Союз работников искусств (РАБИС), и юноша, который только что окончил реальное училище и встал перед необходимостью начинать трудовую жизнь, сразу вступил в этот союз в качестве пианиста-аккомпаниатора. Через несколько дней он был направлен в один из тифлиских кинотеатров, где фильмы сопровождалась игрой небольшого оркестра. Шура должен был исполнять свою партию вместе с оркестром и в перерывах между номерами импровизировать некие музыкальные иллюстрации к происходящему на экране и модуляционно подготавливать тональность следующего оркестрового фрагмента.

На этой должности Шуре пришлось трудно, и виновником первых его служебных неприятностей явился дирижер. Да, первая встреча с дирижером лицом к лицу никак не могла расположить Шуру в пользу этой профессии. Вот как описал Александр Шамильевич по-

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ДИРИЖЕРА
АЛЕКСАНДРА
МЕЛИК-ПАШАЕВА

Александр
МЕЛИК-ПАШАЕВ

СЕМЬ СЕЗОНОВ В ТИФЛИССКОЙ ОПЕРЕ*

* Глава из книги А. А. Мелик-Пашаева «Звучание жизни» (творческая биография дирижера А. Ш. Мелик-Пашаева), подготовленной издательством «Хеловнеба» («Искусство») г. Тбилиси.

стигшую его в кинотеатре участь: «Дирижером оркестра был некто Ф., сангвинический мужчина с простуженным голосом. Он тотчас постиг мою неопытность и не давал пощады. «Безнаест, фантазируйте!» — хрипел он с пульта, тараща на меня глаза. Он, по-видимому, сразу решил мою судьбу и не давал себе труда узнать мою фамилию. Я робел и перебирал клавиши как придется. Дня через три маэстро заявил мне, что я «сырой», и мои гастроли в кинематографе закончились. К слову сказать, когда я, спустя несколько лет, стоял за дирижерским пюпитром Тбилисского оперного театра, он, будучи скрипачом, играл под моим управлением и невозмутимо говорил мне, что давно предвидел мой путь. Я подивился не столько его прозорливости, сколько способу, которым он осуществлял свое предвидение».

Но Ф., право, послужил орудием всеведущей судьбы: пришлось заняться поисками работы, и они сразу привели Шуру на его настоящую дорогу.

В доме Мелик-Пашаевых давно и часто бывали оперные артисты; дружеские встречи сопровождались сольным и ансамблевым пением; был теперь и свой пианист. И однажды певец Искандер (А. Алиханов) предложил Шуре работать с ним, аккомпанировать на его уроках с учениками. Занятия проходили в доме у Алиханова, где вскоре и произошло очень важное для Александра Шамильевича событие.

«Однажды во время урока, — вспоминает Александр Шамильевич, — вошел в комнату высокий стройный мужчина со смуглым лицом мулата. Толстые губы и живые навывкате глаза довершали сходство. Одет он был по-актерски изысканно, в визитке, крахмальном воротничке и брюках в полоску. Это был Леон Исецкий — ведущий бас Тбилисской оперы». Шура, проводивший в опере бесчисленные вечера, много раз видел Исецкого, но с большого расстояния от галерки до авансцены, то в лохмотьях Мельника, то в плаще Мефистофеля.

Искандер прервал на минуту занятие и представил гостью юного аккомпаниатора. Исецкий сел рядом с Шурой, внимательно прослушал урок до конца и тут же предложил ему быть его концертмейстером — разучивать и репетировать с ним оперные партии. Шура согласился с восторгом — это уже было настоящее участие в создании спектаклей. Работая в основном с Исецким, он помогал иногда и другим певцам и быстро сделался своим человеком в их кругу. Так определился путь Александра Шамильевича к дирижерскому пуль-

ту через этап серьезной концертмейстерской работы. Путь этот заключает в себе огромные преимущества для будущего дирижера оперных спектаклей.

Аккомпанируя, он учится направлять певца, но прежде всего помогать, поддерживать, служить ему. Он развивает в себе чувство ансамбля и осваивает азы этики сотворчества, приучаясь гармонически сливать свое творчество с чужим ради общей цели. Он по-настоящему понимает все технические трудности вокализации, обретает эмоциональный контакт и как бы единое дыхание с певцом (сколько раз артисты говорили об Александре Шамильевиче: «Он как будто поет с тобой вместе»; «Он словно переводит дыхание с тобой вместе!»). Он проникается единством музыки и слова, музыки и смысла. Недаром Бруно Вальтер утверждал, что лучший путь постижения вокального искусства и духа песенности — «...усердное музицирование с певцами в качестве аккомпаниатора и концертмейстера»¹.

Ну, а кроме того, аккомпаниатор приобретает профессиональную гибкость, умение легко «поймать» певца, когда тот поспешит или отстанет. Он постоянно расширяет и уточняет свое знание оперных партитур, а также осваивает стилистически иные сферы народной песенности и камерного музицирования.

Исецкий быстро ощутил в совместной работе «музыкальный потенциал» своего помощника и, понимая, что юноше следует прочно становиться на профессиональную дорогу, употребил свое влияние в театре на то, чтобы Шуру приняли на штатную должность пианиста-концертмейстера. Леон Николаевич действительно заботился о его будущем; для него-то лично это дело было невыгодным: он терял «своего» концертмейстера.

Сохранилось любопытное заявление, которое подал в театр подросток, не достигший еще 16 лет:

«Комиссару Госоперы

Александра Мелик-Пашаева

Заявление

Настоящим прошу зачислить меня в штат концертмейстеров Государственного театра. Аккомпанирую и прохожу с листа любую оперу и знаю более тридцати пяти опер наиболее репертуарных. Имею аккомпаниаторский навык, занимался со

¹ Исполнительское искусство зарубежных стран. Выпуск I. М., 1962, с. 58.

многими певцами, из которых наиболее известен Л. Н. Исецкому. Занимался также с Мазовецкой, Венадзе, Ервандели, Курбатовым. Теорию музыки изучал под руководством профессора Гартмана, на рояле брал уроки у покойного Швейгера, а дальнейшим музыкальным образованием обязан самому себе. А. Мелик-Пашаев».

Заявление было принято благосклонно, и с осени 1921 года началась для Шуры настоящая трудовая жизнь.

Дважды в день, утром и вечером, легким шагом проделывал Шура маршрут от Елизаветинской, через мост и Верийский спуск, по Головинскому к своему театру. Часто приходилось оставаться на работе и в течение всего дня. Помимо основной обязанности оперного концертмейстера — учить партии с певцами, Шуре с первых дней пришлось заниматься множеством других вещей. Он сопровождал концертные бригады в разные города Грузии и Армении, аккомпанировал на спевках, выступал в роли концертмейстера балета, проводил репетиции с хором. Вечерами ему случалось то дирижировать закулисными хорами, то играть на фортепьяно оркестровую партию арфы, то участвовать в концертах оперных певцов в составе инструментального трио вместе с превосходными скрипачами и виолончелистами; приходилось и суфлировать.

Знание партитур и аккомпаниаторский опыт делали его работу суфлера легкой для него и приятной для артистов: он обеспечивал им совершенное спокойствие. Лет 40 спустя, когда годы начали клониться к шестидесяти, а обязанности главного дирижера Большого театра казались все тяжелее, Александр Шамильевич как-то сказал, что вот, мол, стукнет шестьдесят, он сразу выйдет на пенсию, но останется работать суфлером. И нервы будут в порядке, и все-таки в театре... Я невольно рассмеялся, но не потому, что работа суфлера хуже какой бы то ни было другой. Просто я представил себе всю практическую неосуществимость такого перемещения кадров. Александр Шамильевич сказал совершенно серьезно: «Что ты смеешься? Знаешь, какой бы из меня вышел суфлер? У них такого никогда и не было, будь уверен...»

В условиях театральных будней того времени юному мастеру на все руки приходилось иногда выполнять фантастические с нынешней точки зрения поручения. Однажды приехал на гастроли певец В., обладатель тенора сокрушительной силы, но человек мало подготовленный в музыкальном отношении. Перед его разрекламированным выступлением в «Сель-

ской чести» П. Масканьи выяснилось, что гастролер знает партию Турридду очень и очень приблизительно. И Мелик-Пашаеву было дано особо важное задание. Он должен был, стоя в кулисе, не просто суфлировать персонально для В., но и ухитриться пропевать (!) тихонько начало фразы. Трудно представить себе, как он с этим справлялся. Но, во всяком случае, В. глаз не отрывал от дирижера, а слухом прикикая к спасительной кулисе, продержался до момента гибели своего героя, которой на этот раз нетерпеливо ждали и дирижер спектакля, и Мелик-Пашаев, и сам В. Публика ничего особенного не заметила.

Поступая в оперный театр, Шура поначалу не думал о том, будет ли он когда-нибудь дирижировать, а просто устроившись на работу «по специальности». Он с полным вниманием вникал во все области театральной практики, не считая их временным для себя делом, не оценивая как второстепенные по сравнению с тем, чем ему предстоит заниматься в будущем. Несколько лет работы концертмейстером, суфлером, «оркестрантом», хормейстером, постоянное пребывание в театре, причастность ко всем этапам подготовки спектакля дали в дальнейшем богатые плоды: для Александра Шамильевича не было малопонятных, «не своих» областей в жизни театра и в жизни спектакля. Для него практически не существовало неожиданностей и неполадок, которые могли бы его напугать или сбить с толку в ходе работы. Он научился рассчитывать репетиционное время с точностью до минуты. Научился учитывать взаимодействие всех компонентов музыкально-сценического действия, понимать и даже интуитивно чувствовать психологическое состояние каждого участника в каждый момент необратимого движения спектакля. Понимать, когда и какая нужна помощь, когда и что можно потребовать.

Важно и то, что Шура находился в постоянном рабочем контакте с дирижерами; незаметно для себя самого он усваивал приемы дирижирования, элементы техники, а главное — рано всем существом ощутил, что значит «быть дирижером». Речь идет не о роли дирижера как художника-интерпретатора, посредника в духовном общении композитора и слушателя, — все это пришло намного позднее. То, что 16-летний Шура усвоил тогда, было очень просто. Он понял, что быть дирижером — это не значит делать под музыку какие-то соответствующие ей движения. Это значит — извлекать эту музыку почти что из небытия, вести и направлять ее. Или иначе: дирижировать — не значит красиво держаться на гребне му-

зыкальной волны. Дирижер скорее уж похож на божество морских глубин, которое напряжением воли и мановением своего трезубца создает эти самые волны, поднимает их и ~~и~~ гонит и усмиряет. А сам он может быть и не ~~и~~ очень за-метен для непосвященных, и может казаться даже, что море играет волнами само по себе. Дальнейшие мысли и знания о роли дирижера ложились на реальную основу этого переживания, и это очень важно. Ведь всякий культурный музыкант может хорошо объяснить теоретически, каким надо быть дирижеру, но как же трудно быть таким на самом деле!

Коллектив театра не просто симпатизировал талантливому юноше и принимал разнообразные его услуги: много было людей, которые поддерживали его, старались помочь ему в его развитии.

Кроме названного уже Леона Исецкого, старшим другом Шуры стал знаменитый певец того времени Вано Сараджишвили. Как артист он запомнился Александру Шамильевичу волнующей красотой голоса, редкостной музыкальностью и сценическим обаянием настолько неотразимым, что даже в конце жизни, повидав немало артистов мирового масштаба, Александр Шамильевич затруднялся поставить кого-либо в этом отношении наравне с Ваном. Познакомились они осенью 1921 года во время военно-шефской поездки. Группа артистов отправилась с концертами по воинским частям Красной Армии, размещенным в Западной Грузии, и Шура, только принятый в театр, был послан с ними как пианист-аккомпаниатор. Знаменитый певец и юный аккомпаниатор чрезвычайно понравились друг другу, и после этой поездки Вано старался держать Шуру при себе: пел с ним на концертах в Тифлисе, брал его с собой на гастролы.

Выступления Вано Сараджишвили, особенно в грузинском и итальянском репертуаре, имели у публики ни с чем не сравнимый успех. Отцу запомнились вечера после концертов, когда он с усталым Ваном укрывался в номере гостиницы, а снаружи, под окнами, шумела грозная буря: толпа осаждала дом, требуя хотя бы появления кумира на балконе. Вано стал для юного Мелик-Пашаева неким романтическим идеалом оперного героя. Привлекала и его душевная открытость, доброта по отношению к друзьям, к коллегам, к народным певцам и вообще к людям. Навсегда остался в памяти Александра Шамильевича небывалый траурный спектакль «Абесалом и Этери», сыгранный в честь Ваном, безвременно скончавшегося в 1924 году. Абесаломом на сцене не было: покойный

Вано был несравненен и незаменим. Вокальную партию Абесаломы играл в оркестре виолончелист Эмиль Капельницкий, а место его на сцене отмечал луч света как знак невидимого присутствия любимого певца. Впечатление было сильным. В течение всего вечера в зале не прекращались рыдания.

Близкая дружба связала Шуру и с другим выдающимся артистом, Сандро Инашвили. Он был лет на 8 старше Александра Шамильевича, и его прекрасный драматический баритон и аристократически красивая внешность уже принесли ему крупный успех. Он был лучшим в свое время Мурманом в «Абесаломе», Киазо в «Даиси», блистал и в других грузинских операх, но был также «эталонным» исполнителем партий Онегина, Риголетто. Как и Вано, он много гастролировал (часто — вместе с ним) и в качестве аккомпаниатора тоже предпочитал всем Мелик-Пашаева. Эти два артиста заслужили сердечную благодарность отца братски теплым отношением к нему, поддержкой на первых порах, защитой, когда это требовалось, критикой, когда к тому был повод, человеческим благородством и примером высокого артистического мастерства.

По теоретической части образованием Шуры занялся дирижер А. Чугунов (впоследствии профессор Московской консерватории и руководитель оперной студии). Одаренный композитор и высокообразованный музыкант, он руководил занятиями Шуры по гармонии, нещадно преследуя параллельные октавы и квинты. Он посвящал в тайны инструментовки, раскрывал на примерах поэзию, красочность и мощь разнообразных оркестровых сочетаний. Беседовал о формах сочинений, прививал любовь и вкус к Глинке, к новой русской школе, к Чайковскому. Он терпеливо и заботливо формировал музыкальное сознание Александра Шамильевича.

Наконец, огромное значение в становлении Мелик-Пашаева как музыканта сыграло его общение с братьями Палиашвили. Влияние Захария Петровича — это было прежде всего влияние живущего и творящего рядом вдохновенного музыканта.

Плодотворность общения с Захарием Палиашвили сказались в полной мере много лет спустя, когда Александр Шамильевич работал над постановкой «Абесаломы» в Большом театре. Зато сразу и самым непосредственным образом повлиял на его судьбу брат композитора, дирижер Иван Петрович Палиашвили.

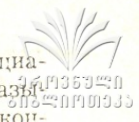
Ученик Н. Римского-Корсакова и В. Сука, он работал во

многих городах Закавказья, России, Украины, а после установления Советской власти в Грузии вернулся в Тифлис и в 1922 года был главным дирижером Тифлисской оперы. Александр Шамильевич так вспоминал о нем: «Взмах его был решительный, экономный и понятный, темперамент яркий, характер волевой. Особенно удавались ему большие оперы итальянского типа: «Аида», «Отелло», «Гугеноты» и т. д. Он встречался со знаменитыми гастролерами и прекрасно знал традиции исполнения, которые я жадно в себя впитывал. Впоследствии, работая над этими операми в Большом театре, я с благодарностью вспоминал творческие встречи с Иваном Петровичем, которые дали мне много именно в смысле освоения традиций...»

Иван Петрович отнесся к Шуре с большой симпатией. Он сразу сделал его своим бессменным концертмейстером на спектаклях и на репетициях и наметанным глазом опытного театрального практика быстро рассмотрел в нем будущего дирижера. В театре стали поговаривать, что Иван Петрович намерен дать Шуре продирижировать каким-нибудь спектаклем, не смущаясь отсутствием у него специального образования.

Тринадцатого февраля 1923 года, на восемнадцатом году жизни, Александр Мелик-Пашаев впервые появился у дирижерского пульта. В этот день в театре был устроен авторский вечер популярного грузинского композитора Виктора Долидзе по случаю его отъезда в Москву. Шуря дирижировал первым и вторым актами оперы Долидзе «Лейла». Газета «Заря Востока», очень пристально следившая за музыкальной жизнью и мгновенно откликавшаяся на ее новинки, писала: «Это — совсем юный музыкант, далеко еще не достигший двадцати лет, но смелость и четкость его взмаха, уверенная музыкальность, большой темперамент, безукоризненное знание партитуры, точность вступлений, строгое чувство ритма и разнообразие оттенков говорили об определенном незаурядном даровании».

Летом 1924 года Шуре выпала настоящая ответственная дирижерская работа, ответственная вдвойне, потому что была связана с первой попыткой создания стационарного музыкального театра в Армении. 18-летний пианист Мелик-Пашаев был приглашен дирижером и музыкальным руководителем Лениканского театра оперы и оперетты. Театра, собственно, еще не было, и людей приглашали не выступать в нем, а помогать его рождению. Возглавлял дело Шара Тальян. Ашуг и сын ашуга, он с молодых лет прилагал усилия для создания

в Армении оперного театра. Еще в 1912 году по его инициативе в любительском кружке г. Александрополя (как назывался тогда Ленинакан) была поставлена только что законченная опера Армена Тиграняна «Ануш». Шара Тальян пел партию Саро в той постановке и теперь мечтал о сценическом возрождении любимой оперы. В труппу вошли также Леон Исецкий, Седмар Данзас, знаменитая Айкануш Даниэлян, популярный тенор А. Каратов и другие артисты.

Ленинаканский театр просуществовал около двух лет. Были поставлены оперы «Ануш», «Алмаст» А. Спендиарова и ряд других. Но Мелик-Пашаев руководил музыкальной частью театра лишь в течение первых месяцев, а к началу сезона 1924-1925 годов вернулся в Тифлис.

В этом сезоне его ожидали серьезные испытания, после которых определилось его положение в театре — как дирижера, а для людей понимающих приоткрылось его будущее — как дирижера выдающегося.

Иван Палиашвили поручил Шуре провести спектакль «Фауст». Поручил неожиданно, но, как считали, не случайно. Для оркестровой репетиции уже не было времени: была одна спевка с солистами и хором. Спектакль прошел очень удачно, и это произвело определенное впечатление на специалистов...

Но главное было впереди... В один из вечеров зал Тифлисской оперы заполнялся публикой. Шел спектакль «Самсон и Далила». Перед началом было объявлено, что ввиду болезни Ивана Палиашвили дирижировать будет Мелик-Пашаев. Что ж, обычное дело в театре. Спектакль и дирижер имели большой успех. Но публике было неизвестно, что партитура «Самсона» (равно как и указание дирижировать) была получена Шурой за полчаса до спектакля!

Всеведущая «Заря Востока» тотчас откликнулась: «Факт безупречного художественного исполнения в первый раз «с листа» такой сложной оперы, как «Самсон», свидетельствует об исключительности дарования молодого дирижера».

Подобные неожиданности случались не раз. Бывало, Шуру изымали из компании молодежи, фланирующей по фойе в ожидании начала спектакля, и приглашали к пульту. Приятели и приятельницы делали «большие глаза»: «Шура, разве это возможно?!». Маэстро снисходительно улыбался и шел дирижировать. В двадцать лет ему нравились подобные экспромты. В зрелые годы он их сильно не любил, хотя и предупреждали его уже не за полчаса, а много раньше, и вести спектакль.

приходилось не в первый раз, а в сотый или двухсотый. Не любил потому, что на смену юношеской легкости и вспышкам темперамента пришло глубокое вживание в атмосферу каждого произведения, а это требовало и времени, и сосредоточенности, и покоя.

Мелик-Пашаеву передавались все новые спектакли; обаятельный и очень молодой маэстро нравился публике своим неподдельным темпераментом, своим тогда уже красивым, пластичным жестом. А в театре к нему относились, с одной стороны, как к общему любимцу, вчерашнему мальчику Шурочке, с другой — как к формирующемуся «не по дням, а по часам» музыкальному руководителю, приобретающему во всех творческих вопросах нешуточный авторитет. С 1925 года Александр Шамильевич уже официально именуется не концертмейстером, а дирижером; еще через год начинает осуществлять самостоятельные постановки новых спектаклей. Так — быстро и неощутимо для самого себя — Александр Шамильевич оказался фактически одним из художественных руководителей театра. Каким же представлялся ему впоследствии этот второй его дом, Тифлисская опера первых десятилетий нашего века?

Ретроспективным взглядом он находил там много и хороших, и слабых сторон. Наиболее сильной стороной был подбор солистов, отвечающих требованиям тифлисской публики; а публика состояла из потомственных театралов, знала толк в пении и не принимала ремесленничества. В театре пели расточительно одаренные природой грузинские певцы; в течение одного или нескольких сезонов работали профессиональные артисты из разных городов страны; часто и помногу выступали блестящие гастролеры из Петербурга и Москвы. Приезжали солисты польской оперы, среди которых выделялись всемирно известный тенор Тадеуш Лелива и молодой Тадеуш Орда, поразивший ярким исполнением партии Риголетто. В актерской среде было известно, что певец, который, по театральному выражению, «прошел» в Тифлисе, мог со спокойной душой и без всякого риска ехать в любой город.

Спектакли выпускались до смешного часто¹. Порочность

¹ Один Александр Шамильевич, например, подготовил за считанные месяцы премьеры опер «Барсова кожа» Л. Палиашвили, «Лейла» В. Лолидзе, «Орлиный бунт» В. Пашенко, «Сказки Гофмана» Ж. Оффенбаха, «Таис» Ж. Массне, «Мазепа» П. Чайковского.

такого метода очевидна, но сама возможность столь частой смены названий (при достаточно высоком вокальном и музыкальном уровне спектакля) говорит о профессионализме труппы, о привычке артистов к самостоятельной работе над партиями. Александр Шамильевич подчеркивал, что артисты, прошедшие подобную школу в прежней театральной провинции, приходя в столичные театры, быстро входили в репертуар и завоевывали ведущее положение. В пример он приводил дирижеров Большого театра В. Сука и Л. Штейнберга, певцов Л. Савранского, С. Лемешева, Е. Сливинскую, Н. Шпиллер, Е. Шумскую и других.

Оркестр Тифлисского театра был, что называется, крепко сыгранный; его численность и квалификация позволяли ставить оперы любой сложности. Труппа располагала довольно многочисленным хором и балетом.

Были и хорошие дирижеры. Кроме Ивана Палиашвили, Александру Шамильевичу особенно запомнился С. Столерман — талантливый, опытный и требовательный мастер. Одним из сильнейших театральных впечатлений юности для Александра Шамильевича явился «Лознгрин», поставленный под управлением Столермана с замечательным составом исполнителей. Спектакль, выпущенный в конце сезона, прошел 16 раз с аншлагом. Александр Шамильевич был, конечно, не на всех, но на многих спектаклях и своей пожизненной любовью к музыке Вагнера (а к опере «Лознгрин» — особенно), может быть, во многом был обязан этим вечерам.

Но такие тщательно проработанные (даже только в музыкальном отношении) спектакли были все-таки исключением. В большинстве случаев о продуманном творческом плане, о крепости ансамблей, о разработке деталей говорить не приходилось. На первый план выступал культ талантливых исполнителей; успех спектакля означал успех любимых арий и блестящих верхних нот; иногда его определяла яркая индивидуальность дирижера. Тем более нельзя было говорить серьезно о режиссерской концепции (в современном значении этого слова) и даже в большинстве случаев о настоящей работе постановщика с исполнителями главных партий, не то что с хором или мимансом.

Миманс, например, вообще не существовал как постоянный творческий коллектив или же был настолько малочислен, что стражников и вельмож, крестьянок и солдат набирали среди случайных людей, желавших немного заработать. Эта

практика, естественно, была чревата курьезами: «наемники» путали задания. Правда, по разным причинам...

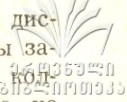
Однажды Александр Шамильевич дирижировал оперой «Демон». В сцене боя ангажированные вышеуказанным способом артисты миманса должны были в определенный момент, по сигналу ведущего режиссера, рухнуть замертво. Что они и сделали — кроме одного. Этот единственный продолжал стоять, неприкрыто наблюдая, как дирижирует Мелик-Пашаев. В конце концов один из павших дернул его за ноги и принудил разделить общую судьбу. Незадачливым статистом был юный Константин Иванов, впоследствии народный артист СССР, превосходный дирижер, высоко ценимый Александром Шамильевичем. В те годы он служил военным трубачом в саперной части, расквартированной как раз за оперным театром, а в статисты нанимался, чтобы слушать спектакли, — платить за билет было не по средствам.

Итак, о целостном художественном решении спектакля не могло быть и речи. Важное содержательное значение художественного оформления и не предполагалось. Проблема образного единства музыки и действия тем более не ставилась. Однако едва ли в конце XIX — начале XX веков во всем мире нашелся бы театр, повседневная практика которого была от этих пороков свободна. За исключением тех случаев, когда Верди лично руководил постановкой своей оперы, или Вагнер создавал свой театр по собственному усмотрению и произволу, или Мейерхольд вместе с Фокиным и Головиным осуществлял свои новаторские эксперименты.

Постепенно эти общераспространенные недостатки (культ отдельных исполнителей, рутинные приемы режиссуры и оформления, отсутствие целостных музыкально-сценических концепций, разноречивость видимого и слышимого и т. д.) стали все яснее и нестерпимее осознаваться, и тогда в лучших европейских театрах с ними повели борьбу Густав Малер, Артуро Tosканини, Бруно Вальтер.

И Тифлисская опера была типичным для того времени театром, лучшие деятели которого (С. Столерман, З. Палиашвили, крупные режиссеры А. Цуцунава, К. Марджанишвили, позднее — В. Лосский) тоже стремились, преодолевая «оперную» рутину, утверждать более высокие представления о задачах и возможностях театрально-музыкального искусства.

В дальнейшей своей жизни Александр Шамильевич служил иному театру. Театру, стремившемуся к цельности постановочных решений, театру максимальной ответственности всех

участников, «тотального» профессионализма и разумной дисциплины. В таком театре не нужно подпевать из-за кулисы заезжему тенору; в таком театре миманс — это стабильный коллектив, выполняющий сложные задания режиссера; туда не приглашают из проходящей толпы или из саперных частей; там не выпускают по четыре-пять спектаклей «гала» в месяц; зато там не встретят шуткой и безобидным упреком какую-либо «ужасную накладку» артиста или постановочной части... И Александр Шамильевич, убежденно работая над созданием театра современного, профессионального, дисциплинированного, в то же время оставался в душе причастным к прежнему театральному миру, порой нелепому, но теплому. Зная все «грехи» старой оперы, он хранил и какое-то благодарное чувство к ней — за «сладостное» пение, за наивное и романтическое лицедейство.

Но вернемся к событиям 1927 года. Александр Шамильевич стал появляться перед тифлисской публикой как дирижер симфонических концертов. Надо думать, его первые выступления были удачными, потому что, когда в декабре 1927 года в Тифлис приехал Эгон Петри, аккомпанировать ему было поручено Мелик-Пашаеву.

Гастроли Петри имели исключительное значение: он не только был одним из лучших в мире пианистов, он был еще и одним из первых западных музыкантов, прорвавших «культурную блокаду» Советской страны. Вслед за Оскаром Фридом, Петри, Бруно Вальтером в Советскую Россию буквально хлынул поток лучших мировых дирижеров, инструменталистов, композиторов. Этот процесс сыграл большую роль и в жизни Александра Шамильевича, так как ко времени его поступления в Ленинградскую консерваторию город этот превратился в центр музыкальной культуры мирового значения.

В Тифлисе Петри играл Пятый концерт Бетховена, Первый Листа и Второй Чайковского. Александр Шамильевич любил вспоминать об этом вечере. Приспосабливаясь к уровню моей музыкальной неподготовленности, он рассказывал: «В Бетховенском концерте есть момент, когда аккорд оркестра должен следовать сразу за последней нотой солиста, не смазав ее, но и не оставив ни малейшего зазора. Опытным дирижерам это не всегда удается, а у меня получилось. Петри покосился в мою сторону с удивлением и тихо сказал «браво».

В зале не слышали этого «браво», но заметили, что про-

славленный мастер не раз демонстрировал одобрение своему молодому партнеру. Музыкальная пресса тех дней полна нескрываемой гордости. Конечно, не по поводу своевременно прозвучавшего аккорда, а потому, что молодой тифлисский дирижер оказался «достойным спутником Петри на высотах музыки». Критик Анте писал в «Заре Востока»: «Ясным чувством характера музыки, чуткостью ко всем намерениям пианиста, строгой выдержкой, красотой взмаха, мягким тоном оркестрового сопровождения и неукоснительной точностью в самых рискованных моментах, самых ураганных темпах, какие развивал Петри, Мелик-Пашаев приковывал рядом с пианистом внимание всех слушателей и, видимо, внушал спокойную уверенность в полном контакте самому пианисту».

Сразу после концерта Эгон Петри подарил Александру Шамильевичу свою фотографию, сделанную незадолго до того в Москве. Он снят в меховой шубе и шапке на фоне, долженствующем изображать, наверно, снежный буран в бескрайнем русском поле. На фотографии надпись по-французски: «Г-ну Мелик-Пашаеву с горячей искренней благодарностью за прекрасное чуткое сопровождение (лучшее во всем СССР!). 4 дек., 1927 г. Искренне Ваш Эгон Петри».

В том же году Александр Шамильевич выступил перед тифлисской публикой и как композитор. Он писал и в молодости, и в зрелом возрасте, но почти ничего никому не показывал и, к сожалению, многое уничтожил. В начале двадцатых годов один из его друзей видел у него в руках клавиш почти законченной оперы из древнеегипетской жизни «Тайна Солнца» (разумеется, на собственное либретто). От нее и следов не осталось. Затем он написал большую оперу «Суламифь» по Куприну и тоже уничтожил, за исключением трех симфонических фрагментов: Интродукции, Интермеццо и Шествия. В июле 1927 года они исполнялись под управлением автора в концерте молодых композиторов (А. Баланчивадзе и А. Мелик-Пашаева), а потом — еще в нескольких программах. Музыка Александра Шамильевича принималась хорошо: отмечали свободу автора от «ориентальных штампов» и некоторое испытываемое им германское (вагнеровское) влияние. Хвалили за певучий лиризм и за бодрый «пульс», присущие его музыкальному творчеству.

Так определилась вполне благополучная творческая судьба Александра Шамильевича. Определился затягивающий поток благоприятных обстоятельств, уютная колея, кото-

прибой внешнего успеха заглушал порой неясные указания внутреннего голоса. И все-таки в нем рождался и заявлял о себе музыкант иного масштаба, словно предчувствующий в себе самом большие и лучшие возможности, требующий раскрытия более высокого уровня музыкального сознания, новых впечатлений, новых профессиональных средств. Это был опасный период, трудное испытание, успешно пройти которое может тот, кто обладает чуткой художественной совестью, кто не допустит самообмана, не заглушит «внутренний голос». Тот, кто не помешает росту собственной души и поможет ей разрушить ставшую тесной скорлупу привычных критериев, занятий, обстоятельств. Тот, кто готов вечно перерастать себя самого, сбрасывать устаревшую кожу, не боясь потерь, и никогда не приковываться взглядом к «милому прошлому», не превращаться во всадника, который сидит на коне лицом к хвосту.

Александр Шамильевич все сильнее чувствовал разрыв между внутренним, идеальным и пока не совсем определенным представлением о том, как должна была бы звучать музыка под его управлением, и реальными возможностями осуществить это звучание. И пришло сознание необходимости приобрести более широкое представление о музыке, о музыкальной культуре человечества; видеть, слышать, учиться у лучших музыкантов мира; теоретически осмыслить все усвоенное на практике, подчинить распыленные навыки, знания, интуитивные догадки определенной системе и поставить их на службу высшим художественным целям. Потребности эти делались все острее, и прошедшие годы успешной работы Александр Шамильевич начинал оценивать (и, конечно, несправедливо!) как упущенное время. Он так и писал: «Я хотел наверстать упущенное и снова сесть за ученическую скамью». Он забывал, что раньше не мог усидеть на ученической скамье! Только теперь, напитавшись живой музыкальной реальностью, мог он приступить к академическому обучению и оказывался при этом вовсе не отставшим, а скорее опередившим тех, кто с теории начинал.

Часто случается, что решение, уже созревшее в человеке, нуждается, чтобы перейти в действие, в каком-то толчке извне; иногда нужно бывает услышать от другого то, что ты как будто уже и сам знаешь. Так произошло и с Александром Шамильевичем. На гастроли в Тифлис приехал один из ведущих певцов Большого театра С. Мигай. Он пел под управлением Мелик-Пашаева партию Риголетто; спектаклю предше-

ствовала тщательная репетиция. Молодой дирижер очень понравился Сергею Ивановичу, и после спектакля он задержался в театре и дружески беседовал с Шурой. Словно происшедшее в его душе, Мигай говорил о необходимости «настоящего» образования и, как вспоминал отец, настойчиво советовал «не прельщаться сомнительными лаврами дилетанта, легкими успехами первых лет и, решительно порвав с налаживающейся карьерой, взяться за суровый труд».

Вскоре Шура объявил о своем намерении сдавать экзамены на дирижерское отделение Ленинградской консерватории. И нашел понимание в театре и поддержку Наркомпроса Грузии.

Была весна 1928 года. Кончался театральный сезон; с некоторой печалью, но без колебаний простился Александр Шамильевич с театром, в зале которого впервые встретился с Музыкой, с Оперой, впервые начал прислушиваться к голосу своего жизненного призвания. Конец лета ушел на хлопоты о стипендии. А затем легкий багаж будущего студента погрузили на фэзтон, и Александр Шамильевич, провожаемый родными, друзьями и соседями, отправился с Елизаветинской на вокзал. Поехал пока один, без Екатерины Георгиевны, допуская возможность «провала» на экзаменах.

ХРОНИКА

ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

В Горийском государственном драматическом театре имени Георгия Эристави состоялся творческий вечер поэта Хута Берулава.

С труженниками Горийского района поэта связывают многолетние узы дружбы. Первая встреча с ними произошла еще в 1941 году. С тех

пор дружба с горийцами успешно продолжается.

И на этот раз встреча поэта с труженниками Гори вылилась в подлинный праздник поэзии, на котором прозвучали новые стихи поэта, песни, написанные грузинскими композиторами на слова Хута Берулава.

Реваз ЧХАРТИШВИЛИ**БЛАГОВОЛЕНИЕ
МУЗЫ**

«**В**Ы, НАВЕРНОЕ, думаете, что хороших стихов уже никто не пишет, и от этой мысли вас охватывает скорбь. Я же думаю, что и к читателю должна благоволить муза».

Эти слова Мориса Поцхисвили очень актуальны сегодня, когда пресса, как литературная, так и нелитературная, не в состоянии противостоять засилью стихотворцев, мнящих себя поэтами. При таком положении дел, конечно же, и к читателю должна благоволить муза, дабы он смог отличить поэтическую искренность от красивой, вычурной фальши, поэзию от ее подобия. Если нет глубины мысли, непосредственности в выражении, искренности, которые во все времена были первичны для художественного произведения, оно рано или поздно теряет свою эстетическую и познавательную ценность, жизнь его недолговечна. Самый строгий и беспристрастный судья всему — время. Но его-то как раз и не хватает читателю в наш век. Научно-техническая революция с космической скоростью втягивает нас в повседневность, в практические дела, не оставляя достаточного времени на спокойное восприятие. И тут мы должны полагаться исключительно

на наши ощущения, на нашу интуицию. Но готовы ли мы внутренне хотя бы приблизительно постичь замысел автора, идейную его глубину? Вот тут и должна посетить нас муза.

Истинное произведение искусства само по себе, без влияния извне прокладывает себе путь к читателю. И к читателю наверняка благоволит муза, без которой у грузинского стиха в силу вышеперечисленных и многих других причин не было бы сегодня почитателя. В огромном потоке стихотворных сборников, которыми наци издательства захлестывают книжный рынок, читатель вылавливает, иной раз с трудом, сборники любимых поэтов.

Одним из таких любимых грузинским читателем, да и не только грузинским, поэтов является Морис Поцхишвили.

Поэзия Мориса Поцхишвили светла, чиста и прозрачна, как сама личность поэта. Его тепло и безграничную доброту испытали все, кому пришлось с ним иметь дружеский или деловой контакт. Его поэзии, проповедующей добро и любовь, присущи простота, искренность, непосредственность. На примере творчества Мориса Поцхишвили видно, как естественно дополняют друг друга эти качества, присущие только истинной поэзии. Ясно и просто звучит в его стихах мысль о высоком назначении поэта: «Позор поэту, в чьих руках лира превратилась в развлечение для льстецов — над нами витает тень великого поэта, великий судия гудит: довольно! Путь очень синий—синее еще больше, и что-то бледнеет в скорби вечно... (Можно) кричать, (можно) онеметь, но щебетать?! Нет и нет!»

Если ты не в силах возвысить свой голос против того, что противно твоей натуре, ты должен оглохнуть, онеметь, но только не настраивать свою лиру на щебет. Это — измена высокому назначению поэта, это — самоотрицание. Жизнь никогда не была однозначной, и поэт обязан вникнуть во все ее сложности, отразить главное, самое ценное. «Либо подъем, либо спуск, нет прямой дороги, зачем ты отнял то, что дал, чего не дал, того не существует. То ли бог ты, то ли демон. Нет ангела, взвешивающего на весах сон и явь, других весов не существует. Либо (я) буду петь, либо плакать, другого пути нет, (я) в твоих руках утонул, другой реки нет — либо жизнь, либо смерть, бессмертия не существует!»

Тут мы сталкиваемся с поцхишвилевской вариацией извечного вопроса «быть или не быть», совершенно противоположной

¹ Здесь и далее стихи даны в подстрочном переводе.

фальшиво приподнятому настроению «щебечущих» поэтов, которое является лишь следствием общественного индифферентизма, не имеющего ничего общего с истинной поэзией.

Поэзия Мориса Поцхишвили — это поэзия добра, красоты, жизнеутверждения и душевного здоровья. Его лирические стихи легко проложили себе путь к эстраде, к сердцам слушателей и читателей. И тут, можно сказать, произошло удивительное — не эстрада способствовала популяризации стихов поэта, а, напротив, актуальные по тематике и содержанию стихи Мориса Поцхишвили способствовали популярности грузинской эстрады. Созданные на стихи поэта песни пленили поклонников эстрады, огромную армию радиослушателей.

Поэзия Мориса Поцхишвили современна и проблематична. Любой обычный предмет или явление увидены им под собственным, необычным углом зрения. Благодаря его своеобразному осмыслению, искренности переживаний, художественному обобщению стихи поэта всегда доходят до сердца читателей.

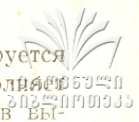
Вот как трактуется тема искусства в стихотворении «Искусство», которое поет с эстрады Нани Брегвадзе:

«Оказывается, как сумеречен этот белый мир, как несчастен бог счастья, как призрачно счастье несчастных людей, когда им предстоит пережить чувство... Как трудны молотья созревшего мира, время глухонемых, когда во весь голос поешь со сцены. Когда светлое небо призывает тебя, а тебе некогда (откликнуться на этот призыв), когда все проклинаешь, но, оказывается, благословляешь».

Социальная острота и глубина мысли сквозят в стихотворении «Королевский гамбит». Небольшое четырехстрочное стихотворение исполнено напряженного жизненного драматизма: «В превращенном в шахматную доску мире недолгая жизнь у пешки, недолгая жизнь у пешки, но пешка умеет мечтать. Она обладает доброй мудростью, подчиняется нежности королевы, все пешки борются за короля, все пешки умирают за короля». Однако логический финал — для всех один: «Но рано или поздно и короля и пешку бросают в одну коробку».

Подобный драматизм характеризует своего рода философскую струю лирики М. Поцхишвили. Это — новый этап в его творчестве, требующий детального изучения и анализа. Наиболее отчетливо эта струя ощущается в поэтическом сборнике «Зеркало в зеркале», который увидел свет в 1979 году.

В предисловии к книге критик Сосо Сигуа справедливо

отмечает: «Образ главного героя — автора — варьируется несчетное количество раз. Одно стихотворение дополняет другое, они создают единое настроение и с потоком слов несут на поверхность кривую взволнованного духа. В ней — человеческие страсти, стремления и мечты. Раскрывая свою сущность, поэт стремится услышать пульс современности. Он — один из тех, кто стоит у трибуны, у станка, на строительных лесах. Поэтому и его личностные мысли и чувства созвучны общественному настрою».

В этом сборнике и в самом деле со всей полнотой проявился мир чувств и мыслей поэта, его эмоциональное отношение к повседневному бытию, общественным идеалам. Логическим продолжением и по идее, и по содержанию этого сборника явилась книга «Тобою», вышедшая в 1983 году. В обоих этих сборниках автор предстал перед читателем в совершенно ином ракурсе — его стихи характеризуют иное настроение, содержание, мысли, почерк. Эти стихи — свидетельство того, что поэт по-прежнему плодотворно трудится на ниве грузинской поэзии, гармонически сочетая этот свой нелегкий труд с общественной деятельностью. Стихи М. Поцхишвили отмечены печатью поиска и мысли, хотя он верен однажды избранному пути. Ясная и четкая литературная позиция, которая лежит в основе его художественного мышления, проявилась и в более поздних публикациях. Своеобразие его свободной, вольной поэтической интонации органически сочетается с философскими рассуждениями. Мысль его лишена искусственной туманности, которая нынче характеризует часть нашей поэзии, в особенности поэзию верлибристов. Стихи М. Поцхишвили, на наш взгляд, — своеобразный синтез традиционного стиха с верлибром. Он читается не так тяжело, как верлибр, но и не так легко, как классический стих. В стихах его первично содержание, глубина мысли, но не форма. Может создаться впечатление, что поэт вообще пренебрегает формой. Но в действительности это не так. М. Поцхишвили придает форме такое же важное значение, как и содержанию, недаром содержание его стиха всегда находит адекватное выражение. Ясность и глубина его мысли заключены в утонченную форму. Благодаря этому стихи читаются свободно и легко, привлекательны, эмоционально заряжены, пробуждают в читателе чувство сопереживания, передают душевный настрой их создателя.

Стихи Мориса Поцхишвили очень емки по содержанию. Поэт часто прибегает к форме афоризма, тогда в стихотвор-

ной строфе, словно в эскизном штрихе, конденсируются душа и пространство мысли.

«Кто, забыв прошлое, только в надежде на настоящее продолжает суетиться, тот теряет право на будущее»; «То, что ты забыл, что ты смертен, вовсе не означает твоего бессмертия»; «С кем можно встретиться однажды и никогда уже не расставаться!?!», «Убийца проявляет беспомощность, когда убивает, так как он незащищен, словно рука, рука, которая, как убийца, подняла руку... Сильный умирает. Убийца торжествует беззащитность» и другие.

Подобная форма, можно сказать, заняла господствующее место в лирике последних лет М. Поцхишвили. Это стихи «Поражение», «Гулливер», «Амирани», «Похороны поэта», «Финиш», «Спор с собственным сердцем», «Понятное и непонятное», «Я должен был умереть там», «Беззащитность» и др. Заключенные в этих небольших стихотворениях мысли могли бы послужить основой для крупных литературных произведений. Например, такая вот строфа: «Я потерпел поражение, а затем погубило меня пьянство, когда враги предложили мне дружбу, а друзья стали врагами» («Поражение»). В повседневной прозе жизни отображены и обобщены теневые ее стороны, которые нередко возмущают наш душевный покой. Поэт хочет предупредить — не верьте слепо тем, кто прикидывается друзьями, трезвый, разумный подход ко всему должен быть основой наших поступков. Ведь в жизни очень много «гулливеров», внутренне пустых, наносящих моральный ущерб окружающим, считающих себя выше других, пытающихся унижить, оскорбить, нарушить их душевное равновесие. Именно к таким людям обращены колючие строки: «(Ты) нравишься сам себе среди лилипутов... Не забывай, что можешь попасть и к голиафам» («Гулливер»). Для М. Поцхишвили вовсе не случайны эти проблемы. Поэт в первую очередь человек своего времени, и острие его пера, естественно, обращено против теневых сторон действительности. Поэт безжалостен к тем, кто сомневается, кто равнодушен, инертен, предается безмятежному душевному покою.

Но не это самое существенное. Самое существенное в поэзии М. Поцхишвили — это проповедь дружбы, взаимопомощи, сочувствия, стойкости и верности. Добрые человеческие взаимоотношения и возвышенная любовь, делающие нашу жизнь вдвойне прекрасной и пленительной, — красной нитью проходят через все творчество Мориса Поцхишвили.

Стихи Мориса Поцхишвили обладают своеобразной неповторимой привлекательностью. Они проникнуты такой непосредственностью, нежностью и искренностью переживаний, что их легко можно отличить от стихов других поэтов.

Нужно отметить и то, что М. Поцхишвили — поэт настроения. Правда, это настроение возвышенно, что придает стиху почти патетический характер, но его содержание и соответствующее художественное воплощение всегда достигает цели — читатель сопереживает ему. Разумеется, свое отношение к окружающему можно передать и надуманным настроением, но если оно будет лишено внутреннего божественного огня, поэзия станет просто собственной тенью. Такого рода суррогат отличить от истинной поэзии нетрудно, если и к читателю будет благоволить муза.

ХРОНИКА

ЗАСЕДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ

В Союзе писателей Грузии состоялось заседание юбилейной комиссии по ознаменованию 90-летия со дня рождения выдающегося грузинского поэта Тициана Табидзе. На обсуждение комиссии был представлен план мероприятий в честь этой даты, которая будет отмечаться в нынешнем году. Секретарь Ванского райкома партии М. Месхи рассказала о подготовительной работе, которая ведется на родине поэта. Одной из средних школ села Шуамта Ванского района присвоено имя Тициана Табидзе. Создастся мемориальная комната, где развернется экспозиция, отображающая жизнь и творчество поэта. К юбилею приурочено проведение научной сессии, выставки. В дни торжеств в колхозах и совхозах,

учреждениях района состоятся литературные вечера.

К юбилейной дате издательство «Мерани» выпустит в свет ряд интересных изданий. Среди них — однотомник избранных произведений поэта, книги «Тициан Табидзе в воспоминаниях», «Жизнь и творчество Тициана Табидзе».

Принимаются меры к созданию в Тбилиси квартиры-мемориала поэта — филиала Музея дружбы народов.

В торжествах примут участие мастера художественного слова Москвы, Ленинграда, братских республик страны.

Жизнь и творчество Т. Табидзе широко осветят газеты, журналы, телевидение, радио.

На заседании выступили члены юбилейной комиссии Г. Натрошвили, В. Челидзе, Т. Буачидзе, В. Асатиани и др.

Итоги заседания подвел председатель комиссии, председатель правления Союза писателей Грузии Ш. Нишнианидзе.

Анаида БОСТАНДЖЯН

СРЕДИ АРМЯНСКИХ ДРУЗЕЙ

И ОСИФА Нонешвили хорошо знали и любили в Армении. Знакомство с ней относится к далекой поре его юности, когда он прочитал рассказ Ованеса Туманяна «Гикор». Простая и грустная история маленького Гикора заставила его еще раз задуматься над жизнью, над ее добрыми и злыми началами. Позднее он зачитывался произведениями Ширванзаде, Сундукяна, Туманяна, Нар-Доса и другими, еще ближе познакомившими его с соседней страной, с ее трудолюбивым народом.

И все же эти представления были неполными. Впервые И. Нонешвили попадает в Армению в 1943 году вместе со стрелковой частью, переместившейся из Батуми в Ленинакан. Селения, лепящиеся к склонам холмов по берегам Арпачая, люди, населяющие их, протяжные, проникнутые «армянской скорбью» песни, в которых звучали отголоски старых скорбей, сказания, легенды, отразившие героическую историю армянского народа, его борьбу за свободу и независимость,—все это сделало Армению ближе и понятней поэту, и он полюбил ее преданной любовью.

Во второй половине того

же 1943 года Иосиф Нонешвили начинает работать в редакции газеты Закавказского военного округа, которая выходила на русском, грузинском, армянском и азербайджанском языках. Грузинским выпуском ведал И. Нонешвили, армянским — поэт Г. Борян. Они сидели в одном кабинете и были практически неразлучны, по-братски помогая друг другу справляться с трудностями военного времени. Их дружба продолжалась и после переезда Г. Боряна в Ереван. Они регулярно переписывались, а немного позднее грузинский поэт посвятил своему армянскому собрату стихотворение — «В селении Норк, в тени тополей...»

Теплые отношения связывали Иосифа Нонешвили и с известным армянским прозаиком Рачией Кочаром. Их дружба, также зародившаяся в суровое военное время, продолжалась и в последующие годы. Они встречались на литературных вечерах, на съездах писателей, и их страстные речи роднило нечто, свойственное людям, прошедшим и пережившим войну. В 1946 году, узнав о смерти Кочара, Иосиф Нонешвили приехал в Ереван, чтобы попрощаться со своим фронтовым другом.

В 1947 году на Первом всесоюзном совещании молодых писателей в Москве И. Нонешвили встречается с армянскими писателями. Эти встречи помогают еще глубже познакомиться с армянской литературой. Вместе с Р. Ованисяном, С. Капутикян, Г. Эмином он принимает участие в коллоквиумах, посвященных вопросам поэзии, в литературных вечерах. Из бесед с ними он узнает о патриотической лирике Ов. Ширази и А. Сагияна: «Мне очень близки пронизанные любовью к Родине стихи А. Сагияна, С. Капутикян, Р. Ованисяна, ибо в них — надежный залог сохранения родства наций», — говорил поэт.

Московские встречи, навсегда оставшиеся в памяти поэта, стали новым стимулом для более глубокого освоения классической и современной армянской литературы. С живейшим интересом знакомился он с творчеством Нарекаци, Кучака, Саят-Новы, Абовяна, Туманяна, Исаакяна, Зарьяна, Севака.

В 1953 году Иосиф Нонешвили снова посещает Армению. В сопровождении армянских друзей он осматривает исторические памятники, знакомится с тем новым, что принесла древней стране Советская власть. Изумительные полотна Мартироса Сарьяна, Матенадаран, Эчмиадзин, одетые в леса новостроек просторные проспекты Еревана, голубой Севан — он переполнен впечатлениями. В его душе сами собой рождаются

поэтические строки. Так складывается цикл стихов, которому впоследствии поэт даст название «В Армении».

Стихотворения, вошедшие в цикл, — это идуцай
сердца песнь песней героическому прошлому армянского народа и его светлому настоящему. «Этот цикл, — писал Ашот Граши, — не только впечатления от поездки поэта по Армении, но и сердечные слова истинного друга, поэтические строки борца за новое, социалистическое Закавказье».

В 1954 году Иосиф Нонешвили вместе с другими грузинскими писателями — гость съезда писателей Армении. Съезд открывает почетный председатель Союза писателей Аветик Исаакян. Патриарх армянской литературы производит на грузинского писателя огромное впечатление. Во время перерыва Аветик Исаакян принимает у себя в кабинете группу молодых грузинских и армянских поэтов. Он призывает их как зеницу ока беречь идущую из глубины веков дружбу двух братских народов... Вернувшись в Тбилиси, Иосиф Нонешвили еще раз перечитывает «Абул-Ал-Маари» в переводе Т. Табидзе, все больше восхищаясь глубиной и мудрой прозорливостью великого сына Армении. «Личное знакомство с варпетом помогло мне по-новому оценить всю глубину его творчества», — говорил поэт.

В 1975 году Иосиф Нонешвили присутствовал при открытии в Ленинкане памятника великому армянскому поэту в связи с его 100-летним юбилеем. «Когда упало белое покрывало и я увидел памятник, мне показалось, что варпет предстал передо мной живым, таким, каким он был при первой нашей встрече, — глубоко задумавшийся, подпирающий голову правой рукой, вззирающий на мир глазами мудреца, — сказал поэт и добавил: — Я никогда не забуду Аветика Исаакяна и великого художника Мартироса Сарьяна, с которым мне выпало счастье познакомиться на вечере поэзии...»

В 1966 году Иосиф Нонешвили приезжает в Ереван по приглашению министра культуры Армянской ССР К. Удумяна. Это было накануне юбилея Ш. Руставели. С помощью Нонешвили К. Удумян наметил широкие мероприятия по празднованию в Армении юбилея великого грузинского поэта. На юбилейном вечере, состоявшемся в Государственном театре оперы и балета им. Спендиарова, Иосиф Нонешвили выступил с взволнованной речью, в которой отметил исторические традиции дружбы армянского и грузинского народов, с благодарностью упомянул о мероприятиях, проводимых в Армении для

увековечения памяти Ш. Руставели, а под конец прочитал отрывки из бессмертного «Витязя».

В 1969 году на вечере в Ереване, посвященном 100-летию юбилею О. Туманяна, Иосиф Нонешвили познакомился с лондонским врачом-армянином, переводчиком и страстным пропагандистом армянской культуры в Англии Мишей Гютяном. Иностраный гость поделился с Иосифом Нонешвили своими впечатлениями о социалистической Армении, о грандиозных переменах, происшедших в стране, рассказал о своей переводческой деятельности. Знакомство их имело продолжение. Когда И. Нонешвили в качестве председателя Грузинского Комитета защиты мира приехал в Англию, он повидался с Гютяном, побывал вместе с ним в Доме армянской культуры в Лондоне, в Институте востоковедения, где встретился со своим старым другом известным ориенталистом Дэвидом Лэнгом. Вместе с Д. Лэнгом И. Нонешвили посетил Лондонский королевский музей, ознакомился с хранящимися там древними армянскими и грузинскими рукописями.

В июне 1979 года в Софии на международной встрече писателей Иосиф Нонешвили знакомится с известным американским писателем Уильямом Сарояном. Поэт вспоминает об этой встрече: «Рафаэля Альберти сменил прославленный американский писатель Уильям Сароян. Сароян попросил у меня книгу моих стихов для своих американских друзей-грузин. В прошлом году я передал ему однотомник моих стихов с такой надписью: «Уильяму Сарояну, великому американскому, но душой и сердцем нашему, кавказскому писателю».

Цикл стихов И. Нонешвили «В Армении» — это поэтическое восприятие страны, строки искреннего восхищения родиной Ованеса Туманяна, воплощение в художественном слове заветов великих предшественников. В поэзии И. Нонешвили вообще очень глубоки мотивы дружбы. Подтверждение этому — «Песня дружбы», воспевающая непобедимость и всесильность благородного чувства дружбы, которое «за семью горами и за семью морями сердца закаляет, стремящиеся к братству».

Горькой участи армян, вынужденных в прошлом покинуть родную землю и поселиться на чужбине, посвящено прекрасное стихотворение «Армянским изгнанникам минувшего» с несколькими эпиграфами: «Иметь бы огород мне у родной реки» — Аветик Исаакян; «О Родине поведай мне, журавль» — армянская народная песня; «Тысячи репатриантов верну-

поэтические строки. Так складывается цикл стихов, которому впоследствии поэт даст название «В Армении».

Стихотворения, вошедшие в цикл, — это идущая от сердца песнь песней героическому прошлому армянского народа и его светлому настоящему. «Этот цикл, — писал Ашот Граши, — не только впечатления от поездки поэта по Армении, но и сердечные слова истинного друга, поэтические строки борца за новое, социалистическое Закавказье».

В 1954 году Иосиф Нонешвили вместе с другими грузинскими писателями — гость съезда писателей Армении. Съезд открывает почетный председатель Союза писателей Аветик Исаакян. Патриарх армянской литературы производит на грузинского писателя огромное впечатление. Во время перерыва Аветик Исаакян принимает у себя в кабинете группу молодых грузинских и армянских поэтов. Он призывает их как зеницу ока беречь идущую из глубины веков дружбу двух братских народов... Вернувшись в Тбилиси, Иосиф Нонешвили еще раз перечитывает «Абул-Ал-Маари» в переводе Т. Табидзе, все больше восхищаясь глубиной и мудрой прозорливостью великого сына Армении. «Личное знакомство с варпетом помогло мне по-новому оценить всю глубину его творчества», — говорил поэт.

В 1975 году Иосиф Нонешвили присутствовал при открытии в Ленинакане памятника великому армянскому поэту в связи с его 100-летним юбилеем. «Когда упало белое покрывало и я увидел памятник, мне показалось, что варпет предстал передо мной живым, таким, каким он был при первой нашей встрече, — глубоко задумавшийся, подпирающий голову правой рукой, вззирающий на мир глазами мудреца, — сказал поэт и добавил: — Я никогда не забуду Аветика Исаакяна и великого художника Мартироса Сарьяна, с которым мне выпало счастье познакомиться на вечере поэзии...»

В 1966 году Иосиф Нонешвили приезжает в Ереван по приглашению министра культуры Армянской ССР К. Удумяна. Это было накануне юбилея Ш. Руставели. С помощью Нонешвили К. Удумян наметил широкие мероприятия по празднованию в Армении юбилея великого грузинского поэта. На юбилейном вечере, состоявшемся в Государственном театре оперы и балета им. Спендиарова, Иосиф Нонешвили выступил с взволнованной речью, в которой отметил исторические традиции дружбы армянского и грузинского народов, с благодарностью упомянул о мероприятиях, проводимых в Армении для

увековечения памяти Ш. Руставели, а под конец прочитал отрывки из бессмертного «Витязя».

В 1969 году на вечере в Ереване, посвященном 100-летию О. Туманяна, Иосиф Нонешвили познакомился с лондонским врачом-армянином, переводчиком и страстным пропагандистом армянской культуры в Англии Мишей Гютяном. Иностраный гость поделился с Иосифом Нонешвили своими впечатлениями о социалистической Армении, о грандиозных переменах, происшедших в стране, рассказал о своей переводческой деятельности. Знакомство их имело продолжение. Когда И. Нонешвили в качестве председателя Грузинского Комитета защиты мира приехал в Англию, он повидался с Гютяном, побывал вместе с ним в Доме армянской культуры в Лондоне, в Институте востоковедения, где встретился со своим старым другом известным ориенталистом Дэвидом Лэнгом. Вместе с Д. Лэнгом И. Нонешвили посетил Лондонский королевский музей, ознакомился с хранящимися там древними армянскими и грузинскими рукописями.

В июне 1979 года в Софии на международной встрече писателей Иосиф Нонешвили знакомится с известным американским писателем Уильямом Сарояном. Поэт вспоминает об этой встрече: «Рафаэля Альберти сменил прославленный американский писатель Уильям Сароян. Сароян попросил у меня книгу моих стихов для своих американских друзей-грузин. В прошлом году я передал ему однотомник моих стихов с такой надписью: «Уильяму Сарояну, великому американскому, но душой и сердцем нашему, кавказскому писателю».

Цикл стихов И. Нонешвили «В Армении» — это поэтическое восприятие страны, строки искреннего восхищения родиной Ованеса Туманяна, воплощение в художественном слове заветов великих предшественников. В поэзии И. Нонешвили вообще очень глубоки мотивы дружбы. Подтверждение этому — «Песня дружбы», воспевающая непобедимость и всеильность благородного чувства дружбы, которое «за семью горами и за семью морями сердца закаляет, стремящиеся к братству».

Горькой участи армян, вынужденных в прошлом покинуть родную землю и поселиться на чужбине, посвящено прекрасное стихотворение «Армянским изгнанникам минувшего» с несколькими эпитафиями: «Иметь бы огород мне у родной реки» — Аветик Исаакян; «О Родине поведай мне, журавль» — армянская народная песня; «Тысячи репатриантов верну-

лись в родную Армению» — из газет. В первых строках стихотворения выражена душевная боль людей, стосковавшихся по Отчизне:

УДК 82.09
ББК 84.091.01

«Был бы на Аразе у меня баштан...» —
Вот о чем мечтали вы за рубежами,
Под холодным небом чуждадных стран.
Жизнь не посчиталась с вашими мечтами.

В последующих же строфах изображена светлая картина жизни репатриантов на советской земле:

Видел я недавно ваш родной Араз,
Любовался вашим щедрым урожаем.
Что за огороды и сады у вас!
Жалко, что мы редко в гости приезжаем.
Там, где Арагаца снежная гряда,
Плыл журавль, что «крунком» братья называют.
Он не улетает больше никуда,
Рядом с вашим домом он гнездо свивает.

Выше уже говорилось, что свое стихотворение «В селении Норк, в тени тополей» Иосиф Нонешвили посвятил армянскому поэту и драматургу Гургену Боряну. В стихотворении нарисована идиллическая картина встречи двух старых друзей. Мы видим их в Норке, родном селе армянского писателя, за пиршественным столом, накрытым в тени тополей. Они вспоминают грозные годы войны, слова присяги и полковое знамя, и воспоминания эти пронизаны одновременно грустью и радостью. Грузинский поэт строками Ованеса Туманяна прославляет первоистоки и корни, питающие дружбу, армянский поэт отвечает ему бессмертным стихотворением Акакия Церетели... И в душах друзей все ширится, набирает силу великий мотив побратимства:

Солнце горы заливают
Алым светом дня,
Песня братства созревает
В сердце у меня.

Величественная панорама расцвета новой Армении развернута в стихотворении «И наш герой встал между нами». Грузинский поэт в сопровождении своего армянского собрата по перу бродит по улицам Еревана, они ведут неторопливую

беседу о герое нашего времени, а вокруг кипит жизнь, стучат станки, гудят заводские трубы, на устремившихся к небу лесах каменщики и плотники возводят новую Армению, воздух сотрясает победный трудовой клич, куетя могущество страны, закладывается фундамент прекрасного будущего.

Интересно стихотворение «В Матенадаране». Поэт рассказывает об истории древнейшей книги, написанной на шестистах двадцати пергаментных свитках. Не раз побывали в руках врага эти бесценные свитки, пока наконец их не спас русский солдат вместе с армянскими воинами. Поэт создает новую песнь — песнь бессмертной дружбы и солидарности армян и грузин с великим русским народом.

Одно из лучших стихотворений цикла — «Спор с Александром Чавчавадзе у озера Гокча». Сквозь цепью гор, тяжело плещется Севан, неторопливо колышутся его воды, рождая у поэта ассоциацию со сказочной синей птицей. Он вспоминает своего великого предшественника, поэта Александра Чавчавадзе, его посвященное Севану и проникнутое печалью стихотворение, в котором настоящее и будущее Армении и Грузии представлены в мрачных, гнетущих тонах — некогда цветущие страны пришли в запустение, разорены. Поэт не согласен со своим предшественником и осмеливается со всей почтительностью возразить его промелькнувшей на скале тени:

Дорогой мой предок, истинный поэт,
Ты прости потомку дерзость спора.
Отошло с туманом горе прошлых лет,
Выросли от счастья даже горы.

Как второе солнце, светит СеванГЭС,
Здания украшены резьбою,
Скверы зеленеют, как нагорный лес,
Как же не поспорить мне с тобою?

Это, конечно, не спор в буквальном смысле слова, скорее — сожаление по поводу того, что пронизательный взор поэта не проник в грядущее, не разглядел за озерным туманом пробивающегося луча света.

В стихотворении «В начале октября» воспевается братское соревнование. Известно, что колхозы Натанеби и Октемберян соревнуются между собой за получение высоких урожаев. Поэт смотрит на виноградники Октемберяна, и сердце

его наполняется радостью оттого, что в самом центре Армении раздаются грузинские песни, а меж лоз мелькают грузинские башлыки — это в гости к октемберянкам, приехали их побратимы — посланцы Натанеби.

«Баллада об источниках» — это дань памяти героически погибшим на войне армянским воинам, плечом к плечу со своими русскими и грузинскими братьями сражавшимся против заклятого врага и отдавшим свои молодые жизни за Родину.

Стихотворение «Пограничник» посвящено доблестным стражам нашей Родины, которые, охраняя границы Армении, одновременно охраняют и Грузию.

И в душе моей двойная
Благодарность возникает:
Айастан оберегая,
Грузию он защищает.

«Цавад танем» (буквально — «Твое горе мне») и «Если бы» — стихотворения сугубо лирические. Оба они посвящены девушке-армянке, вызывающей у поэта самые возвышенные и чистые чувства. Искусно нанизывая на стихотворную нить сравнения и метафоры, поэт рисует портрет девушки с поэмой Руставели в руках:

Как-то с книгой Руставели
Ты по скверу проходила.
Видно, Грузию ты любишь,
Хоть меня бы полюбила.

И наконец, пронизанное мажорными интонациями стихотворение «Семья, знамя, истина...», которое сразу же привлекло к себе внимание общественности — как в Грузии, так и в Армении, — и по своей популярности заняло достойное место среди известных стихов о дружбе, созданных армянскими и грузинскими поэтами. Стихотворение исполнено веры в нерушимость братства двух народов, в их светлое будущее.

Этой верой жил Иосиф Нонешвили, эта вера одошевляла его — и на родине, и за ее пределами, — эта вера вдохновляла все его творчество, лейтмотив которого — солидарность, дружба и братство народов.

ПОЭЗИЯ Байрона оказала огромное влияние на мировую литературу и культуру. С особой силой вдохновляла она и поколения русских поэтов XIX—XX вв. К произведениям Байрона обращались В. Жуковский, Н. Гнедич, И. Козлов, М. Лермонтов, А. Полежаев, Ф. Тютчев, А. Плещеев, М. Михайлов, А. Фет, А. Толстой, В. Брюсов, А. Блок, С. Маршак и многие другие, давшие немало великолепных образцов высокого искусства перевода.

Перевод поэтического произведения был и остается предметом острых дискуссий. В большинстве случаев перевод понимается как создание нового произведения по образцу, что и дает поводы к различному его осмыслению. История перевода знает немало примеров, когда поэтическое произведение неоднократно переводилось на один и тот же язык. И объясняется это, с одной стороны, сложностью, многогранностью и многозначностью самого подлинника, а с другой — стремлением к максимальной адекватности иноязычного поэтического отражения. «Передать творение поэта с одного языка на другой невозможно, но

ინესა მერაბიშვილი

**«...НЕВОЗМОЖНО
ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ ЭТОЙ
МЕЧТЫ»**

●

ЗАМЕЧАНИЯ
ПО ПОВОДУ
РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ
ДВУХ
СТИХОТВОРЕНИЙ
ДЖ. Г. БАЙРОНА

«невозможно и отказаться от этой мечты», — писал В. Брюсов.

Перевод поэтического произведения можно оценивать по разным критериям: с точки зрения верности содержанию и смыслу оригинала, стилю автора, архитектонике стиха и т. д., а в лучшем случае их комплексного единства.

В предлагаемой статье мы хотим коснуться вопроса правильности перевода на русский язык определенных деталей двух стихотворений Байрона.

Современная теория перевода предлагает понятие «единицы перевода», подразумевая под данным термином «такую единицу в исходном тексте, которой может быть подыскано соответствие в тексте перевода...» По мнению одних, такой единицей может быть единица любого уровня языка, будь это уровень слова, предложения или единого текста, по мнению же других, текст как цельное и нерушимое единство признается почти единственной основой при переводе поэзии.

Богатая переводческая практика свидетельствует о необходимости учитывать сложную уровневую иерархию языка подлинника, начиная с уровня звука и кончая уровнем текста. Признавая важность уровневой иерархии языка как основы для перевода, мы полагаем, что уровень текста является ведущим и значимость всех других возможных уровней должна обязательно подчиняться основному содержанию и поэтическому смыслу текста в целом, поскольку именно в этом единстве и проявляются эстетико-художественная ценность подлинника и поэтический дух его автора. Как отмечает А. В. Федоров, «художественный перевод всегда заставляет смотреть на достигнутый результат не с точки зрения отдельных элементов или особенностей подлинника, а в перспективе целого произведения...»

Предлагаемый нами анализ переводов Байрона таким образом направлен на выявление смысловых нарушений текста.

В 1981 году в Москве было издано четырехтомное собрание сочинений Джорджа Гордона Байрона. В разделе лирики рядом с другими помещены стихотворения «Хочу я быть ребенком вольным» в переводе В. Брюсова и «К Времени» в переводе Т. Гнедич.

Перевод В. Брюсова, заслуги которого в трудном и сложном переводческом деле трудно переоценить, был включен еще в первое полное собрание сочинений Байрона на русском

языке, изданное в Петербурге в 1904 году под редакцией
С. А. Венгерова.

В последней строфе перевода В. Брюсова мы читаем
«Мне ненавистен род людской».

Мог ли Байрон высказать подобную мысль и соответствует ли содержание данной строки перевода подлиннику?

Раннее детство поэта, как известно, прошло на родине его матери, в Шотландии. Байрон горячо полюбил эту страну и, покинув ее, всегда тосковал по ней. Тоска по вольному детству и живописной природе Шотландии с ее горными утесами, бурными водами и историей, столь богатой событиями, постоянно жила в душе поэта. Именно этой вечной тоской по вольности и детству пронизано стихотворение «Хочу я быть ребенком вольным» — произведение, обращенное против ханжества, тупоумия и тщеславия окружающего его общества. Поэт обречен на одиночество. Нескончаемые пиршества и веселье в тягость ему. Он мечтает вырваться из оков общества, умчаться на крыльях в небесную даль — печальное пристанище — и предаться там вечному покою.

Художественную и смысловую ткань стиха составляют переплетающиеся друг с другом две темы — тоска по вольности и стремление к покою. Последняя как бы вытекает из первой и получает развитие во второй части стихотворения, но развитие постепенное. Связывающим звеном или же мостиком между первой и второй темами, как нам кажется, является четвертое восьмистишие (оно и графически является сердцевинной стиха):

Кто был мой друг — в краю далеком,
Кого любил — тех нет со мной,
Уныло в сердце одиноком,
Когда надежд исчезнет рой!
Порой над чашами веселья
Забудусь я на краткий срок..
Но что мгновенный бред похмелья!
Я сердцем, сердцем — одинок!

В следующем восьмистишии уже зреет решение бросить эту жизнь, но только имея рядом прежних преданных друзей:

Как глупо слушать рассужденья —
О, не друзей и не врагов! —
Тех, кто по прихоти рожденья
Стал сотоварищем пиров,

Верните мне друзей заветных,
Деливших трепет юных дум,
И брошу оргий дорассветных
Я блеск пустой и праздный шум.

Далее решение поэта уйти из мира окружающих его людей все крепнет и стремление к гармонии добродетели становится все сильнее:

...Дары судьбы, ее пристрастья,
Весь этот праздник без конца
Я отдал бы за каплю счастья,
Что знают чистые сердца.

В буквальном переводе это звучит так: «Чтоб обрести ту спокойную удовлетворенность, которая доступна или же кажется доступной добродетели». (Здесь перевод, на наш взгляд, не вполне адекватно и правильно передает смысл соответствующих строк оригинала).

Решение поэта достигает своей кульминации в последнем восьмистишии, где автор, одержимый стремлением вырваться из окружающего мира, противопоставляет себя как бы всему человечеству. Но смысл такого противопоставления не в не любви или ненависти к людям, а в его насущной потребности уединиться. Душе поэта нужен покой, сердце его по-прежнему одиноко:

Я изнемог от мук веселья,
Мне ненавистен род людской,
И жаждет грудь моя ущелья,
Где мгла нависнет над душой!
Когда б я мог, расправив крылья,
Как голубь, к радостям гнезда,
Умчаться в небо без усилия
Прочь, прочь от жизни — навсегда!

Поэт с радостью «умчался» бы от людей, он избегает их, но не ненавидит! Как бы предупреждая ошибочное истолкование его стремления к уединению. Байрон пишет: «I seek to shun, not hate mankind», что буквально переводится так: «Я стараюсь избегать, но не ненавидеть человечество». Эта фраза в переводе В. Брюсова звучит иначе: «Мне ненавистен род людской». А ведь в контексте стихотворения ее можно расценивать как мольбу дать возможность вырваться из оков окружения, мольбу, скорее пронизанную жалостью к людям, нежели уп-

реками в их адрес, — поэт, обреченный на тоску и печаль в земной жизни, стремится к возвышенному, небесному спасению от низости земного бытия. В этом и проявляется романтизм его духа, столь созвучный романтизму эпохи.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что переводчик не имел никаких объективных причин в пределах стихотворного контекста интерпретировать отношения между поэтом и человечеством в духе ненависти. А за пределами стихотворения лежит глубочайший контекст жизни и творчества Байрона, озаренный, как известно, благородной целью борьбы за освобождение человечества, за его будущее, целью, исполненной преданности и беспредельной к нему любви.

Обратимся к стихотворению «К Времени». Образ Времени в переводе Т. Гнедич преподносится как вечно меняющаяся категория, господствующая над всем живым, стремительным своим полетом приближающая смерть. Но поэт не страшится Времени, его жестокой расправы:

И, не страшась жестокой кары,
С усмешкой гнев предвижу твой,
Когда обрушишь ты удары
На хладный камень гробовой!

Соответствует ли подобная интерпретация образа байроновскому пониманию Времени и, что главное, конкретному отношению автора ко Времени, выразившемуся в данном стихотворении?

Образ Времени, столь важный в творчестве поэта, заслуживает особого вчитывания, тем более при передаче его на другой язык. У нас вызывает возражение перевод последней строки подлинника, нарушающий концепцию стихотворения в целом.

Последняя строфа как раз и раскрывает смысл произведения, заключающийся в следующем: поэт осознает быстротечность Времени, его гнетущую силу, но он должен возвыситься над ним. Быть забытым, уничтоженным Временем — это удел слабых, чьи имена преданы забвению. И то, что Время мстит, покрывая имена людей мраком забвения, вызывает усмешку поэта.

Ум, талант и деяния гения возвышаются над Временем, оно бессильно уничтожить или развеять их в прах — такова, на наш взгляд, идея произведения.

Переводчица неправильно прочла и перевела строку в последней строфе, в частности словосочетание «nameless stone»

(безымянный камень): «хладный камень гробовой». «Гробовой камень» — одно из ряда значений слова «stone». Как явствует из текста произведения, оно и является его контекстуальным значением. Но понятие «гробового камня» в тексте определяется прилагательным «nameless», имеющим ряд потенциальных значений: 1. безымянный, не имеющий имени, названия; 2. неназванный, анонимный; 3. неизвестный, малоизвестный; 4. невыразимый, несказанный; 5. не поддающийся описанию, отвратительный; 6. незаконнорожденный.

Единство со словом «stone» выдвигает его первое словарное значение, и таким образом словосочетание реализуется следующим образом: «гробовой камень без имени, без надписи». Но интересно то, что в контексте рассматриваемого стихотворения на поверхность всплывает и другое значение, в частности третье: «неизвестный, малоизвестный». Реализация последнего значения способствует расширению смысловых границ словосочетания, которое на фоне единого текста произведения подразумевает большее, чем только «надгробный камень без надписи, имени», — а уже «смерть без имени, без славы, без следа». Именно безымянной смерти и противопоставляет Байрон смерть человека, возвысившегося своей жизнью над полетом Времени. В этом и заключается суть вызова, который бросает поэт Времени. В связи с этим невольно вспоминаются его строки:

Хоть, может быть, под бурю невзгод,
Борьбою сломлен, рано я угасну,
Но нечто есть во мне, что не умрет,
Чего ни смерть, ни времени полет,
Ни клевета врагов не уничтожит,
Что в эхе многократном оживет...

Или же:

Но месть моя теперь в моих стихах,
Когда я буду тлеть, еще живые,
Они, звуча пророчески в веках,
Преодолев пространства и стихии...

Эти строки, звучащие подтверждением вышесказанному, — из «Паломничества Чайльд-Гарольда» (перевод В. Левика) — произведения, где образ Времени обрел особое философское звучание. А само стихотворение «К Времени» было впервые

опубликовано в 1914 году в седьмом издании «Чайльд-Гарольда».

Примечательно, что осмысление образа Времени в переводе Н. Холодковского гораздо ближе к оригиналу:

...И вот с улыбкой мысляю я,
Как будет гнев бессилен твой,
Когда вся злость и месть твоя
Постигнет камень лишь немой.

В своем прямом значении «немой камень» не тождествен понятию «безымянного камня», однако в переносном смысле — «исполненный безмолвия, тишины» он приближает нас к значению: «надгробный камень, который ничего нам не говорит».

Наши замечания отнюдь не преследовали цель умалить достоинство переводов рассмотренных выше стихотворений. Отдавая должное искусству переводчиков, мы лишь хотели уточнить смысл отдельных строк, чтобы как можно более приблизиться к оригиналу, ибо, как сказал поэт, «невозможно отказаться от этой мечты».

ХРОНИКА

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

Центральный Комитет КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР присудили Государственную премию Грузинской ССР им. Шота Руставели за 1985 год:

В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ — Каландадзе Анне Павловне, поэту, — за цикл стихотворений «Гордо реющие стяги Грузии» (опубликован в газете «Комунисти» 21 мая 1984 года) и ряд других стихотворений, опубликованных за последние годы;

Чарквани Джансугу Авдидовичу, поэту, — за цикл стихотворений, опубликованных в 1983—1984 годах; Шинкуба Баграту Васильевичу, поэту, — за произведения последних лет и переводы грузинской классической поэзии (Шота Руставели, Николоз Бараташвили).

В ОБЛАСТИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА — Нижарадзе Зурабу Арчиловичу, живописцу, — за художественные полотна, созданные в последние годы.

МУЖЕСТВО ДОБРА

ГОВОРЯ об одной из своих пьес на революционную тему, Анна Ильинична Агладзе признавалась, что работала над ней, «движимая огромной любовью и уважением к своим сценическим героям». Имелись в виду первые бойцы революционной Красной Армии, сражавшиеся за победу революции на Тереке.

«Я была тогда подростком, — вспоминает она, — и не только невольным свидетелем, но и активным участником гражданской войны на Северном Кавказе. Эти годы не прошли даром. Они на всю жизнь определили мое мировоззрение, сохранили во мне любовь и веру в человека».

С той поры прошло более полувека. Прожита долгая жизнь. Создано около двух десятков пьес, большинство которых увидело свет грузинской рампы, написано немало рассказов, частично вошедших в сборник «Иринка» (1968 г.), очерков и фельетонов, опубликованных в республиканской периодической печати, а также стихов, которыми одна из наших старейших писательниц отзывалась на все ее волновавшее и радовавшее. И вот теперь — роман¹, название которого не

только как нельзя лучше выражает идею — художественный замысел автора, но и полностью отвечает его содержанию.

Основную идею «Жизни на ладони», ее сюжет кратко можно сформулировать так: это — рассказ о женщине, прожившей сложную, трудную жизнь, сумевшей противопоставить при всей своей очевидной душевной мягкости, интеллигентности и природной доброте враждебным или неблагоприятным сложившимся обстоятельствам (а их было у нее больше, чем благоприятных) ясность цели, верность высоким жизненным принципам и представлениям — и победившей мужеством добра, чистоты и подлинной духовности.

Проследивая шаг за шагом жизнь героини романа Елены Никурадзе, приходишь к выводу, что вопреки всему добро неизбежно побеждает, если оно не сдает своих позиций, как бы шатки они ни были в той или иной конкретной ситуации. А вся жизнь Елены — это и есть история борьбы, преодоления всевозможных невзгод и преград на долгом и порою тернистом пути.

По извилистой тропинке,
по крутой
Путь не легкий, не веселый,
не простой:
В гору все, и камни острые
в пути,
Ветер свищет и мешает
мне идти...

Так героиня романа образно отобразила в своих стихах дорогу жизни, которую, как убедится читатель, внимательно прочитав эту книгу, она пройдет, по ее же словам, «не

¹ Анна Агладзе. Жизнь на ладони. Тбилиси, «Мерани», 1984.

«свернув в пути ни разу, не присев передохнуть».

Но при этом Елене неизменно присущи несомненная искренность, безыскусственность, благородная простота, чистота и неизменная нравственность чувств и поступков. Особенно подкупают поразительная благожелательность ее отношения к окружающим, непосредственность, с которой она реагирует на их человеческие качества и поведение, — и на те, что каким-либо образом сказываются на ее личной судьбе, и на безотносительные к ней, если так можно выразиться.

Уже одно это вызывает интерес, внушает симпатию к центральному действующему лицу романа, которое невольно отождествляется в сознании с самим автором. Разумеется, мы не вправе считать «Жизнь на ладони» произведением автобиографическим, но в нем настолько силен «эффект присутствия», что такое ощущение возникает с самого начала и, укрепляясь с каждой страницей, остается до конца. Так и хочется назвать его романом-исповедью. Тем более, что все сказанное выше с особой полнотой проявляется в образе главной героини, чьими глазами мы, собственно, и видим, через чье восприятие оцениваем людей, события, отдельные эпизоды и весь — достаточно масштабный (он охватывает более полувека) описываемый временной отрезок.

Важно подчеркнуть также, что жизненный путь Елены дан в органической связи со временем, с кардинальными событиями в жизни всей страны, нашей республики и ее столицы — города Тбилиси.

Октябрьская революция, трудные годы становления Советской власти, романтика первых пятилеток, рождение новой, социалистической по содержанию, грузинской культуры, мотивы интернациональной дружбы и братства народов — все это, безусловно, позволяет отнести роман к произведениям высокоидейным, написанным с позиций непререкаемых нравственных постулатов.

К этому следует добавить, что все, непосредственно касающееся Елены, — люди, с которыми ее сталкивает жизнь, эпизоды, где она выступает в качестве «живого зеркала», с удивительной достоверностью отражающего действительность, — нарисовано на редкость ясно, с выразительной простотой, сочными мазками, богатыми оттенками красками.

Так, словно во плоти и крови предстают перед нами бабушка, няня Елены, ее квартирная хозяйка Геринэ, ростовщица и многие другие персонажи, которыми щедро населен роман.

С великолепным юмором, например, сделаны эпизоды с предприимчивым фотографом в Хашури, с роялем, купленным героиней для студенческого клуба Академии художеств, и другие.

Все это, пропущенное через сознание и сердце Елены, как уже указывалось, художественно убедительно и полнокровно. Тем досаднее, что иногда, в частности, когда речь идет о военных годах, дают себя чувствовать огорчительная декларативность и схематизм, смахивающие на неприятную журналистику. В силу этого страницы, относящиеся к этому периоду, выпадают из общего строя и то-

на произведения, восприятию которого в значительной мере способствуют и его тональность, интонационное звучание, а также насыщенная конкретными проявлениями и фактами нашей действительности литературная фактура.

Благодаря такой наполненности жизненным содержанием нравственный урок, преподанный нам автором на опыте судьбы героини, начисто лишен даже признаков дидактики и назидательности. Просто Елена воздействует на читателя примером своей жизни. А если учесть, что все лучшее в ее натуре и личности восходит к детству и юности, совпавшими с годами утверждения новых идеалов, с порой формирования ее гражданского самосознания, то станет понятным, почему их описание вылилось в самые яркие, живые и взволнованные страницы книги.

Слова из тетради Елены, вклинившейся между двумя частями романа в форме ее дневниковых записей, не случайно названных «Это не забывается», служат подтверждением этому: «...Жизнь у меня началась не сейчас, а там еще, на Северном Кавказе, в Нальчике...», откуда и идет отсчет всему в дальнейшем...

Эти строки перекликаются с приведенными вначале воспоминаниями писательницы, многое раскрывающими в понимании как центрального образа, так и всего романа в целом.

Возвращаясь к этим исторкам, хочется напомнить еще одну фразу из записей Елены, которые принесла ей в каморку у Геринэ няня: «Но об этом никто не узнает...», придающую всему повествованию какую-то горную и щемящую

ноту, потому что именно там остались не только близкие сердцу люди, друзья, проблемы новой жизни, первые боли, первые творческие импульсы, но также первая и единственная любовь — Алчегир, которую она сама отвергла, потому что уже тогда была непреклонна в следовании передаваемым из поколения в поколение традиционным представлениям о нравственности и чести, привитым ей родителями и особенно бабушкой.

Недаром Алим Кешоков писал Ане Агладзе: «От Вашего романа «Жизнь на ладони» пахнуло знакомым с детства ароматом, прохладой Долинских чинаровых лесов. Горы повели хоровод, похожий на гордый достоинством танец удж. Спасибо Вам за воспоминания, обступившие меня сплошной стеной, когда читал взволнованные страницы Вашей книги».

Это свидетельство не только читателя, но еще и писателя, о чьих родных местах говорится в романе, а также большого поэта, столь поэтически выразившего свое восприятие прочитанного.

Но вот непосредственное впечатление одного из рядовых читателей, не претендующего на критическое осмысление произведения: «Книга увлекает, захватывает...». Этот отзыв принадлежит оренбуржцу Р. Енакиеву, который, прочитав «Жизнь на ладони» Аны Агладзе, настолько заинтересовался ее творчеством, что, будучи в Грузии, познакомился здесь в библиотеке с остальными произведениями писательницы и пришел к такому резюме: «Они вызывают хорошие чувства».

Очевидно, именно эта реа-

кция на книгу побудила еще одного писателя, главного редактора журнала «Дружба народов» Сергея Баруздина обратиться к автору «Жизни на ладони» с просьбой: «Жду эту книгу с автографом «Интернациональной дружбинской библиотеке» в славном Нуреке от автора... Хорошо?»

Это ли не симптоматично?..

Ведь и художница И. Туманишвили, откликнувшись в газете «Вечерний Тбилиси» на роман Анны Агладзе, побуждаема теми же добрыми чувствами, им вызванными. Борясь с искушением слить воедино образ героини «Жизни на ладони» с личностью автора, она вспоминает ее еще «стройной молодой женщиной с янтарными бусами вокруг шеи (посмотрите на портрет на внутренней странице обложки!), которая с жаром организовывала концерты, спектакли и вечера поэзии в студенческом клубе Академии художеств». И даже описывает случай с покупкой рояля марки «Беккер», водворенном ее стараниями в академический зал.

Описание этой истории стало одним из западающих в душу и память эпизодов романа, в котором с особой силой проявились бескорыстие, увлеченность своим делом, естественно заявляющая о себе доброта и романиста, и его персонажей, в том числе и Елены.

Здесь, в этой сценке, такой динамичной, с пластично и колоритно выписанными характерами, пожалуй, особенно ощутимо и то, что Анна Агладзе — драматург, чьи пьесы, начиная с 1934 года, не только ставились на театральных сценах Грузии, но и получили в свое время одобрение та-

ких корифеев грузинского и русского театров, как С. Ахметели и О. Книппер-Чехова.

Эта прославленная предстательница старшего поколения мхатовских мастеров отмечала, что пьеса А. Агладзе, с которой она ознакомилась, «написана искренне, просто». «Жизнь Вы повидали во всей ее пестроте, — писала она далее. — Материалу у Вас наверняка много, и с Вашей чуткостью и пониманием сумеете все это перелить в драматургическую форму...»

И хотя это было сказано много лет назад и относилось к одному из ранних драматургических опытов Анны Агладзе, прозорливость большого мастера сцены, ее оценка этой работы оказались пророческими. Они оправданы всей последующей творческой отдачей писательницы и безусловно могут быть отнесены к «Жизни на ладони».

Разве не написан и этот роман «искренне и просто»? И не перелилось ли в него все богатство жизненного опыта, осмысленного с присущими его автору чуткостью и пониманием?

Не оттого ли к творческим удачам мы относим те места в романе, которые опираются на многомерную в своей пестроте жизненную основу?

Возьмем хотя бы завязку: безоглядный уход Елены — матери двух детей — от мужа, оскорбившего во хмелю ее человеческое достоинство. Прежде всего, как верен этот зачин психологически, как драматичен по сути, как «видим» изобразительно. Читаешь и словно видишь все описанное чуть ли не в цвете, в каждом штрихе, ощущаешь тончайшие переливы чувствований и модуляций...

Все сказанное применимо и к пребыванию героини романа у соседки, уложившей дрожжащую женщину в постель, у приютившей ее безапелляционно категоричной тетки, затем у простодушно-хитровой Геринэ, к встречам с посвоему честной ростовщицей, столкновениям с целой галереей театральных деятелей, к бытности неподкупным заседателем в суде, к поискам спустя много лет в лабиринтах непомерно разросшегося города своего давнего убогого пристанища на горе...

Немалая роль в этом принадлежит умению автора наделить каждый персонаж сугубо индивидуально окрашенной, органично вплетающейся в образ речью, выполняющей одновременно функцию его многосторонней характеристики. Вспомним, к примеру, все тех же — бабушку, няню, Геринэ, ее мужа-ювелира, дядю Елены и ее саму.

Не идет ли и это от драматургической практики писательницы, несомненно обогащающей роман не так часто встречающимся в этом жанре многоголосьем...

В авторском же монолитном тексте обращает на себя внимание какое-то внутренне контрастное, создающее своеобразный стиль построение фразы.

При всей плавности и как бы обыденности повествования трудно не заметить определенной романтической приподнятости, когда речь идет о молодости героини, становлении ее личности в русле приобщения к новой жизни и участия в ней.

Тут снова перекидывается мостик к ключевым строкам авторских признаний, содержащих предпосылки для истол-

кования личности главного действующего лица, которое, как нам представляется, в ряду литературных образов наших современников стоит в каком-то отношении особняком. Думается, оно может восприниматься даже полемиически, прежде всего потому, что в отличие от многих «деловых женщин», достигая успеха на общественном поприще, Елена не жертвует никакими нравственными ценностями, утрата которых грозит оскудением духовного мира человека.

У нее, как и у многих ее литературных «сестер», личная жизнь не сложилась, но произошло это не столько по причине неблагоприятно сложившихся обстоятельств, сколько по нежеланию подчиниться им, пойти на компромисс с совестью, потерять самоуважение, что, вопреки всем тяготам, выпавшим на ее долю, как раз и сохранило то душевное здоровье, которое противостоит распаду личности.

Потому-то жизнь Елены так открыта, чиста, преисполнена добра, оставаться верным которому тоже требует от человека большого мужества. Она, действительно, предстает перед нами, как на ладони.

К счастью, благодаря характеру дарования автора, его личностным качествам, образ Елены, без сомнения, положительной героини, получился, несмотря на свою притягательность, далеко не «голубым». Он дан в динамике, в ходе изживания слабостей, инфантильности, жизненной неприспособленности, безграничного максимализма молодости. Как итог всего этого — рождение уверенности в себе и своих возможностях, самостоятельно-

сти, независимости, умения и желания самоотверженно трудиться и добиваться поставленной цели. И все это при неизменных сугубо личных чертах этой незаурядной натуры, обрисованной настолько мастерски, насколько безыскусственно, жизненно и узнаваемо. Благодаря этому Елена представляется нам близко знакомым, хорошим и добрым человеком, под чье обаяние невольно поддаешься, перенося свою признательность и на автора романа.

А это неудивительно — обе они женщины с нелегкой судьбой, к тому же натуры творческие, неуспокоенные, сумевшие сохранить до преклонных лет доброту сердца, молодость души, дар творческих порывов.

И хотя Елене пришлось выплакать немало слез (к сожалению, она уж слишком на наш взгляд, часто рыдает, бледнеет и дрожит), книга все же заканчивается на такой мажорной ноте: «...пока голова ясная, и мысли четки, и память надежна, и по-молодому еще радостно тревожна душа — Елена будет работать и работать...»

О завидном творческом долголетии самой писательницы, недавно отметившей свое 80-летие, можно судить по произведению такой крупной формы, как роман «Жизнь на ладони», натолкнувший нас на эти раздумья.

В. БЕКАУРИ,
Л. ТИХОНОВА

ЕДИНЫЙ МИРОВОЙ ПРОЦЕСС

ПОСМЕРТНО вышел труд академика М. П. Алексеева «Сравнительное литературоведение». Сборник как бы подвел черту под многолетними изысканиями ученого в области сравнительно-исторического изучения литератур. Статьи М. П.

* М. П. Алексеев. Сравнительное литературоведение. Л., 1982

Алексеева, представленные под общим названием «Сравнительное литературоведение», несомненно, подчеркивают важность всего этого направления для современной литературоведческой науки. «Из чтения маленьких глав - монографий, — пишет в предисловии к книге М. П. Алексеева академик Г. Степанов, — рождается убеждение, что все звенья культуры стран, народов и наций должны быть связаны в единую цепь и что цепь эта не может быть разорвана. Разве что по произволу или вследствие недостаточности знаний о предмете».

В мировую компаративистику М. П. Алексеев, на-

ряду с нашими выдающимися учеными — А. Н. Веселовским, В. М. Жирмунским, Н. И. Конрадом, В. Ф. Шишмаревым и др., внес весомый и большой вклад, выдвинул ряд конструктивных и плодотворных идей.

В новой книге М. П. Алексеева многое уточняется, проясняется в самой европейской литературе, культуре — это с одной стороны, а с другой показывает, как «великая русская литература вписывается во всемирность», как исторические события России через литературу Франции, Англии, Германии становятся фактами мировой истории.

Одно из положений М. П. Алексеева, которое находит в его работах широкое теоретическое и богатое фактическое обоснование, восходит к мысли А. М. Горького о том, что литература «малых» стран нередко приводит к выводам общего смысла и значения, позволяет яснее увидеть тенденции, закономерности, характерные не только для самих этих стран. Положение это имеет важное значение для всей советской многонациональной литературы и, в частности, для литературы грузинской.

Многовековая грузинская литература, в которой перекрещивались пути литератур Востока и Запада, представляет безусловный интерес в свете марксистско-ленинской концепции мирового исторического процесса. Но она все еще недостаточно «вписана» в широкий контекст мировой литературы и должна быть представлена во всем своеобразием кон-

тактных и типологических связей с другими литературами.

Опираясь на опыты советских ученых отстаивают принцип конкретно-исторического подхода к каждой из них, что позволяет установить общие закономерности литературного развития в его общественной обусловленности и в то же время национальную специфику литератур, являющихся предметом сравнения.

В области сравнительного литературоведения между советскими учеными и буржуазной компаративистикой имеются принципиальные и существенные расхождения. К одному из таких вопросов относится идея «денационализации» литературы, настойчиво отстаиваемая на Западе, — национальное, дескать, фактор несущественный, второстепенный. Однако эти домыслы буржуазной компаративистики опровергаются всем ходом развития советской многонациональной литературы, многовековой грузинской литературой, осуждаются советскими учеными — известно ведь, что «интернациональная культура не безнациональна».¹

Выявление генетических истоков литературного произведения — задача довольно сложная. Иноязычное произведение, перенесенное на другую национальную почву, нередко приходит в противоречие с первоначальной творческой моделью, от которой отталкивался, из которой исходил художник. Одно и то же явление может генетически восхо-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, с. 120.

доть к иностранному образцу и в то же время быть развитием определенной традиции национальной литературы, «чуждой и даже враждебной этому образцу». Эту мысль последовательно развивает и отстаивает в своих работах М. П. Алексеев, призывая «добиваться точности и правдоподобности результатов в разысканиях этого рода».

Исследуя генезис литературных произведений, необходимо помнить, что приобщение к инонациональной культуре не стирает индивидуальные черты творца, напротив, творческое своеобразие проявляется ярче, приобретает большую рельефность. «Талант, — писал А. Пушкин, — неволен, и его подражания не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по следам гения, — или чувство в смирении своем еще более возвышенное, желание изучить свой образец и дать ему вторичную жизнь».

Именно с такой позиции следует подходить к факту обращения к инонациональной культуре, литературе.

К вопросам сравнительно-исторического анализа литературных произведений и грузинские ученые обращались уже при изучении древнегрузинской литературы, а также классической литературы XIX века. Но вместе с тем к вопросам типологического изучения, как оно представлено в трудах М. П. Алексеева и других наших ученых, с учетом всех аспектов этого направления, грузинское советское литерату-

роведение подошло вплотную сравнительно недавно. В краткой рецензии, разумеется, невозможно говорить о всей грузинской литературе, поэтому ограничимся грузинской поэзией начала века. Она представляет достаточно сложное и неоднородное явление, а главное, делает в данном случае нашу мысль более доступной и очевидной.

Необходимость сравнительно-исторического, типологического изучения грузинской литературы, перспективы его развития намечались в самом последнее время в ряде работ, в которых рассматривается творчество Галактиона Табидзе, Валериана Гаприндашвили, Тициана Табидзе и др. Остановимся на отдельных работах, посвященных творчеству Г. Табидзе. Трудно переоценить значение новаторского творчества Галактиона Табидзе для последующего развития всей грузинской поэзии XX века. Говорить о творчестве поэта — это значит говорить и о магистральных путях развития советской многонациональной лирики — именно к этому жанру относятся его лучшие творения.

Перечень работ, посвященных творчеству Г. Табидзе, довольно обширен, но не все они представляют для нас интерес в свете тех вопросов сравнительного литературоведения, которые затрагиваются в настоящей рецензии. Нужно сказать, что отдельные дореволюционные статьи (В. Барнов, И. Гомартели и др.) часто более конструктивны и убедительны в научном отношении, чем, скажем, большинство юбилейных статей,

появившихся в шестидесятые годы. Контактные, типологические аналогии творчества Галактиона Табидзе, наметившиеся, правда, в самых общих чертах в дореволюционной критике, учтены были грузинским советским литературоведением. Глобальная, общечеловеческая по своему звучанию поэзия Г. Табидзе — богатейший материал для сравнительно-исторического, типологического исследования.

Статья Тициана Табидзе «Кавалер ордена Одиночества» (1916) одна из первых отмечает типологическую связь творчества Галактиона Табидзе с европейской литературой, указывает на генезис некоторых отдельных его стихотворений.

Следует упомянуть и статью другого грузинского поэта Терентия Гранели (газета «Ахали накади» — «Новый поток», 1920), где по мироощущению, особенностям поэтики автор статьи безоговорочно относит Г. Табидзе к направлению символизма.

В 1927 и 1933 годах опубликованы были юбилейные подборки статей В. Барнова, С. Шаншашвили, З. Чичиладзе, С. Хундадзе, Ш. Радиани и др., посвященные творчеству поэта, в которых, в свою очередь, указывалось на некоторые типологические черты европейского и русского символизма.

В тридцатые годы с анализом ранней лирики Г. Табидзе выступил критик А. Гацерелия, который наряду с генетическими истоками наметил и типологическую

связь с ранними стихотворениями Рильке и А. Блока.

В очерке Г. Маргвелашвили, посвященном жизни и творчеству Г. Табидзе, проводятся отдельные параллели, аналогии с русской и европейской литературами, правда, в работе они только намечаются. Такая установка автора определяется самим характером исследования — «нарисовать объективно верную перспективу (точнее — схему перспективы) соотношения поэзии Г. Табидзе с явлениями европейской поэзии, сыгравшими несомненную роль в его духовном и поэтическом движении».

Среди работ грузинских литературоведов, появившихся в самое последнее время, необходимо выделить монографию М. Квеселавы «Поэтические интегралы (Галактион Табидзе и современная литература)». Автор широко обращается к методу сравнительно-исторического изучения литературных явлений поэзии Г. Табидзе, к методу, который часто игнорировался из страха обезличивания собственной национальной культуры. «Неужели такие критики не чувствуют, — справедливо замечал М. Квеселавы, — что этим они тормозят рассмотрение лучших образцов грузинской поэзии в контексте европейской и мировой литератур, поддерживая вредную тенденцию национальн о й замкнутости». Однако монография М. Квеселавы, по свидетельству самого автора, носит «предварительный, подготовительный характер» и должна служить «материалом для будущих работ о Галактионе Табидзе». Не настает

вая на окончательности собственных положений, М. Квеселава полагает, что для такой более выверенной и объективной оценки необходима временная дистанция. В «Поэтических интегралах» автор подводит нас к самой проблеме сравнительно - исторического, типологического исследования грузинской поэзии, творчества Галактиона Табидзе, лишь в отдельных случаях обращаясь к структурному типологическому анализу.

Таким образом, как мы имели возможность проследить, вопросы сравнительно-исторического, типологического изучения грузинской

литературы нашли свое выражение, правда, довольно в общих еще чертах, уже в десятые годы и главным образом связаны с творчеством Галактиона Табидзе. За последние годы исследователи все более широко обращаются к методу сравнительно - исторического изучения литератур, и поэтому новая книга акад. М. П. Алексеева «Сравнительное литературоведение» окажется ценной для всех тех, кто занимается вопросами современной компаративистики.

Нугзар ЦХОВРЕБОВ

ГЛАЗАМИ НЕМЕЦКОГО ДРУГА

КАК-ТО раз — было это лет двадцать назад — я предложил одному московскому издателю книгу для перевода на русский язык. Это были заметки малоизвестного в то время немецкого журналиста о его путешествии по нашей стране. Помнится, побывал он в Москве и нескольких подмосковных городах, в Ленинграде, Ташкенте, Самарканде и Бухаре.

По истечении определенного срока меня пригласили в издательство, и редактор, усадив меня рядом с собой,

стал перелистывать предложенную мной книгу, задерживаясь на отчеркнутых им страницах и абзацах.

— Ну, что нового узнает наш читатель о своей стране? О том, какое в Москве метро? Или — что в Загорске есть семинария, где готовят священников?.. А тут вообще развесистая клюква... И уж давным-давно никто не надевает у нас галоши на сапоги... Нет, в предложенной вами книге автор делает открытия только для себя. Конечно, для читателя его страны книга в чем-то интересна, но для нашего читателя... Зачем же ее переводить?..

Возможно, в том конкретном случае редактор был прав. Но трудно согласиться с тем, что интересное для читателей одной страны может быть совершенно неинтересным для читателей

той страны, о поездке по которой делится своими впечатлениями автор. Да, в такой книге наверняка встретишь и «открытия давно открытого», и повторения каких-то азбучных истин, и, может быть, даже кустики «развесистой клюквы». Но будет в ней и то, что интересно и нашему читателю: новый взгляд на привычное, для нас как бы само собой разумеющееся, на пейзаж за окном поезда и на город, в котором мы живем, на улицу, по которой мы проходим ежедневно, на наши традиции и обычаи, плюсы и минусы, на то, как мы ведем себя в театре и в автобусе, как мы одеты, что едим, о чем говорим — и друг с другом, и с гостем... Ведь все познается в сравнении, и кому как не человеку из другой страны удобнее всего сравнивать, наблюдать, делать открытия и знакомить с ними своих соотечественников и — почему бы и нет? — и нас тоже. Разумеется, я имею в виду такие книги и таких авторов, которые хотят честно, без врожденной или заданной предвзятости понять и увидеть нас, нашу страну. А это, как мне кажется, возможно только при одном условии — глубоком интересе и доброжелательном отношении автора (писателя, журналиста) к стране и людям, о которых он пишет.

Думается, что книга писателя из ГДР Гюнтера Штайна «Путешествие по стране Руставели»*, выпу-

* Гюнтер Штайн. Путешествие по стране Руставели. Пер. с нем. М., «Прогресс», 1984.

щенная недавно московским издательством «Прогресс» на русском языке в серии «Зарубежные авторы о Советском Союзе», идеально отвечает этому условию.

Несколько слов об авторе, с которым мне довелось быть немного знакомым. Гюнтер Штайн родился в 1922 году в Дессау. Во время войны служил на флоте. Вернувшись из английского плена, он окончил университет в Грайфсвальде, работал редактором в одном из берлинских издательств и на радио. Затем полностью посвятил себя писательской и переводческой деятельности. Вместе со своей женой Трауте Гюнтер Штайн перевел около ста произведений русской и советской литературы. Он часто приезжал в нашу страну, много раз бывал в Москве и Ленинграде, на Украине и в Грузии, на Волге. Его перу принадлежат несколько романов, сборников рассказов и репортажей. Он был лауреатом Национальной премии ГДР и ряда литературных и переводческих премий.

Те, кому приходилось встречаться с ним, помнят этого высокого красивого человека с четким профилем и седыми волосами. Вдумчивый и эрудированный собеседник, остроумный, всегда готовый подхватить шутку и ответить на нее, он невольно привлекал к себе симпатии и умел отвечать дружбой на дружбу. А друзей у него было немало.

К сожалению, Гюнтеру Штайну не довелось порадоваться выходу его книги на

русском языке — он умер в декабре 1982 года.

Немецкое название «Путешествия в страну Руставели» звучит примерно так: «Я знаю Грузию». Однако такой перевод был бы неточным: неопределенный артикль, стоящий перед словом «Грузия», показывает, что автор отнюдь не претендует на, так сказать, всеобъемлющий рассказ о республике — да и кому под силу сделать это в книге объемом в девять печатных листов! — а ограничивается констатацией своих собственных впечатлений. «Грузия, какой я ее знаю» — приблизительно так можно было бы перевести название книги Гюнтера Штайна. И думаю, издательство поступило правильно, дав ей на русском языке нынешний заголовок.

Свойственное Гюнтеру Штайну чувство юмора, о котором я говорил, ощущаешь уже с самой первой страницы книги. Начальная глава называется «Горячий прием». Надо полагать, речь сразу же пойдет о прославленном грузинском гостеприимстве? Ничего подобного! Автор, приведенный на тбилисский стадион «Динамо» Подаром Думбадзе, чувствует себя покинутым и одиноким — никому нет до него дела, потому что перипетии на футбольном поле, где встречаются сегодня тбилисская и московская команды, для Нодара Думбадзе, как и для шестидесяти тысяч его земляков, куда важнее, чем присутствие рядом зарубежного гостя, чей фотоаппарат под торжествующий рев — «Г-о-о-л! Ва-аша-а!» — взлетит, пущенный чьей-то ру-

кой в небо вместе с тысячами кепок, шляп, сумок... Вот уж поистине горячий прием, несколько неожиданный для человека, пару часов назад прилетевшего в Тбилиси.

Нет, нет, ни у автора, ни у читателей сомнений по поводу прославленного гостеприимства в дальнейшем не возникнет. Будут и шумные многолюдные застолья; и столь хлебосольный прием в скромном деревенском доме, куда автор и его спутники понадут совершенно случайно из-за отказавшего мотора их автомобиля, что Гюнтер Штайн засомневается, вправду ли разбуженные среди ночи хозяева наугад выбранного дома вверные видят своих гостей и не подстроено ли все это заранее; и повторение специально для запоздавшего не по своей вине зарубежного гостя целой концертной программы на поэтическом празднике в Рустави... Но мне кажется, что сцена «горячего приема» на тбилисском стадионе глубоко символична и является ключом ко всей книге: с первых же часов пребывания на грузинской земле гость из ГДР чувствует себя не иностранцем, а человеком, сразу же, без оговорок, принятым в большую семью, другом, к которому и относятся как к другу, — не с показным, а с истинным гостеприимством, с желанием познакомиться гостя со всем, что дорого хозяевам, чем они гордятся, и в то же время с интересом к нему самому, к стране, откуда он приехал, к ее культуре, ее людям. Его никак особенно не выделяют и ничем не отделяют от себя. И

В книге очень точно показано, как поначалу несколько скованный, может быть, даже чуть-чуть чопорный приезжий вскоре ощущает себя не иностранцем, а желанным гостем и другом.

А ведь тут есть и особый момент, и Гюнтер Штайн не может и не хочет обойти его. Он — немец, а «на нашем веку немцы совершили много такого, за что, будучи немцем, испытываешь только стыд. Здесь, пожалуй, не найдется ни одной семьи, за столом которой после 1945 года по вине немцев не пустовало бы место. Сколько людей погибло только здесь, на Кавказе, на обледенелых кручах Марухского перевала!» Да, автор сознает это, и тем выше его чувство благодарности к людям, которые знают и ценят немецкую прогрессивную культуру, чтят память таких немецких ученых, как Рихард Мекелайн и Артур Лейст, чья жизнь была связана с Грузией, питают чувства дружбы и братства к Германской Демократической Республике и ее людям. И Гюнтер Штайн сумел передать этот момент в своей книге.

Но, конечно же, главное в ней — это обаяние Грузии. И тут автор старается не только обратить внимание на «экзотику» (хотя это наиболее интересный для широкого читателя и наиболее благодарный для писателя-репортера материал — то, что бросается в глаза и так отличается от «своего», «домашнего»: природа, архитектура, своеобразие одежды, «восточный колорит» в т. п.), не только показать Грузию как «райский уголок», но прежде всего рас-

сказать о ней как о стране с многовековой культурой, богатейшей историей и с полнокровной сегодняшней жизнью, о ее месте в мировой цивилизации и в семье советских народов.

Нужно отметить, что при относительно небольшом объеме книги в ней довольно много информационного материала, и помещен он весьма умело — в авторских отступлениях, в диалогах, даже в «снах», органически вплетающихся в ткань повествования. Здесь и сведения по географии и истории Грузии, интересные цифры и факты, касающиеся сегодняшнего дня республики, развития ее промышленности, сельского хозяйства, науки. Но главное внимание Гюнтер Штайн уделяет культуре — в первую очередь литературе и искусству.

Разумеется, перед поездкой в Грузию он познакомился с ней по книгам, знает и ее современную литературу — и по переводам, и, так сказать, из первых рук — он сам перевел с русского произведения Нодара Думбадзе и Реваза Джапаридзе. Но, конечно, это были умозрительные представления, и автор очень умело и убедительно показывает, как во время поездки они обретают плоть и кровь. Именно здесь, в Тбилиси и Вардзиа, в Багдади и Цинандали, в Рустави и на берегах сухумской бухты, воочию открывается гостю страна, ее история, ее нынешний день. Открывается не только наяву, но и в снах, где являются Гюнтеру Штайну паруса Тамара, Шота Руставели, герои «Вепхисткаосани» и собирают-

ся за одним столом с Руставели Александр Чавчавадзе и Александр Грибоедов, Владимир Маяковский и Максим Горький, современные грузинские писатели и герой итальянского Сопротивления, а сегодня тбилисский таксист Николо Георгадзе...

Книгу интересно читать — поездки автора по стране представляют собой маленькие приключения со своими сюжетами, причем порой впечатления и переживания автора оказываются на первом плане, порой же он как бы нарочно уходит в тень и на первый план выходят люди, вместе с которыми он путешествует или с которыми встречается, их поведение и поступки в той или иной ситуации, их отношение — к ситуации, друг к другу, к автору. И опять же нельзя не отметить чувство юмора и одновременно чувство такта автора.

В заключение рецензии мне хотелось бы вернуться к середине книги и проци-

тировать разговор ее автора с простым тбилисским рабочим парнем, электриком Тариэлом.

— «Что является для вас наивысшим счастьем? — спрашиваю я под конец.

— Счастьем?.. — Тариэл задумчиво смотрит на меня и поправляет правой рукой непослушные волосы, спадающие на лоб. — Наивысшим счастьем... У моего деду было два сына. Одного из них забрала война, а другого сделала инвалидом, который промучился еще десять лет...

Тариэл опускает голову. После продолжительного молчания он тихо добавляет:

— Это был мой отец... У меня тоже два сына. — Тариэл медленно поднимает голову. — Они не должны расти без отца. Могу ли я для этого что-либо сделать?.. Конечно... Вот и ответ на ваш вопрос...»

Александр ФЕДОРОВ

ХРОНИКА

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

Центральный Комитет КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР присудили Государственную премию Грузинской ССР им. Шота Руставели за 1985 год:

В ОБЛАСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА — Алексидзе Дмитрию Александровичу

(посмертно), режиссеру, — за постановку оперы Д. Торадзе «Невеста Севера» в Курацком филиале Тбилисского государственного академического театра оперы и балета имени З. Палиашвили и «Венецианского купца» Шекспира в Сухумском государственном грузинском драматическом театре имени К. Гамсахурдиа.

Надежда КАТАЕВА-
ЛЫТКИНА

„ОКЕАНИЯ“ ИРИНЫ ГАГУА

ЗАМКНУТАЯ композиция круга со звездой внутри. На удлинённый белый лист легла серебристая, изысканно - кружевная «салфетка» — круг с

бахромчато-колючими, «осыпающимися» краями. Стремительно вьются и обтекаются его зазубренные эти края, как бы вращая всю композицию.

Внутри круга — еще и еще круги! Столь же неровные, стремительно оконтурированные мелкими зубчиками круги. Один в другом — почти сферические, теснятся они к центру и разбегаются от него к берегам окружности - сферы, как волны от камня, брошенного в воду. Пульсирует, колеблется и дышит все. Сферически объемный и структурный «живой кристалл» — идеальная биологическая конструкция! И как мастерски - декоративно она рас-

ИРИНА ГАГУА относится к числу тех художников, которые несут с собой свое художественное мироощущение, для творчества которых характерны формы самобытного выражения, признаки беспокойного, ищущего темперамента.

Грузия, ее история, культура, памятники архитектуры, театральный мир, с детства окружавший ее, стали определяющими в формировании И. Гагуа как художника.

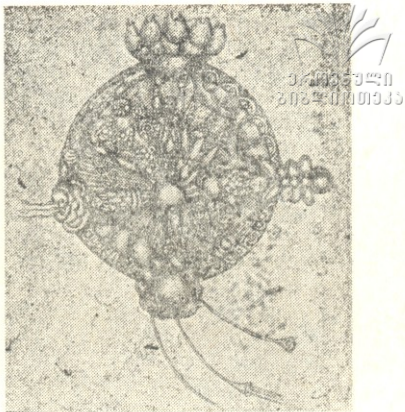
В 1966 году И. Гагуа окончила Тбилисскую консерваторию и с тех пор работает хормейстером в музыкальной школе. В том же году она стала рисовать, реализуя с детства жившее в ней стремление высказаться людям, миру. На языке живописи она стремилась воплотить свое отношение к жизни, понять свое место в ней и как можно гармоничнее объединить в своих работах музыку и живопись.

Она ощущает свое прямое родство с музыкой Вивальди, Баха, грузинской народной музыкой, грузинской фреской, надгробной скульптурой, рельефами на древних храмах, картинами Пиромани.

В 1980 году творчество И. Гагуа переживает еще один этап: знакомство с культурой народов Океании, с далеким миром островов, раскинутых на тысячи километров, с миром сложным и неоднородным, ярким и самобытным, уходящим корнями в глубь тысячелетий.

пластана и притом не расплющена на листе бумаги. Внутри композиции, в центре ее лучисто сбегаются и вновь разбегаются стремительные штриховые стрелы, пронизывая весь ее организм.

Ядро — в центре! Маленькое, упругое, округло клубящееся, оно столь быстро «вращается», что глазу не видно. От ядра пучками летящего белого света бегут «пульсарные» лучи звезды, и они, вдруг, включены и заключены — замкнуты в хрупкую прозрачную и надежную сферу. И эта сфера тоже вращается, и в свою очередь она тоже — ядро с ядром внутри. И от большого ядра вы-

брасываются вновь пучки лучей большой звезды. И эта большая звезда замк-

Творческая манера И. Гагуа сродни усидчивости и терпению средневековых мастеров. Ее художественный язык насыщен многообразной авторской символикой, ни один штрих, ни один мазок в ее работах не случаен, они подсознательно оформляются содержанием и композицией. Работы художника, небольшие по размерам, впечатляют монументальностью своего строя, яркой декоративностью. Их можно осуществить в витраже, мозаичном панно, настенной живописи, гобеленах. Доминируют синие, фиолетовые, красные, зеленые тона, которые создают впечатление эмоциональной напряженности колорита.

Творчество И. Гагуа обрело свой круг почитателей, которые имели возможность оценить талант художника на персональных выставках.

В работах последних лет сказывается увлечение художницы графическими листами. Строгие и лаконичные, напряженно символические, они отражают большую духовную энергию.

Линия, объем, символика — все это цельная художественная форма, моделирующая идеи автора. Работы И. Гагуа требуют от зрителя ассоциативности мышления, они обращены не только к чувствам, но в равной степени и к разуму.

Ирина ДЗУЦОВА,
искусствовед

нута - заключена в свою большую сферу.

Вращаются сферы и лопасти звезд вокруг взаимно пересекающихся осей по неумолимо строгим и совершенным законам. Высшая

упорядоченность сложно переплетающегося мира, вселенская музыкальная гармония — гудят и дрожат пропеллером лопасти звезд, заведенные бисером нерв-

ного мелко - стремительного штриха.

Что это за «терра инкогнита аустралис»? Как густо населена она жизнью — человечками, звездами, птицами, ветками, цветами, рыбами, зверьми... Фигурки, знаки, полусимволы, намеки жанровых сцен с пластичной блистательного неизъяснимого юмора. Мизансцены хороводов, диалогов, предстояний «ритуалов» и знаков. Распластанные, распятые или летящие и изваянные птицы...

Листы этой серии (их всего семь) написаны как отклик на искусство Океании. Мы видели его в коллекции ученого и художника Мишутушкина, собранной его подвигом. Где-то искусство Ирины Гагуа — почти как нечаянный парафраз безымянных творцов какой-нибудь культуры Рага-Нуи, родившейся близ кратеров вулканов Рано-Рараку и Рано-Као. Помните загадочные фигуры человека-птиц на скалах Оронго? Статуэтки Моко-тангата, Тангата-ману — человека-ящерицы, человека - птицы?

Об идолах острова Пасхи англичанин Раутледж писал: «Стоя на склоне горы, они смотрят с непостижимым спокойствием на море и землю, и тут чувствуешь, как же контуры начинают вас увлекать, несмотря на всю свою упрощенность. И чем больше предаешься такому созерцанию, тем сильнее становится это ощущение, неизменное ощущение спокойного благородства в а, очарования и тайны».

Разве не то же мы можем сказать, войдя в мир пленительной самобытной графики Ирины Гагуа?!

Два круга — меньший и больший — на белом просторе широких полей бумаги.

Так легче создать погруженное в пространство тело. И здесь кругами положены шары сфер на лист, не разрушая их сферичности. Сплошное ритмическое заполнение внутри окружности — штрихами, фигурками и тяжами — без перегрузок. Гармония подвижно равновесия.

Что за странные пчелоптицы, человеки - космонавты поддерживают сферу внутри сферы? В маленькой сфере - планете лавами водопадов текут и застывают горы. Волнуется буручниками море-океан. В завихренном небе плывут свободно и запрограммированно светила.

Космически элегантные птице - человеки несут над головами людишек эту сфе-

ру - планету - солнце. Волнуются внизу солнцепоклонники с воздетыми руками. Взлетают ввысь полукольцами цветущие, пронизанные ярким светом белизны дуги гирлянд, образуя в воздухе причудливую синусоиду. Чем обвешаны одежды этих человечков? Какие бантики, иероглифы, воланы, косички висят на них? Чего ждут они? В каком повороте смешными большими ступнями они шлепают по покатоному краю колеса-земли?

Въехала краем в край сфера в сферу и зацепилась, как шестеренкой. И затикали колесики часов никуда не идущего времени.

Бордюры по ободу большого круга катящихся колес-глазков, пушистых шариков и масок. Растут и ведаются деревья, разматываются коконы, мелькают спицы космического колеса - сферы. Странные, забавно - притягательные условные людские знаки творят какую-то магию парадоксального статуарного действия: сообща держат одуванчик - дерево с огромной дымчатой его головкой.

Идеи развернуты и углублены в листе — сосуде с кратером и глазом — и внутрь, и в космос — закрытом, глянцевом обтекаемом, арханческом и археологическом, и архи - космо-

ническом. Все с тем же обилием подробностей и внутренне молчащих человечков в трогательных жанровых шароварах.

Есть еще лист с сферами-малютками у полюсов. Он рассечен на секторы радиусами и дугами. В секторах — полуподробности полутеатральных масок и скупые мордочки козлят. На высоких стеблях шеек, их можно собрать в букет, стелются мягкие перья жар-птиц, звенят стенки труб-фанфар. Качаются люди в лодках — укачивают грудных птенчиков. Бегут вагончики в никуда.

Последовательное, стройное космогоническое мышление предков, островитян и художника. Это ли не бесконечная вечность мира?

Еще один лист воздушной батисферы с растущими «сталактитами» — аэтиниями и фантастическими планетами и медузами на концах перпендикулярных диаметров. Выются и треплются щупальцами свисающие кисточки веревок, летящие в космической ночи...

Лист — колокол-гриб в юбочках ступеней. В центре вертикальной оси — мудрец, Свифт-Мишутушкин, и в овале-яйце — Пилиоко. Каменные бабы-идолы по бокам.

Простой, доступный и зашифрованный мир держит нас в косматых и нежных лапах, устремляясь по неведомым траекториям. Как удалось тебе, Ирина, рассказать нам все это?

ХРОНИКА

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

Центральный Комитет КП Грузии и Совет Министров Грузинской ССР присудили Государственную премию Грузинской ССР им. Шота Руставели за 1985 год:

В ОБЛАСТИ МУЗЫКИ — Квернадзе Бидзине Александровичу, композитору, — за оперу «И было в восьмой год» и киномузыку последних лет.

В ОБЛАСТИ КИНО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ — Лордкипанидзе Григорию Давидовичу, режиссеру - постановщику, Салуквадзе Анзору Сергеевичу, автору сценария, Намга-

лашвили Левану Нафталовичу, оператору - постановщику, Хуцишвили Кахи Иосифовичу — художнику - постановщику, Арчвадзе Тенгизу Григорьевичу, Капианидзе Зурабу Васильевичу, Кикнадзе Кетеван Гавриловне, исполнителям главных ролей, — за создание многосерийного художественного фильма «Клятвенная запись».

В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ — Абрамишвили Вахтангу Григорьевичу, Мирианшвили Гураму Зааловичу, Джандиери Левану Ильичу, архитекторам, — за архитектуру административного здания в г. Тбилиси.

Дали МУМЛАДЗЕ

Мир,

созданный

вдохновением

РАМАЗ Чхиквадзе исповедует скоморошеское начало актерского искусства. Код, заложенный в самом древнем понимании этой профессии, постоянно функционирует в его искусстве. Щедро одаренный природой, он сочетает в себе свойства ранних гистрионов и современных бардов. Превосходный рассказчик, обладающий искрометным юмором, комедиант, умеющий обнажить природу излагаемого, прекрасный певец, владеющий вокальной и исполнительской культурой, Р. Чхиквадзе легко воспринимается зрителем в костюме любой эпохи, в маске любого определения.

Виртуозно владея мастерством перевоплощения, техникой представления, остранения и демонстрации своего личного отношения к разыгранным на сцене событиям, Р. Чхиквадзе достигает необычайного эффекта, давая труднопредставимое, порой совершенно неожиданное осмысление сыгранной им роли. Умея вникать в концепцию спектакля, тонко чувствуя его стилистику, отождествляя манеру своего исполнительского искусства с манерой режиссерского мышления Роберта Стурруа, художника, во многом определившего его судьбу —

судьбу уже зрелого мастера, Рамаз Чхиквадзе вышел на орбиту мирового театрального искусства, стал звездой первой величины.

Путь к этому был долгим и трудным, хотя Р. Чхиквадзе и оставляет впечатление баловня судьбы, играючи добившегося успеха. На его творениях не лежит печать тяжелого труда, не ощущается мучительность поисков, которые и выводят его к созданию ярчайших, доведенных до совершенства сценических образов. Искусство Р. Чхиквадзе всегда радуется. В нем постоянно пульсирует истинно оргиастичный, а не самосозерцающий артистизм. Видимо, в этом и заключается особенность его актерского и человеческого дарования, обаяние его незаурядной личности.

Как современный художник он призывает к воссоединению, к постижению смысла бытия — стремится помочь человеку стать человеком, сделать мир более приемлемым. Обличая пороки современного общества, раскрывая трагифарсовый, гротескно-пародийный характер изображаемых событий, Р. Чхиквадзе развенчивает своих героев, выводит их на суд зрителей.

Раскрывая сущность социальных, духовных или нравственных конфликтов, Р. Чхиквадзе стремится к открытой, личной, гражданской исповеди, категорично отстаивающей право показать на сцене неприкрашенную действительность. В этом смысле Р. Чхиквадзе предстает перед нами в качестве нового типа современного актера. Но и тогда, когда он работал по системе совершенно иной театральной эстетики, его личные художественные поиски всегда сопрягались с теми основными художественными тенденциями, которые и определили новейшую историю театра Руставели, обусловили его особую роль в развитии современной грузинской театральной культуры.

Судьба Р. Чхиквадзе сложилась так, что ему пришлось пройти почти через все будни и праздники своего театра, разделив участь своего поколения, которому и было предназначено осуществить реформу современного грузинского сценического искусства. Молодому актеру, воспитанному в известной музыкальной семье, пророчили будущее выдающегося оперного певца. Но он оставил институт Гнесиных и в начале 50-х годов вернулся в свой театр и вместе с единомышленниками сразу включился в борьбу, которая велась между двумя направлениями в театре им. Руставели — героико-романтическим с одной стороны, и освобожденным от излишней романтической экзальтации ансамблевым театром жизненной правды, с другой.

нималось как само собой разумеющееся появление Р. Чхиквадзе в голубой роли влюбленного архитектора в кинокомедии С. Долидзе «Стрекоза». К счастью, «голубой период» не длился в творчестве Р. Чхиквадзе, являясь лишь данью обы- тующему в те годы жанру лирической, «улыбательной» комедии, полностью лишенной каких-либо намеков на сатиру или гротеск.

Когда же настала пора борьбы с бесконфликтным искусством — время расширения привычных рамок реализма — театр Руставели одним из первых откликнулся на это веление времени, создав спектакль яркой театральной образности. Этим спектаклем и был «Испанский священник». Именно в этой постановке обнаружились свойства, характерные для Р. Чхиквадзе ныне: тонкое чувство театральной формы, постоянная готовность к перевоплощению и импровизации, пристрастие к гиперболизации и гротеску, тяга к открытой игре.

В грузинском театроведении бытует мнение, что первой ролью, выявившей новые черты индивидуальности Р. Чхиквадзе, была роль Лысого советника в спектакле М. Туманишвили «Чинчрака» (Г. Нахуцвривили, 1963 г.). Однако изучение предыдущих работ актера убеждает, что роль эта не являлась неожиданной метаморфозой в его сценической судьбе. Творческий опыт, а что важнее всего, дар безошибочного интуитивного постижения своих потенциальных возможностей помогли Р. Чхиквадзе сконцентрировать и обобщить в пределах одной роли все то, что продумывалось и разрабатывалось им на протяжении предыдущих лет. Результаты этих поисков выявились не только в роли Леандро. Тут необходимо вспомнить и работу Р. Чхиквадзе над образом Штабного писаря в спектакле Д. Алексидзе «Кваркварэ Тутабери» (П. Какабадзе) за четыре года до того, как он сыграл роль Лысого советника в «Чинчраке».

Маленькая, эпизодическая роль Штабного писаря полностью была выстроена на пародийной и импровизационной основе. Пластический рисунок роли недалекого, запуганного и заикающегося Штабного писаря особенно был обострен, и в этой образной пластике обнаруживался не только обширнейший диапазон мимического, речевого, тонального и других преобразований актера, но, что гораздо важнее, выражалось стремление к внутреннему преувеличиванию тех или иных особенностей природы, что и определяет вообще сущность подлинной характеристики.

Надо думать, что результаты, достигнутые в ранних работах, а также чувство особенной внутренней раскованности, ис-

пытываемое при исполнении этих ролей, предопределили настоятельную потребность Р. Чхиквадзе расстаться с ореолом героя-любовника и пробовать свои силы в острокомедийном репертуаре. И когда такая возможность появилась и М. Туманишвили приступил к постановке «Чинчраки», Р. Чхиквадзе захотел сыграть Лысого советника, а не предназначавшуюся ему заглавную роль. Многими расценивалось это как каприз известного актера, которому можно было уступить, но можно было и отказать. М. Туманишвили уступил. Итак, судьба случайно свела Р. Чхиквадзе с этой ролью. Да, случайно, но все-таки — судьба!.. И все-таки в спектакле М. Туманишвили, режиссерские уроки которого во многом определили становление профессионального мастерства Р. Чхиквадзе.

Спектакль имел колоссальный успех. В нем отразился и опыт экспериментальных постановок М. Туманишвили («Бунт женщин» К. Сендербью, 1960 г. и «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, 1962 г.). В первом Р. Чхиквадзе играл Поля, во втором — маркиза Форлипополи. Спектакли эти создавались в студийной атмосфере и преследовали цель отвлечь актеров от установившихся ранее исполнительских приемов, характерных для школы переживания, и «привить» им навыки театра представления. Эта новая для творческого кредо М. Туманишвили тенденция не сумела оправдать себя до конца в отмеченных постановках, так как встретилась с сопротивлением драматургического материала, неверно избранного для подобного эксперимента, а также и с недостаточно четким осмыслением поэтики театра представления, воспринимающегося здесь как художественный прием, а не как специфическая особенность иной методологической системы театрального мышления. Но несмотря на это изобразительный ряд этих спектаклей, сам принцип поиска новых средств сценической выразительности, которые, правда, еще не спорили с незыблемостью принципов театра переживания и перевоплощения, все же выводили театр Руставели к более широкому осмыслению процессов создания художественного образа, и Р. Чхиквадзе так же, как и особо талантливые представители театра Руставели, наиболее удачно воссоединял в своем творчестве принципиально новое с принципиально традиционным. Уже в «Чинчраке» прием открытой игры явился многообещающей находкой, хотя тут он был призван для очеловечивания природы и пока еще не возводился в постановочный принцип спектакля, глубоко синтетическая природа которого одинаково очаровывала взрослых и детей, для которых он и был задуман. В постановке все дышало

радостью творческого волшебства, простой и яркой условностью детской игры.

Знакомый сюжет, заимствованный из старинной грузинской сказки и повествующий о неизбежной победе добра над злом, в режиссерской интерпретации пока еще не претендовал на избирательную тенденциозность, неприменную полемичность, тезисность сценических доказательств какой-либо актуальной проблемы. Эта тенденция позднее станет очевидной в театре Руставели, но уже в «Чинчраке» все изображаемые события были погружены «в сплошное единство фольклорного времени» (М. Бахтин), где окружающая среда и человек, настоящее и прошлое, реальное и фантастическое органично сплелись воедино.

В прекрасном актерском ансамбле, где каждый вел свое соло и поражал высокой культурой импровизации, особое внимание приковывал к себе дуэт Серго Закариадзе (Дэв) и Рамаза Чхиквадзе. Создав изящную пародию на восточного мудреца, пронизируя тонко, но не злобно, актер предстал перед нами неузнаваемо согбенным стариком. В атласном халате, с чалмой на голове, с окуляром, нарисованном на одном глазу, он нетерпеливо теребил свою жиденькую бородку, посвящая малолетнего Дэва в тайны самодержавия. Маленький диктатор ошибался. Путая правила политической игры с правилами игры в кости, Дэв определенно предпочитал урокам «мудрой власти» стрельбу из рогатки. Опоясанный игрушечным детским патрон-ташем, облаченный в супермодные джинсы, увлеченно танцуя «рок-н-ролл», С. Закариадзе создал незабываемо яркий образ обаятельного поработителя, играючи расправляющегося с побежденным народом.

Вдохновлял его на этой стезе Лысый советник, в уроках которого Р. Чхиквадзе демонстрировал уже совершенное мастерство художника сцены, сумевшего прийти к созданию своего необычайного, емкого исполнительского стиля, в котором прием открытой игры поразительно органично сочетался с методом перевоплощения. Необычайный эффект этого весьма парадоксального для того времени стилеобразующего структурного единства достигался как гармонией, так и контрастностью. Контрастность здесь определялась разной степенью использования различных исполнительских средств и приемов, разной мерой усиления акцентов, то подчеркивающих, то острающих населенный сказочными персонажами мир спектакля. Гармония же достигалась путем сходства этих казалось бы взаимоисключ-

чающих и как раз в силу этого особенно ярких средств и приемов.

Обращаясь к тем ранним формам многовекового театрального искусства, которое, как оказалось, особенно тяготело к современности, Р. Чхиквадзе и позднее прибегал к открытой импровизационной игре, к резкому обозначению контуров создаваемого портрета, к четкому выражению своего личного отношения, уже исключавшим привычную меру идентификации актера с сочиненным им образом. Актер и в дальнейшем пользовался испробованными в Лысом советнике правилами бесхитростной детской игры. Но, прибегая к казалось бы примитивной символической игре, актер добивался такого единения и абсолютного слияния с вымышленным миром, которое дается только детям или воистину большим художникам.

Но доводя до последней кондиции свои необычайно выразительные сценические творения, придавая им абсолютную гармоничность, Р. Чхиквадзе был обязан не природе детской игры, а природе своего дарования, озаренного умением находить необычайное в обычном, способностью в хорошо изученной и достаточно хаотической театральной повседневности обнаружить нечто изначальное и раскрыть его вневременное значение.

Сыграв Лысого советника, Р. Чхиквадзе выдвинулся в первый ряд ведущих актеров театра Руставели. С этой поры он все чаще и чаще работает в жанре комедии. Надо сказать, что театр Руставели довольно нещадно эксплуатировал уже известные стороны дарования актера — комедийную и лирическую, и лишь благодаря тончайшему чувству меры, безошибочному постижению сути своих истинных возможностей Р. Чхиквадзе избежал губительного соблазна стандартизации и опасности самоповтора и, стремясь к более полному самовыражению, испытал судьбу и в жанре трагедии.

К 60-м годам относится его первое выступление в шекспировском репертуаре. В постановке «Короля Лира» он сыграл Эдмунда, опять же по собственной инициативе и вопреки выбору М. Туманишвили, предназначавшего ему роль Шута.

Обращая внимание на стилистику и колорит спектакля, правильно воспринимая его как социальную структуру жизни, создавшую определенную модель бытия, Р. Чхиквадзе стремился не просто к достоверности и узнаваемости, не только к обнаружению логики существования того типа зла, которое персонализировалось в характере Эдмунда, а к более широкому, сим-

волическому осмыслению представленной на сцене действительности. Это последнее не всегда удавалось актеру, ибо противоречия, обусловившие духовный кризис и мучительное безверие его героя, не всегда определялись точно. Поиски актера были направлены на то, чтобы в молодом Эдмунде угадывались черты будущего Ричарда III, поражающего как масштабом потенциальных возможностей, так и убожеством своей антиморальной жизненной концепции. Но сценическая интерпретация образа Эдмунда, как и всего спектакля в целом, оказалась менее совершенной, чем лежащий в его основе замысел. Эксперимент на сей раз не удался.

Спустя 15 лет Р. Чхиквадзе вновь обратился к Шекспиру. И сыграв в постановке Р. Стуруа «Ричард III» заглавную роль, приобрел мировую известность.

Сенсационный успех блистательного комедийного актера в этой трагической роли прежде всего был обусловлен как самой этой особенностью, так и неожиданной, я бы сказала, даже дерзостной интерпретацией широко известного произведения. В основе гротескно-фарсового сочинения Р. Стуруа и Р. Чхиквадзе лежала взрывная сила единения новой формы и нового содержания, т. е. то, без чего не рождается истинно новое искусство.

У. Фолкнер отмечал: «Дело творца создать нечто такое, что до него не существовало. Алфавитная истина, хотя чрезвычайно трудно осуществляемая, особенно в некоторых сферах искусства, например, — в театре. «Гамлет» уже создан, а как на его основе сотворить нечто небывалое? Для этого недостаточно найти новую, необычную форму. Тут непременно требуется по-новому вычитать содержание его смысла. Обязательно должны присутствовать обе эти стороны — новая форма и по-новому осмысленный известный материал. Оторванные друг от друга, они не состоятельны. И только их единство дает возможность осуществления того, что раньше не существовало».

Возвыситься до такого совершенства было весьма не просто, и актеру тоже не сразу удалось прийти к столь высокой гармонии. Над Ричардом он работал очень долго, но первой значительной победой актера на пути сочетания новой формы с новым содержанием явилась роль Кириле в спектакле «Мачеха Саманишвили» (1969 г.).

Т. Чхендзе, начавший работу над спектаклем, предполагал строить его на основе эстетики «аристотелевского театра», театра жизненной правды, психологического постижения и перевоплощения. Р. Стуруа, которому пришлось завершить поста-

новку, удалось найти столь редко осуществляющуюся органичную взаимосвязь совершенно разных театральных культур, синтезировав метод переживания и перевоплощения с методом открытой игры и дистанционного созерцания. Используя «эффект отчуждения» Б. Брехта, но верно истолковывая его не как сценический прием, а как методологический принцип эстетики эпического театра, театр Руставели добился поразительного успеха.

Глубоко национальное классическое произведение, в котором быт и колорит разоренной усадебной дворянской культуры определяли его поэтику, театр Руставели демонстрировал на предельно условном фоне (худ. М. Чавчавадзе, К. Рамишвили) с минимальными реалиями быта, без грима, в современных костюмах.

Постановщики «Мачехи Саманишвили» добивались гротескного преувеличения, обострения характеров и событий. В этой адаптации мягкий юмор заменялся иронией, но именно она представляла героев Д. Клдиашвили в совершенно новом свете. Герои же эти являли не тип измельченного и волею судьбы опустившегося грузинского дворянства, к которому с великим состраданием относился великий писатель, а представляли общество, лишенное нравственных идеалов и поэтому оказавшееся в предельной, трагикомической ситуации. Именно эта трагикомическая жанровая структура спектакля и оказалась для Р. Чхиквадзе родной стихией, в которой он дышал необычайно легко и свободно. Радуя своей артистичностью, он демонстрировал уже виртуозную технику исполнения. Актер в этой своей работе прибегал к первоначальной условности детской игры. И здесь использовал непринужденный характер ее «простейшей» символики. Как и в спектакле «Чинчрака», стараясь спасти лишь собственную персону да уже возмужавшего Дэваузурпатора, он «включал» и «озвучивал» «мотор» поврежденного летающего ковра, так и в «Мачехе Саманишвили», сопровождая деверя (Г. Гегечкори) в поисках дважды овдовевшей и бездетной мачехи, Р. Чхиквадзе представлял путешествие на коне, восседая при этом на стуле и бойко размахивая несуществующим кнутом. Спектакль изобиловал подобного рода наивной символикой, но именно эта простота и направляла актеров к выявлению того высочайшего артистизма, которым и должна была изнутри озариться эффектность и театральность избранного приема.

Выдвигая новое осмысление характера Кириле, укрупняя и совершенствуя его сценический образ, Р. Чхиквадзе вывел

на сцену театра Руставели современный тип кутилы-дебошира и в предельно взвинченной, эксцентричной форме его сценического поведения показал процесс деградации переполненной жизненной энергией человека, растратившего свою духовную потенцию в бравурно залихватской кутерьме не знающего предела застолья. Хотя стимул столь экспансивного времяпрепровождения Р. Чхиквадзе искал в подсознательном стремлении своего героя высвободиться от скуки мучительно однообразной и опостылевшей провинциальной действительности, он не сочувствовал своему герою, не старался психологически мотивировать его поступки. Иронизируя, развенчивая и дискредитируя его, Р. Чхиквадзе напоминал нам и «мятежного негероя пятидесятих годов», и его «бунт без причин» (так назывался последний и самый шумевший фильм всемирно знаменитого, несмотря на свои три роли и двадцать один год, трагически погибшего американского актера Джеймса Дина, по определению М. Туровской, прообраза всех «рассерженных»). И этот бунт ради бунта, протест, в котором были опущены социальные, нравственные и духовные факторы, воспринимались и как пародийная антитеза изживающей уже теме «хиппи», «рассерженного» молодого человека, стремившегося сбросить и забыть те важнейшие проблемы и глубочайшие жизненные противоречия, разрешить которые ему не удалось.

Так, глубоко обобщая характер изображаемого им персонажа, Р. Чхиквадзе добился абсолютного единения с природой спектакля. Здесь и настал его звездный час, именно здесь он приобрел положение лидера, наиболее активно провозгласившего художественные принципы построения спектакля, обусловившие его место среди лучших образцов современного прочтения классики.

Спектакль «Мачеха Саманишвили» наряду с более ранними работами Р. Стуруа — «Добрый человек из Сезуана» Б. Брехта, «Медя» Ж. Ануя, «Доктор Штокман» Г. Ибсена и другие — стал предтечей той модели интеллектуального театра Р. Стуруа, карнавально-пародийная и гротескно-фарсовая структура которого обусловили в дальнейшем наиболее значительные творческие открытия Р. Чхиквадзе.

Модель эта в своем чистом, завершенном виде предстала перед нами в спектакле «Кваркварэ» (П. Какабадзе, 1974 г.). Само название спектакля, построенного не только на основе комедии «Кваркварэ Тутабери», но и широко использующего как мотивы творчества П. Какабадзе, так и некоторые художе-

ственные тенденции театра жестокости и абсурда, уже указывало на то, что зрителю предлагали адаптацию пьесы и собирательный, в глобальных масштабах обобщенный образ Кваркварэ. Решение этого образа, как и всего спектакля в целом, совершенно не походило на известные ранее интерпретации этой классической пьесы. Эффект неожиданности, приемы цитаций и аппликаций, пародийная природа сопоставления Кваркварэ, этого «мессии» нового времени, с Иисусом Христом, мистериальное осмысление бытовых планов постановки создавали ошеломляющее, нсизгладимое впечатление.

Р. Чхиквадзе демонстрировал зрителю не историю возвеличения и падения простого имеретинского крестьянина, а притчу о политикане-временщике, расставшемся с лаптями и весьма удобно чувствующем себя в мундире цвета хаки. Полигон экспериментов Кваркварэ не ограничивался узкими рамками провинциально-уездной действительности.

Кваркварэ, как и Ричард III Р. Чхиквадзе, являются карнавальными героями, и в гротескно-пародийной структуре обеих постановок процесс их возвеличения-падения представлен как фейерверк политических авантур с характерными для данного процесса административными играми. В обеих постановках использован принцип «монтажа аттракциона».

В «Кваркварэ» Р. Чхиквадзе исполнял отрывок из пьесы Б. Брехта «Карьера Артура Уи». В исполнении Р. Чхиквадзе эта цитата указывала как на своеобразное соотношение сочинения Р. Стурюа с театральной эстетикой Б. Брехта, так и на концептуальную взаимосвязь образов Уи и Кваркварэ. В карьере Артура Уи Р. Чхиквадзе проецировал карьеру Кваркварэ. Артур Уи в интерпретации актера являлся вариацией на тему «кваркваризма», а природа этой вариации носила импровизационный характер. Кваркварэ так же был лишен свойств сказочного героя грузинского фольклора, как Ричард — черт трагической личности. Для Р. Чхиквадзе как Кваркварэ Тутабери П. Какабадзе, так и Ричард Глостер Шенспира являлись архетипами созданных им образов. Кваркварэ промышлял в уезде Великой империи, Ричард — в самом центре Великобритании, но антиморальная и антигуманистическая сущность их деятельности в спектаклях Р. Стурюа была совершенно идентична, и в обоих образах необычайно ярко вырисовывалось ироническое толкование наполеоновской темы.

Срывая маску со своих героев, показывая маниакальное стремление к возвеличению собственной персоны, разоблачая

«крестных отцов» мафий, Р. Чхиквадзе обличал не только этих новоявленных узурпаторов, но осуждал и само общество, здравый смысл и нравственная слепота которого допустили возможность их триумфа, возможность победы идей Ричарда и Кваркварэ.

В этой модели мироздания, которую демонстрировал спектакль, падение правов обуславливалось пафосом обывательского приспособленчества, стремлением народа походить на своих вождей, стать микроричардами и микрокваркварэ. Р. Чхиквадзе в этом измерении и выражал трагический пафос обеих постановок, так как именно в этом направлении видел возможность нового возрождения ричардов и кваркварэ.

В финале обеих постановок распознанное и наказанное зло, персонифицированное в образах Кваркварэ и Ричарда, находит себе или ту же маску пророка-спасителя, в которой и начинает свою деятельность новоявленный «мессия» в прологе «Кваркварэ», или предстает в новом обличье в лице Ричмонда. Коронация Ричмонда, этого восторженного ученика «маэстро», ближайшего и талантливейшего сподвижника Ричарда, выражает ту же концепцию, те же опасения возрождения поверженного чудовища, что и воскрешение Кваркварэ, вылезающего в финале спектакля из мусорной свалки.

• Именно Ричмонд наносит Ричарду последний, сокрушительный удар, но их поединок, великолепно поставленный в прорехах огромной, охватывающей почти всю сцену географической карты Великобритании (или мира?), заканчивается нешекспировской сценой апофеоза справедливости.

Новый король медленно взойдет на помост, в свое время сооруженный для коронации Ричарда, и наденет корону. Но наше внимание приковано не только к этому ритуалу торжества зла и насилия. Под помостом находится коленопреклоненный шут (в пьесе, как известно, его нет) в красном жилете, белых лакейских перчатках, но в наполеоновской треуголке. Образ шута, прекрасно сыгранный актером А. Махарадзе, представляет собой еще одну вариацию иронического толкования наполеоновской темы, столь характерной для искусства XX века, ассоциируясь с ранними шедеврами Пикассо — с портретом художника «Сальвадо в костюме и треуголке Арлекина и с «Арлекином на красном фоне». Но Арлекин этого спектакля многозначительно улыбается. Этот шутовский оскал — красноречивый комментарий к финалу спектакля, воспринимаемого и как эпилог только что разыгранного действия, и как пролог к действию еще более кровавому, жестокому и абсурдному. На сцене валяется

изодранная в «рыцарском турнире» карта многострадальной страны, над которой простирает свой взор апокалипсический ворон Питера Брейгеля (худ. М. Швелидзе).

94935940
2022091033

Этот же зловещий ворон наблюдал сцену очередного лицедействия Ричарда с леди Анной. Представ перед Анной, оплакивающей тело Генриха VI, и признаваясь ей в любви, Ричард несколько не заботится о создании иллюзии искренности и правдивости. Здесь, как и во всем спектакле, игра Ричарда откровенно цинична. Средства, которыми коротконогое жабообразное чудовище «обольщает» и «очаровывает» неутешную вдову, подчеркнуто тривиальны, грубы и избиты. Пафос предельно фальшив. Страсть наигранна и пошла. И все это оттого, что Ричард—Р. Чхиквадзе заранее уверен в своей победе. Он знает: леди Анна, так же как и другие представители окружающего его общества, полностью лишена каких-либо нравственных идеалов и так же охвачена «лихорадкой честолюбия», как он сам и как королева Элизабет, алчно выхватывающая из рук Ричарда корону для своей дочери, надеясь через ее брачное ложе вновь приобщиться к неограниченной власти.

Леди Анна отдается Ричарду у гроба Генриха VI. Свидетели ее «падения», т. е. «возвеличения»—тот самый ворон да могильщик, аккомпанирующий этой очередной сделке на скрипке.

Под рафинированную, изысканно мелодичную музыкальную фразу Ричард настраивает свое победоносное шествие. В руках у него пурпурно-алая роза — символ любви, минуту назад столь жестоко поруганной и оскверненной. Ричард здесь почти не хромает. Серый наполеоновский френч — этот свободно избранный карнавальным костюм сидит на нем как мантия триумфатора, и в нем он дерзко элегантен. С неповторимой грациозностью злодейства выносит эту розу со сцены Р. Чхиквадзе, взрывая в нашем сознании ностальгию по той алой розе, с которой выходил на сцену божественно прекрасный Отелло гениального Лоуренса Оливье.

Время, которое отделяло негероя Оливье от антигероя Р. Чхиквадзе, естественно, усугубляло не только потребность, но и возможность современного прочтения исторической хроники Шекспира, но театр Руставели превзошел все ожидания в своей оригинальной трактовке кровавой игры за политическую власть, чреватой кошмарами современного террора и современными, усовершенствованными способами жесточайшего насилия над личностью.

Столь глобальное осмысление всех проблем спектакля, органичное единство разной театральной эстетики сделали возможным причисление этого сочинения Р. Стуруа и Р. Чхиквадзе к лучшим художественным открытиям современности.

«Ричард» явился интерпретацией опыта «Кваркварэ», стал венцом творческого содружества Р. Стуруа и Р. Чхиквадзе, которое было начато давно, хотя Р. Чхиквадзе не участвовал в тех спектаклях Р. Стуруа, в которых в основном разрабатывались художественные принципы интеллектуальной драмы. Их сотрудничество ограничивалось лишь жанром комедии и определялось совместными усилиями в решении проблем сценического воплощения принципов антимимезного театра, театра открытой игры (Фадиар — «Соломенная шляпка» Э. Лабиша, 1967 г., Акоп — «Ханума» А. Цагарели, 1968 г.).

И хотя в постановке «Ханумы» больше были использованы вокальные данные Р. Чхиквадзе, чем реализованы его актерские возможности, Р. Чхиквадзе сыграл Акопа со свойственной ему яркой артистичностью. Созданный им образ блистал неподдельным весельем, импровизационной раскованностью, неистовой комедийностью, зажигательным юмором, озорной игрой слов, поразительным многообразием речевых интонаций. Беря зрителя в соучастники своих «авантюрных» проделок, Р. Чхиквадзе был так же близок к традиции сценического воплощения типа горожанина, весьма распространенного у нас в начале века, как и остранен от нее. Двойственность освещения известного типа или маски грузинской национальной комедии определялась тут привнесением фарсовости в природу бытовой комедии, лукавством и самоиронией в обрисовке образа.

Роли, мало соприкасающиеся с игровым и импровизационным началом, вообще мало увлекают Р. Чхиквадзе. Видимо, поэтому он редко добивается настоящего успеха в ролях сугубо драматических. Актер и не стремится к их исполнению ни в театре, ни в кинематографе.

Наиболее удачные кинематографические творения Р. Чхиквадзе созданы все на той же основе синтеза различных жанровых и исполнительских структур. Р. Чхиквадзе достигает наибольшего эффекта именно в тех лентах, в которых учтены находки актера в театре и когда они вступают в органичную взаимосвязь с общей художественной концепцией кинофильма.

Некоторые талантливые кинорежиссеры, заметив особенность дарования Р. Чхиквадзе, удачно смогли использовать его в своих фильмах. В частности, Т. Абуладзе — в «Мольбе», где Р. Чхиквадзе играл Мацила — собирательный образ зла. В по-

следующих работах режиссера — «Ожерелье для моей любимой» и «Древо желания» — способность Р. Чхиквадзе на бытовой основе конструировать условно-гротескный образ, была особенно лично реализована. В первом фильме он играл мошенника Дауда, во втором — сельского попа Охрохине. В обоих случаях имело место то лицедейство актера, тот же прием открытой игры, та же мера самоиронии и пародийности, которые и составляют особенность актерской индивидуальности Р. Чхиквадзе.

Но природа далеко не каждого фильма приемлет манеру исполнения Р. Чхиквадзе. Если в таких лентах, как «Мелодии Верийского квартала» Г. Шенгелая, «Щелчки» и «Любовь с первого взгляда» Р. Эсадзе, «Дорога к дому» А. Рехвиашвили, манера художественного мышления и стиль исполнения Р. Чхиквадзе кажутся органичными, то в некоторых фильмах, где нет четкой художественной концепции, участие этого талантливого актера лишь подчеркивает их эклектичность.

Поэтому, хоть и достаточно много интересных и ярких образов создано актером в кино, его экранная деятельность все-таки несоизмерима со сценической. Здесь он владыка. Именно тут он творит свой мир с каким-то особым, только ему открытым вдохновением.

Из ролей, в которых Р. Чхиквадзе проявил новые грани своей артистической индивидуальности, хотелось бы выделить образ старого зурнача, созданный им в постановке А. Чхартшвили «Старые зурначи» (М. Элиозишвили).

Спектакль был поставлен в 1966 году. В то время А. Чхартшвили являлся художественным руководителем театра Руставели и как самим выбором пьесы, так и ее сценическим воплощением вполне ясно выражал ту художественную позицию театра, в утверждении которой руставелевцам пришлось выдерживать не одну баталию. Спектакль подтверждал стремление театра к психологической углубленности, жизненной достоверности, суровой и неприкрашенной правде. Но в парадоксальный юмор произведения мощной струей вливались лирические интонации, что во многом поэтизировало и одухотворяло бытовую структуру спектакля.

Старый зурнач Тедо в интерпретации Р. Чхиквадзе был преисполнен романтической грусти, ненавязчивой иронии. Его юмор тут был лиричен. Актер удивлял необычайно мягкой задушевностью, проникновенностью в ностальгическое настроение спектакля. Его отношение к образу рождало щемящую тоску

по той, увы, уходящей жизни, по той культуре простых, но настоящих человеческих взаимоотношений, которая поглощалась и истреблялась культурой урбанистической. Р. Чхиквадзе раскрывал духовный строй и мироощущения человека, счастливо избегнувшего процесса адаптации и навеки сохранившего веру в незыблемость таких понятий, как любовь, дружба, сострадание и верность своему долгу.

Время зурначей уходило. Стариков, настоящих мастеров своего дела, становилось все меньше и меньше. Чередовались дни мучительно однообразные — и старые музыканты украшали свой быт воспоминанием. Тосковали, но ждали чуда. И вот зурначей кто-то вспомнил. Поздно ночью во двор влетела машина. Шумный и эксцентричный шофер посадил зурначей в «колхозник» и помчал на свадьбу. Но музыканты опоздали. Пир окончен. Все разошлись. Старики сидят за столом, покрытым «натюрмортом» Пиросмани. Их окутывает таинственная тишина близлежащего леса. Настораживает охваченный чувством неминуемой гибели белый медведь, глядящий на нас с картины того же Пиросмани. Старые зурначи ждут — и в эту продолжительную, щемящую паузу медленно вступает мелодия одинокого дудуки. Музыканты играют и постепенно входят в экстаз. Все напряженней ритм, все выше поднимается песня — и в рожденной истинным искусством радости угасают старые мастера.

Большая вокальная и исполнительская культура, тонкое чувство колорита музыкального фольклора старого Тбилиси во многом способствовали успеху Р. Чхиквадзе в этой роли, но являлись лишь вспомогательными средствами для создания образа.

Тем более надо заметить, что чрезвычайно редкое для драматического театра вокальное дарование Р. Чхиквадзе порой становилось доминирующим началом в создании сценического образа, и оно не всегда приводило актера к желаемому результату. Пример тому — Мекхит-Чхиквадзе в «Трехгрошовой опере» Б. Брехта (постановка Д. Алексидзе, 1963 г.). И хотя речь здесь идет об «опере», одна из причин неудачи актера, как и всего спектакля в целом, заключалась как раз в чрезмерном увлечении музыкальной партитурой Курта Вайля.

Безупречно элегантный, но недостаточно ироничный Мекхит-Чхиквадзе с большим вокальным мастерством исполнял зонги, и хотя в то время еще не было до конца осознано, что агитационный, обличительный театр Б. Брехта менее всего

личности, так и своеобразным осмыслением методов сценического воплощения драматургии Брехта.

Определенный Брехтом «новый тип человека» адаптируется в зависимости от той же социально-политической ситуации. У Брехта — постоянно превращение личности в свою противоположность. Он далек от идеализации маленького человека, запуганного неравенством и извращенного социальной несправедливостью. Человек у Брехта постоянно подвержен метаморфозам. Потому-то, глядя на Аздака Чхиквадзе, этого пьяницу, забулдыгу, клоуна-босняка, озабоченного проветриванием своих подопревших ног, трудно предположить, как он будет себя вести в ситуации политических переворотов, с карнавальными скоростями сменяющих друг друга. Кем он станет, надев мантию судьбы? Героем, выразившим нравственное превосходство плебея, или чиновником-обывателем, прислуживающим очередной новой власти? Оба эти начала заложены в характере Аздака, они не исключают друг друга, и Р. Чхиквадзе с присутствующим ему азартом играет этот яркий образ, не стараясь смирить и психологически мотивировать противоречивость характера своего героя.

В спектакле, как и в самой пьесе, вообще малоощутимо понятие «характера». В нем не заложена логика причинности, свойственная эстетике театра жизненной, психологической правды. В интерпретации Р. Чхиквадзе особенно выпукло вырисовываются именно надличные, общие для всех персонажей спектакля черты. Но актер наделяет их такими яркими красками, такой живой плотью и кровью, что несколько отдалается от тенденции Брехта, стремившегося превратить характер в некую заранее задуманную схему, возведенную в степень маски, лишенной индивидуальных особенностей. Но это отклонение актера от теоретических канонов Б. Брехта не противоречило ни идейной, ни художественной концепции спектакля, ибо в «Кавказском меловом круге» Р. Стуруа уже не старался в чистом виде представить концепции Б. Брехта об эпическом театре. Синтезная природа этого глубоко эмоционального спектакля, его хореографическая пластичность, музыкальность, образы, созданные путем воссоединения методов представления и переживания, ярчайшая театральность, в которой определено преобладало импровизационное, интуитивное начало, а не дух рационального «нордического характера», находились в таком же соотношении с театральной эстетикой Б. Брехта, как и отклонялись от нее. Иллюстрацией

данного положения может служить и то обстоятельство, что в спектакле Р. Стурца музыку сочинил композитор Г. Канцели, во многом определивший грандиозный успех постановки. А незабываемая, потрясающая песня Аздака с петлей на шее была интерпретирована Р. Чхиквадзе в манере итальянского бельканто, а не в стиле иронически эксцентрических зонгов композитора Пауля Дессау — соавтора «Кавказского мелового жруга».

Именно в этой песне соприкасался зритель с творческим волшебством актера, именно в ней наиболее мощно звучал пафос призыва перестроить ту модель мироздания, которую демонстрировал спектакль.

Вставший на дыбы и обреченный на гибель мир озарялся в спектакле тем проявлением нравственности, которая всегда остается высшим измерением духовности, в какие бы рясы она ни рядилась — в лохмотья Аздака или фартук служанки Груше. Ведь возлагала же на себя озаренная светом Богородицы Рафаэля прекрасная Груше-Гигошвили участь высочайшей нравственности и с исповедальной верностью подымала его до высоты самоосуществления личности. Постепенное рождение человека, процесс его самоосуществления всевидящими глазами мудреца наблюдал Аздак и потому возвращал Груше воспитанного ею ребенка, что был вдохновлен ее свободным выбором, очарован соприкосновением с душой, жаждущей самоопределения... Так древнейшая библейская тема спектакля — через тьму к свету — была выражена Р. Чхиквадзе со страдальческим восторгом и логически соединялась с главной темой этого выдающегося актера, призывающего помочь человеку стать человеком!

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБОК. На стр. 48 5 строку снизу читать: «постоянным заказником» были намечены мероприятия, обес-; 3 строку снизу читать: гического режима озера Палеостоми.

Сдано в набор 17.I.85 г. Подписано к печати 16.III.85 г. Формат 84×108¹/₃₂. Высокая печать. Печ. л. 7,0—усл. печ. л. 11,97, Уч. изд. л. 14,0. УЭ 10025. Тираж 5.100 экз. Заказ 137. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон 99-06-59.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ [ответственный секретарь], Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, В. Г. МАЧАВАРИАНИ, Л. Ш. СТУРУА, Э. А. ФЕЙГИН, Г. В. ХАРАИДЗЕ [заместитель главного редактора], Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

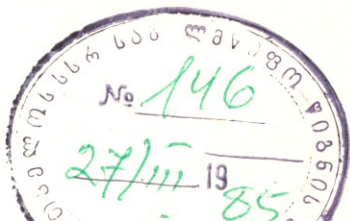
ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93 13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

85-146 ИНДЕКС 761/17

УДК 62-85
ББК 62.010.033

26-85

